АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

Г. В. Юсупов

ВВЕДЕНИЕ В БУЛГАРО-ТАТАРСКУЮ ЭПИГРАФИКУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1960

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
26	7 сверху	Н. Верески	Б. Березки
„	10 снизу	Янтиковский	Янтиковский, ЧАССР
86	4 сверху	ныи	ныне
Табл. 1	10 „	[رحمة وا سعة]	رحمة وا س[عة]
Табл. 23	1 „	Дата: 1323 г.	Дата: 1303 г.
Табл. 50	4 „	كل نفس ذايقة الم[وت ثم	اكل نفس ذايقة الم[وت ثم
Табл. 64	5 снизу	в девятьсот шестом,	в девятьсот сорок шестом,
Текст 9	2 сверху	عليها و يبقى	عليها فان و يبقى

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава первая. **Краткая история вопроса**	7
Глава вторая. **Местонахождения булгаро-татарских эпиграфических памятников**	19
Глава третья. **Булгаро-татарские эпиграфические памятники XIII—XVII вв. (К вопросу о происхождении казанских и уфимских татар)**	34
Классификация булгаро-татарских надгробных памятников	34
Булгарские надгробия I-го стиля (XIII—XIV вв.)	50
Булгарские надгробия II-го стиля (XIII—XIV вв.)	59
О языке булгарских надгробий II стиля	66
О палеографии булгарских памятников II стиля	99
Социальная терминология и имена булгарских эпитафий	101
Булгарские надгробия Башкирии	111
Татарские надгробия XV века	138
Татарские надгробия первой половины XVI в.	147
Татарские надгробия второй половины XVI в. и первой половины XVII в.	158
Татарские надгробия второй половины XVII в.	159
Заключение	164
Приложение	167
Таблицы 1—77	168
Тексты 1—11	322

Гарун Валеевич Юсупов

ВВЕДЕНИЕ В БУЛГАРО-ТАТАРСКУЮ ЭПИГРАФИКУ

Утверждено к печати Ученым Советом Института языка, литературы и истории Казанского Филиала АН СССР

Редактор издательства *Е. Г. Дагин.* Художник *М. И. Разулевич.* Технический редактор *Р. А. Аронс.* Корректор *Э. В. Коваленко*

Сдано в набор 23/IV 1960 г. Подписано к печати 10/IX 1960 г. РИСО АН СССР №142-98В. Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Бум. л. 10³/₈. Печ. л. 20³/₄=20³/₄ усл. печ. л.+1 вкл. Уч.-изд. л. 16,76 + 1 вкл. (0,33 уч.-изд. л.). Изд. № 1169. Тип. зак. № 652. М-26867. Тираж 1500.
Цена 12 р.-50 к., с 1 января 1961 года 1 р. 25 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, В. О., Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

ПРЕДИСЛОВИЕ

За годы советской власти наша историческая наука, вооруженная передовой теорией марксизма-ленинизма, добилась огромных успехов в деле создания истории народов СССР.

Значительные достижения мы имеем в разработке истории Татарской АССР и татарской литературы; эти успехи достигнуты в борьбе против различных методологических извращений буржуазно-националистического порядка.

За последние годы большим достижением историков Татарии является выпуск „Материалов по истории Татарии", первого и второго томов Истории ТАССР (Казань, 1955, 1959).

Одной из основных задач советской исторической науки является выяснение вопроса о происхождении отдельных народов СССР.

Партия и правительство придают огромное значение этой проблеме. Свидетельством тому являются специальные сессии Академии наук СССР, посвященные вопросу происхождения ряда народов нашей страны — русских, узбеков, татар, чуваш и др.

Большую и целенаправленную комплексную работу в этом отношении ведут историки, археологи, этнографы и лингвисты Татарии.

Данная работа, посвященная исследованию булгаро-татарских эпиграфических памятников, тесно связана с этой насущной задачей татарских историков и должна показать преемственную связь булгаро-татарских эпиграфических памятников в различных формах ее проявления (территориальных, типологических и др.).

В настоящей работе автор поставил своей целью:

1) проанализировать булгаро-татарские эпиграфические памятники по различным принципам — хронологическому, ти-

пологическому и отчасти языковому — и дать классификацию их;

2) показать качественные и количественные изменения этих памятников в зависимости от историко-экономических изменений общества в эпоху феодальных отношений, к которой они относятся;

3) показать социальный смысл булгаро-татарских надгробий как выражение идеологии феодального общества, как надстроечный фактор, связанный с усилением роли ислама — одной из опор этого общества;

4) показать преемственную связь памятников эпохи Казанского ханства с булгарскими памятниками как в языковом, так и в типологическом отношениях.

Говоря о значении эпиграфики, необходимо отметить, что в советской науке исследования в этой области не являются самоцелью, не носят отвлеченный характер, как это мы видим в буржуазной науке, а тесно связаны с исследованиями в области истории, лингвистики и этногенеза народов.

В частности, в булгаро-татарских эпиграфических памятниках — источниках нашего исследования — мы имеем:

1) датированные памятники края, указывающие на историю расселения булгаро-татарского населения в древности;

2) источник, откуда мы черпаем ценный материал о феодальной структуре эпохи Булгарии и Казанского ханства;

3) материал для суждения о языке древних булгар, казанских татар и о происхождении последних;

4) наконец, богатейший материал по древнему булгаро-татарскому искусству, а также и палеографии.

В ходе полевых исследований с 1946 по 1957 г. я посетил 28 районов Татарии (преимущественно в Заказанье и в сев. Предволжье), 1 район Чувашии (Урмарский район) и 12 районов Башкирии с охватом около 150 населенных пунктов. За это время в ТАССР исследовано до 60 булгаро-татарских кладбищ и изучено до 200[1] булгаро-татарских надгробий. Из этого числа древних надгробий 73 впервые открыты мною. Остальные, уже известные, были заново прочитаны, обмерены, сфотографированы и эстампированы. Кроме того, за последние годы мною обнаружено и изучено

[1] Из них 40 относится к XIII—XIV вв., 8 — к XV в., 90 — к XVI в., 9 — к XVII в., остальные — к XVIII и XIX вв.

до 30 эпиграфических памятников в западных районах Башкирии, среди которых имеются и булгарские.[2]

Изучался эпиграфический материал, также собранный другими исследователями, как изданный, так и в музейных экспонатах.

Кратко методика автора данной работы по полевому исследованию этих памятников сводилась к следующему: собирание историко-этнографических сведений путем опроса населения (стариков), обмер кладбищ, обмер древних надгробных памятников на них, чтение и запись текста на месте, получение эстампажей с текста, фотофиксация.

Следует отметить, что данная работа не охватывает надгробий XVI в. из г. Касимова, главным образом потому, что автор не мог их обследовать сам. Однако отметим, что как в языковом, так и в типологическом отношении они не отличаются существенно от наших памятников XVI в.

То же самое нам приходится сказать и в отношении небольшого собрания эпиграфических памятников Чебоксарского краеведческого музея, совершенно идентичных с нашими.

В работе использованы некоторые эпиграфические материалы, добытые в 1953—1957 гг. в Башкирии, на основе которых и написан раздел „Булгарские эпиграфические памятники Башкирии".

В приложении чтение надписей в основном (за редкими исключениями) дано заново, хотя бы с небольшими отличиями от других вариантов.

Вышедшая недавно в свет работа проф. Прицака нами была получена, когда данная монография находилась уже в печати; следовательно, эта работа не могла быть учтена; то же самое нужно сказать и о новых работах проф. Бенцинга.[3]

В таблицы-приложения включены шесть групп эпитафий (фотографии, текст и перевод): XIII—XIV вв. (табл. 1—50), XV в. (табл. 51—56), первой половины XVI в. (табл. 57—69), второй половины XVI в. и первой половины XVII в.

---

[2] Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники западных районов БАССР. 1957. (Рукопись; хранится в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, в Уфе).

[3] O. Pritsak. Bolgaro-Tschuwaschica. Ural-Altaische Jahrbücher, Bd. XXXI. Wiesbaden, 1959; J. Benzing. 1) Das Hunnische, Donaubolgarische und Wolgabolgarische. Philologiae Turcicae Fundamenta, т. I, Wiesbaden, 1959, стр. 685—695; 2) Das Tschuwaschische. Там же, стр. 695—751.

(табл. 70—72), второй половины XVII в. (табл. 73—74), XVIII в. (табл. 75—77).

В конце приложений помещены тексты эпитафий, фотографии которых по техническим соображениям не даны.

Транслитерация личных имен в эпитафиях произведена в основном по системе И. Ю. Крачковского, приспособленной к тюркским текстам тюрко-монгольским кабинетом Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР.

Отступления от этой системы встречаются главным образом тогда, когда это касается *ч*, которое в ранней тюркотатарской литературе передавало звуки *дж* и *ч*.

За неоднократные ценные консультации по различным вопросам, затронутым в данной работе, выражаю свою искреннюю благодарность проф. В. А. Крачковской, проф. А. П. Смирнову, проф. Л. З. Заляю, проф. Н. И. Воробьеву и кандидату филологических наук С. Н. Муратову.

Автор.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В данной главе мы не собираемся давать хронологическое изложение истории исследования эпиграфических памятников края, что в свое время обстоятельно сделано в работах Н. И. Ашмарина,[1] Н. Ф. Катанова,[2] С. И. Порфирьева,[3] Н. Ф. Калинина[4] и др., а остановимся лишь на принципиальной стороне изучения булгаро-татарских надгробных памятников. В этом отношении мы различаем следующие периоды:

1) период, когда булгаро-татарские эпиграфические памятники рассматривались преимущественно как историко-археологические памятники (с 1722 по 1863 г.);

2) период, когда они приобрели значение памятников языка древних булгар (с 1863 г.);

3) советский период комплексного изучения их как в историческом и языковом отношении, так и со стороны художественного оформления (1929 г.), путем систематического сбора материалов по ним во время экспедиции.

Начало изучения булгарских надгробных памятников положил Петр I во время посещения развалин Булгара в 1722 г., когда направлялся в персидский поход. Вообще начало серьезного изучения восточной эпиграфики в России связано с именем и деятельностью Петра I.

---

[1] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши. Казань, 1902, стр. 67—70.

[2] Н. Ф. Катанов. 1) Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920, стр. 4—10; 2) Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Каз. муз. вестник, 1921, № 1—2, стр. 55—56.

[3] С. И. Порфирьев. К истории сборника болгарских надписей. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. гос. унив., 1922, т. XXXI, вып. 4, стр. 41—44.

[4] Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии по булгаро-татарской эпиграфике, стр. 5—14. (Рукопись; хранится в архиве Казанского филиала АН СССР).

Петр хорошо понимал, как важно изучать и знать Восток. „Значение сохранившихся на Востоке традиций Петр сумел оценить для чисто научных предприятий, тоже впервые осуществленных при нем", — писал выдающийся ученый и знаток Востока И. Ю. Крачковский.[5]

По его приказу казанскому губернатору впервые были списаны и переведены 50 текстов надгробий с Булгарского городища ахуном Кадыр-Мухаммедом сыном Сюнчелеевым и слободским переводчиком Юсуфом Ижбулатовым.

Помимо того, Петр I, заботясь об охране булгарских памятников, писал казанскому губернатору Салтыкову:

„Господин губернатор!

„В бытность нашу в Булгарах видели мы, что у старинного булгарского строения башни (или колокольни) фундамент испортился, и оный надлежит подделать вновь. Того ради пошлите туда ныне человек двенадцать или пятнадцать каменщиков с их инструментами и несколько бочек извести, а камня там старого довольно есть, также и места старые по времени велите чинить. Подлинный его имп. вел. указ за приписанием собственные его вел. руки тако: Петр.

Из Астрахани во 2 день июня 1722 г. Получено в Казани июня в день 1722 года".[6]

Кратко говоря, судьба этих пятидесяти текстов сложилась так:[7] в литературе русский перевод указанных надписей впервые был опубликован в 70-х годах XVIII в. И. Лепехиным,[8] впоследствии они с рядом неточностей были опубликованы Ю. Клапротом,[9] П. Ф. Эрдманом[10] и И. Березиным,[11] а в порядке исправления неточностей один текст был издан проф. Катановым[12] (по И. Березину текст № 46).[13]

---

[5] И. Ю. Крачковский. Очерки истории русской арабистики. М.-Л., 1950, стр. 41.

[6] Цитировано по „Сборнику Археологического института" (кн. 11, СПб., 1879, стр. 89).

[7] Подробности см.: С. Порфирьев. К истории сборника болгарских надписей.

[8] И. Лепехин. Дневные записки путешествия, т. 1. СПб., 1771, стр. 271—283.

[9] Klaprot. Notice et explikation des inscriptions de Bolgari Noveau Journal Asiatique, VIII, Paris, 1831, стр. 483—506.

[10] П. Ф. Эрдман. О надгробных памятниках в Болгарах. Заволжский муравей, 1832, № 21, стр. 1219—1230, 1342—1358.

[11] И. Березин. Булгар на Волге. Уч. зап. Каз. унив., 1852, вып. III, стр. 100—134.

[12] Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник . . ., стр. 54—56.

[13] И. Березин. Булгар на Волге, стр. 116.

И. Березин опубликовал и ряд других текстов, изученных им непосредственно на Булгарском городище.

С течением времени сами памятники терялись, а большая часть их пошла на строительство Успенской церкви в Болгарах: ими выложен пол и фундамент этой церкви. В 1942 г. работниками Комиссии по булгаро-татарской эпиграфике в фундаменте были обнаружены, кроме зарегистрированных при Петре I и И. Березиным, совершенно новые тексты.[14]

Клапрот впервые при чтении часто встречающегося булгарского числительного جيات جور (*джиати джюр*), транскрибируя его искаженно — *джиат джейур*, пришел к выводу, что в числовом значении этого выражения нужно усмотреть дату смерти покойников, соответствующую 623 году хиджри[15] (1226 г. н. э.), когда якобы случилась массовая гибель людей в крае, что было связано с нашествием монголо-татар („год пришествия угнетения").[16] Толкование это было принято на веру Эрдманом и И. Березиным.

В 1863 г. Х. Фейзханов в своей работе о булгарских надгробиях дал правильное чтение этих слов, выражающих дату, как *джиати джюр*, отождествляя это с татарским *джити юз*. „В пользу моего мнения говорит и обыкновение татар начальное «й» произносить и писать как «дж», что касается буквы «р», употребленной вместо «з» в слове «джюр», то это можно объяснить употреблением чувашских числительных слов в эпитафиях этого времени. Чуваши же «семь» (читай «сто», — *Г. Ю.*) называют «чюр»".[17]

С той поры эти памятники начинают рассматриваться как памятники языка древних булгар.

Впервые на это крупное открытие Х. Фейзханова обратил внимание в своем письме к акад. В. В. Григорьеву крупный тюрколог, миссионер-руссификатор Н. И. Ильминский. Проявляя большой интерес к историческим корням чувашского языка, в этом письме он с осторожностью писал: „Если

---

[14] Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии. . ., стр. 8. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

[15] При следующем цифровом значении арабских букв: ج — 3, ي — 10, ا — 1, ي — 400, ج — 3, و — 6, ر — 200.

[16] Такое ошибочное толкование этих слов, к сожалению, до недавнего времени встречалось и в современной исторической литературе.

[17] Х. Фейзханов. Три надгробных булгарских надписи. Изв. Археолог. общ., т. IV, СПб., 1863, стр. 404. — Здесь мы имеем явную описку, допущенную, очевидно, издательством, поэтому вместо числительного „семь" следует читать числительное „сто".

известный историк Ш. Марджани,[26] который впервые дал принятое и доныне чтение довольно сложной и полустертой надписи конца XIII в. (?) у бывшей Архиерейской дачи близ Казани.[27]

Крупный татарский просветитель XIX в. К. Насыри, отличавшийся широким кругом интересов в изучении культуры казанских татар, также не упустил из вида эпиграфические памятники. В 70-х годах XIX в. он изучал древние татарские кладбища северного Предволжья и дал до 15 текстов надписей — главным образом XVI в. и один XV в.[28]

Местный краевед-археолог Г. Ахмаров, исследовавший ряд древних памятников по поручению Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, изучал древние кладбища и дал в своем труде „История Булгарии" до 12 текстов булгарских надписей.[29]

Надо отметить, что все названные исследователи, глубоко изучавшие эти памятники, подводя итоги своим работам, не шли дальше простой публикации их, часто даже без элементарных комментариев.

К 1907 г. относится начало деятельности ныне покойного С. Е. Малова по сбору материалов булгаро-татарской эпиграфики, которые легли в основу его позднейших публикаций.[30] В этих работах проявилась все та же тенденция отождествления чуваш с булгарами.

Значительно иной характер приняло изучение булгаро-татарских эпиграфических памятников в советский период, особенно в 1925—1930 гг. — в период оживления краеведческой работы силами членов различных обществ (Общество татароведения, Общество изучения Татарстана).

Начало комплексному изучению эпиграфических памятников положил в своей программного характера статье, посвященной этому вопросу, П. Е. Корнилов: „До сих пор это изучение, — писал он, — протекало исключительно по линии лингвистики... Изучение надгробных памятников, как памят-

---

[26] Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фи ахвалй Казан вэ Булгар, т. 1. Казань, 1897, стр. 15, 26, 27, 28, 121, 122, 131; т. II, Казань, 1900, стр. 36 (на татарском языке).

[27] Там же, стр. 28. — Ныне надгробие это находится во дворе Гос. музея ТАССР.

[28] К. Насыри. Сборник неизданных произведений, Казань, 1926.

[29] Г. Ахмаров. История Булгарии. Казань, 1908, стр. 120—128. (На татарском языке).

[30] С. Е. Малов. Булгарские и татарские эпиграфические памятники. Эпигр. Востока, I, М.—Л., 1947, стр. 38—45; II, М.—Л., 1948, стр. 41—48.

ников материальной культуры, не имело места до сих пор, но нам хорошо известно из личных наблюдений, что последние являются единственными носителями древней орнаментики, совершенно забытой к нашим дням в других видах изобразительного искусства; в форме самих памятников мы можем кое-что почерпнуть для понимания архитектурных деталей прошлого... Изучение надписей дает материалы лингвистического и историко-бытового характера".[31]

В эти годы предпринимается целый ряд экспедиций, некоторые со специально эпиграфической целью. В 1925 г. проф. Н. И. Воробьевым были обследованы булгаро-татарские надгробия в ряде пунктов Мамадышского кантона.[32]

Осенью 1926 г. Н. Ф. Калининым была проведена большая работа по изучению татарского кладбища XVIII в. в г. Казани и зарегистрировано до 35 чардуганов (надгробных сооружений) и текстов. Ввиду того что это кладбище до настоящего времени не сохранилось, работа эта является весьма ценной, хотя она существует лишь в виде рукописи.[33]

Плодотворную работу в 1927—1928 гг. проделала комплексная экспедиция Общества татароведения. Материалы этих поездок были отражены в целом ряде публикаций о надписях на надгробиях и художественной ценности их — главным образом на страницах такого издания, как „Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР", ставшего популяризатором исследований по эпиграфике.[34]

Впервые в этих работах, особенно в сводной работе Али Рахима,[35] обращается внимание на языковую сторону татарских надгробий XVI—XVII вв., титулатуру, орнаментацию,

---

[31] П. Е. Корнилов. К изучению эпиграфического резного камня болгаро-татарской эпохи. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. III, Казань, 1929, стр. 3.

[32] Н. И. Воробьев. О болгаро-татарских надгробных камнях Мамадышского кантона ТАССР. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. III, Казань, 1929, стр. 11—13.

[33] Н. Ф. Калинин. О старом татарском кладбище в Казани. 1928. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

[34] Али Рахим. 1) О двух татарских надгробных памятниках XVII в. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. III, Казань, 1929, стр. 14—21; 2) Булгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае. Там же, вып. IV, Казань, 1930, стр. 49—57; П. Дульский. Несколько слов по поводу орнаментировки татарских памятников XVI—XVII вв. Там же, вып. III, Казань, 1929, стр. 22—26; И. Н. Бороздин. Два татарских надгробия близ городища „Иски Казань". Там же, вып. IV, Казань, 1930, стр. 58—64.

[35] Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в. Труды Общества изучения Татарстана, т. 1, Казань, 1930, стр. 145—172.

палеографию надписей и даже стиль. Однако в отношении последнего Али Рахим допустил явную ошибку, отрицая преемственную связь между стилем надгробий XIV и XVI вв. Отрицание им связи булгар и татар выражается и в том, что он вообще не придавал серьезного значения булгарским надгробиям, игнорируя их наличие в Заказанье — в этой, по его словам, „исконной стране татар". По-видимому, причиной была тенденция рассматривать эти надгробия в отрыве от истории булгар, но в связи с Золотой Ордой (см. главу III настоящей работы, стр. 147). Н. Ф. Калинин, критикуя это ошибочное положение, указывал: „Как мы увидим ниже, в XIII—XIV вв. господствовало два разных стиля. Один из них имеет полную преемственную связь со стилем XV—XVI вв. Здесь линия развития совершенно непрерывна".[36]

С своей стороны, на основе разбора булгарских памятников I и II стилей (см. главу III настоящей работы) мы должны сказать, что в стиле татарских надгробий XV и XVI вв. воплощены почти в равной мере типологические элементы как I, так и II стилей булгарских надгробий. Поэтому нам кажется, что приведенное указание Н. Ф. Калинина справедливо преимущественно в отношении лишь языка памятников. Мы здесь не можем согласиться с Али Рахимом и в том, что язык I стиля булгарских надгробий — это язык джагатайский, а памятники II стиля, возможно, принадлежали чувашам-мусульманам.[37]

П. М. Дульский в своих опубликованных трудах впервые обстоятельно разбирает орнаментацию татарских надгробий с точки зрения их генезиса; справедливо указывая на связь ее с булгарским искусством, он говорит: „При изучении татарского искусства в прошлом большое значение должен иметь сравнительный анализ болгарской орнаментуры XIII в. с мотивами татарских резных камней XV—XVIII вв., и если искусство древних болгар служило до некоторой степени первоисточником для казанских татар, то как раз одни и те же сюжеты, встречающиеся в декоративном татарском искусстве в мотивах XV—XVIII вв., только подтверждают и документируют эту близкую связь творчества татар, долгое время питавшихся источниками болгарской культуры".[38]

---

[36] Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии..., стр. 14.

[37] Али Рахим, Г. Газис. История татарской литературы, т. I, ч. 2, Казань, 1923, стр. 52, 58.

[38] П. М. Дульский. Материалы по татарскому орнаменту. Труды Казанского института инженеров коммунального строительства им. Горького, вып. IV, Казань, 1936, стр. 76—77.

Но наибольшее оживление в исследовании эпиграфических памятников, всестороннее и систематическое их изучение, подчиненное насущным задачам изучения истории татарского народа, в частности его этногенеза, начинается с момента организации в 1939 г. Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ИЯЛИ), а особенно с момента создания Казанского филиала Академии наук СССР (КФАН), являющегося одним из показателей осуществления на практике благотворной ленинской национальной политики.

С декабря 1941 по декабрь 1942 г. при ИЯЛИ под председательством старшего научного сотрудника Н. Ф. Калинина и при участии А. Б. Булатова, Л. З. Залялетдинова и С. Е. Малова работала Комиссия по булгаро-татарской эпиграфике. „В тяжелую годину Великой отечественной войны, — пишет в своей работе Н. Ф. Калинин, — когда весь народ напрягает все силы на разгром ненавистного врага, когда идет напряженная борьба за существование, за счастье всего человечества, Институт правильно дал историкам и лингвистам направление, возможности и средства на те мероприятия, которые призвана была провести наша Комиссия".[39]

Здесь нет надобности подробно рассказывать о всей огромной работе, которая проведена этой Комиссией как в стенах Государственного музея ТАССР, с его большим фондом памятников, так и в экспедициях по районам Татарии, Чувашии и в Болгары, где было обнаружено много еще неизвестных, неопубликованных памятников. В результате были созданы три тома Альбома булгаро-татарской эпиграфики, состоящие из фотографий 253 памятников с комментариями и научной транскрипцией.[40] Значительное число этих памятников — булгаро-татарские надгробные надписи.

Огромное значение этих альбомов определяется тем, что они были предметом повседневного пользования для научных работников, аспирантов различных профилей — историков, археологов, лингвистов и др. Однако альбомы эти не свободны и от ряда недостатков. Значительны погрешности в научной транскрипции текстов, которые на сегодня в значительной мере исправлены общими силами пользующихся ими. В альбомах нет хронологического расположения датированных памятников, в основном представленных эпитафиями. Однако все это не умаляет их значения как ценного пособия и пер-

---

[39] Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии..., стр. 1.
[40] См.: Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии...

вого опыта собрания огромного числа эпиграфических памятников.

После открытия КФАН в ИЯЛИ сосредоточивается большая работа по комплексному изучению (историческое, археологическое, этнографическое) истории татарского народа, не говоря уже о большой литературной и лингвистической работе.

После войны, в связи с ростом полевых исследований, предпринимаемых историко-этнографическими и археологическими экспедициями ИЯЛИ, соответственно возглавленными проф. Н. И. Воробьевым и старшим научным сотрудником Н. Ф. Калининым, изучение эпиграфических памятников тесно переплетается с широким использованием их в ряде крупных работ историков, археологов и лингвистов Татарии.[41]

Здесь следует отметить находки эпиграфических памятников историко-археологической экспедицией КФАН в бассейне р. Казанки (1945 г.), в особенности памятников у с. Ямашурмы (Высокогорского р-на), среди которых имеется редкая позднеболгарская эпитафия.[42] По ошибке раньше эти памятники считались найденными автором этих строк.[43]

В 1946 г. на сессии Академии наук СССР, посвященной происхождению казанских татар, впервые были использованы материалы булгарской эпиграфики для решения этого важнейшего вопроса советской исторической науки. Еще шире работа в области булгаро-татарской эпиграфики получила отражение на конференции по древней и средневековой истории Среднего Поволжья в 1956 г. в Казани.

В связи же с этногенезом казанских татар в работе проф. Н. И. Воробьева о расселении последних широко используется эпиграфический материал, в частности, составленная автором этих строк карта распространения булгаро-татарских эпиграфических памятников,[44] которая использована и в за-

[41] Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар. Сб. „Происхождение казанских татар", Казань, 1948, стр. 96—104; Л. Заляй. К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка). Там же, стр. 81—89, 156—157. Х. Г. Гимади. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды. Сб. „Материалы по истории Татарии", вып. I, Казань, 1948, стр. 223—224.

[42] О. С. Хованская. Историко-археологические памятники левого берега рр. Казанки и Кисьмеса. 1952. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

[43] Г. В. Юсупов. К вопросу об истории и классификации булгаро-татарской эпиграфики. Эпигр. Востока, XI, М.—Л., 1956, стр. 46.

[44] Н. И. Воробьев. Материалы по истории расселения казанских татар в XV—XIX вв. в связи с их этногенезом. 1950. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

щищенной кандидатской диссертации Ш. Ф. Мухамедьярова.[45] Вопросу происхождения казанских татар, а также истории и классификации эпиграфических памятников были посвящены мои опубликованные работы, являющиеся органической частью настоящего исследования.[46]

На материалах же полевых исследований, во время которых было обнаружено много новых интересных памятников, был написан и опубликован ряд работ по булгаро-татарской эпиграфике.[47]

Обобщению небольшого опыта по методике фиксации надписей была посвящена моя небольшая заметка „Простой способ фиксации надписей".[48]

Итогом эпиграфических исследований в Башкирии в 1953—1957 гг. является работа, посвященная эпиграфическим памятникам запада Башкирии,[49] материалы которой опубликованы и использованы в данной монографии.[50]

За последние годы в печати появились работы, имеющие отношение к языку булгарских памятников II стиля. Точнее говоря, это критика языковой стороны теории булгарского происхождения казанских татар Б. А. Серебренниковым, В. Д. Дмитриевым и Н. А. Андреевым.

Заслуживает внимания мнение Б. А. Серебренникова относительно обособленности булгарского и чувашского языков еще до появления их в Среднем Поволжье. Справедлив он в своей критике разделения булгарского языка на так называемые I и II диалекты, которые он рассматривает как два

---

[45] Ш. Ф Мухамедьяров. Социально-экономический строй Казанского ханства. М., 1950. (Диссертация; хранится в Гос. библиотеке им. В. И. Ленина).

[46] Г. В. Юсупов. 1) Татарские эпиграфические памятники XV в. (К вопросу о происхождении казанских татар). Эпигр. Востока, V, М.—Л., 1951, стр. 78—94; 2) К вопросу об истории и классификации..., стр. 44—53.

[47] А. Б. Булатов. Намогильные памятники Правобережья Волги. 1949. (Рукопись; хранится в книжной палате ТАССР); Г. В. Юсупов, Г. М. Хисамутдинов. Булгарские эпиграфические памятники XIV в., найденные летом 1947 г. Эпигр. Востока, IV, М.—Л., 1951, стр. 68—75; Г. В. Юсупов. О некоторых булгарских эпиграфических памятниках. Эпигр. Востока, VII, М.—Л., 1953, стр. 26—29.

[48] Г. В. Юсупов. Простой способ фиксации надписей. Эпигр. Востока, V, М.—Л., 1951, стр. 134.

[49] Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники западных районов БАССР.

[50] Г. В. Юсупов. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища. Сб. „Вопросы башкирской филологии", М., 1959, стр. 120.

самостоятельных языка,[51] а также в кратком начертании генезиса чувашского языка.[52] Однако с рядом утверждений Б. А. Серебренникова мы не можем согласиться, о чем будет речь ниже.[53] Что касается работ В. Д. Дмитриева[54] и Н. А. Андреева,[55] то положения их нам кажутся тенденциозными и неверными.[56]

В настоящее время накоплено до 300 эстампажей надписей, снятых разработанным мною способом; так был создан фонд древних надписей, хранящихся в архиве Казанского филиала АН СССР.

Таким образом, накопленный значительный материал и опыт по изучению булгаро-татарских эпиграфических памятников находят достойное применение в исторических, лингвистических и других науках, помогая в разрешении насущных задач, поставленных перед нами партией и правительством.

---

[51] Б. А. Серебренников. К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, булгарским и татарским языками. Уч. зап. Научно-исслед. инст. яз., лит., ист. и экон. при Совете Министров ЧАССР, вып. XIV, 1956, стр. 74—75.

[52] Б. А. Серебренников. Происхождение чуваш по данным языка. Сб. „О происхождении чувашского народа", Чебоксары, 1957, стр. 40.

[53] См. в разделе „О языке булгарских надгробий II стиля".

[54] В. Д. Дмитриев. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа. Сб. „О происхождении чувашского народа", Чебоксары, 1957.

[55] Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными булгарских намогильных надписей. Уч. зап. Научно-исслед. инст. яз., лит., ист. и экон. при Совете Министров ЧАССР, вып. XIV, 1956, стр. 236—245.

[56] См. в разделе „О языке булгарских надгробий II стиля".

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ БУЛГАРО-ТАТАРСКИХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Пределы Татарской АССР охватывают преобладающую часть бывшей территории государства волжских булгар, а позже казанских татар и являются основным местом сосредоточения их культурных остатков. Немалое значение среди последних имеют булгаро-татарские кладбища, так называемые *Иски зийарат,* с интересующими нас надгробными камнями. Имеются эти памятники и в соседних с Татарией областях и автономных республиках, особенно в восточных районах Чувашии.

Начнем обзор прилагаемой нами карты распространения булгаро-татарских надгробий.[1] Булгарские надгробия конца XIII—XIV *вв. сосредоточены компактно в* ТАССР:

1) в западном Закамье,[2] преимущественно до р. Шешмы, а в отдельных случаях и до р. Зай;

2) в южном Предволжье до широты устья р. Камы, охватывая здесь и самые восточные районы Чувашской АССР;

---

[1] Произведенный нами опыт картографирования мест находок булгаро-татарских надгробных памятников ни в коей мере не претендует на полный охват таковых и отражает не количественную сторону, а лишь топографию их. Карта составлена как по литературным данным, так и по моим и Н. Ф. Калинина материалам.

[2] „Территорию Среднего Поволжья при рассмотрении обычно принято разделять на следующие части: Предкамье, Северное Предволжье, Южное Предволжье и Закамье. Территория левобережья Волги к северу от Камы называется Предкамье. Долиной р. Вятки оно разделяется на Зап. Предкамье или Заказанье и Вост. Предкамье или Елабужскую сторону. Правобережье Волги до широты устья р. Камы называется Сев. Предволжье, а южнее — Южное Предволжье. Левобережье Волги к югу от р. Камы называется Закамье, причем до р. Шешмы выделяется Зап. Закамье, а к востоку от нее Вост. Закамье". (Н. И. Воробьев. Материалы по истории расселения казанских татар. . .).

3) в западном Предкамье, т. е. Заказанье, где на сегодня нам известно 13 пунктов с булгарскими надгробиями; здесь самая северная точка распространения этих надгробий — с. Старый Ашит Тукаевского р-на ТАССР, где в 1947 г. нами были найдены два памятника XIV в.,[3] самой же восточной точкой является Кирменское городище (Мамадышский р-н ТАССР) с его памятниками XIV в.

В пределах Ульяновской обл. мы имеем надгробия XIV в. в сс. Матвеевка, Архангельское, Тат. Калмаюр. Южной границей распространения булгарских надгробий является г. Батраки Куйбышевской обл.[4]

Самым северным пунктом распространения булгарских эпитафий является д. Гордино Балезинского р-на Удмуртии. Найденный здесь довольно плохой сохранности памятник с надписью на древнебулгарском языке датируется 1323 г.

Пункты распространения булгарских надгробий XIII—XIV вв.:[5]

№№ п. п.	Населенный пункт	Район	Примечание
1.	Болгары.	Куйбышевский.	
2.	Ямбухтино.	„	
3.	Сухие Курнали.	Алексеевский.	
4.	Кубассы.	Чистопольский.	
5.	Сосновый Ключ (Нарат-Елга).	„	
6.	Городище Жуке-Тау.	„	
7.	Змиево.	„	
8.	Тат. Толкиш.	„	
9.	Верхний Толкиш.	„	
10.	Каргалы.	Кзыл-Армейский.	
11.	Ст. Ромашкино.	„	
12.	Исляйкино.	„	
13.	Тат. Тукмаклы.	„	
14.	Верх. Никиткино.	Ново-Шешминский.	
15.	Красная Кадка.	Шереметьевский.	
16.	Ст. Сауруш.	Аксубаевский.	
17.	Барское Енарускино.	„	
18.	Н. Демкино.	„	
19.	Ст. Ибрайкино.	„	
20.	Тяжбердино.	Алькеевский.	

[3] Г. В. Юсупов и Г. М. Хисамутдинов. Булгарские эпиграфические памятники XIV в. . . ., стр. 68—75.

[4] Г. В. Юсупов. О некоторых булгарских эпиграфических памятниках, стр. 26—27.

[5] Наименование районов дается по состоянию на 1 января 1959 г.; порядковые номера населенных пунктов нанесены на приведенную выше карту. Принадлежность района к ТАССР не оговаривается.

№№ п. п.	Населенный пункт	Район	Примечание
21.	Тат. Шапкино.	Алькеевский.	
22.	Матвеевка.	Ст. Майнский Ульяновской обл.	
23.	Б. Тарханы.	Больше-Тарханский.	
24.	В лесу на правом берегу р. Волги в 10 км к востоку от с. Б. Тарханы.	„	
25.	Урюм.	„	
26.	Билярск.	Билярский.	
27.	Ново-Чувашский Адам.	„	
28.	Русская Серда.	Пестречинский.	
29.	Тетюши.	Тетюшский.	
30.	Б. Шемякино.	„	
31.	Б. Атрясы.	Апастовский.	
32.	Кульгуны.	„	
33.	Салтыганово.	Камско-Устьинский.	
34.	Байглычево.	Чувашская АССР.	
35.	Б. Яльчики.	„	
36.	Байтеряково.	„	
37.	Б. Ошняк.	Рыбно-Слободский.	
38.	Дигитли.	Мамадышский.	
39.	Н. Яки.	„	
40.	Тат. Кирмени (Кирменское городище).	„	
41.	Б. Нырсы.	Тюлячинский.	Там же XV, XVII вв.
42.	Таутермень.	„	
43.	Кибя-Кози.	„	Там же XVI в.
44.	Казань (ферма № 2 на озере Кабане).		В Казани же XVI в.
45.	Измя.	Сабинский.	Там же XVI в.
46.	Ст. Кишит.	Тукаевский.	Там же XVI, XVII вв.
47.	Ст. Ашит.	Тукаевский.	Там же XVI в.
48.	Рус. Сарсазы.	Чистопольский.	
49.	Ст. Баран.	Кузнечихинский.	
50.	Рус. Урмат.	Высокорский.	Там же XVI в.
51.	Архангельское.	Чердаклинский, Ульяновская обл.	
52.	Тат. Калмаюр.	То же.	
53.	г. Батраки.	Куйбышевская обл.	
54.	Ямашурма.	Высокорский.	Там же XVI в.
55.	Тат. Азелей.	Нурлатский.	Там же XV в.
56.	близ г. Уфы.	Башкирская АССР.	С. Чишмы.

Такое расположение булгарских надгробий совпадает с границами Булгарского государства (в позднюю его эпоху) которые определяются и другими археологическими памятниками.[6]

[6] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 5.

За пределами ТАССР самые восточные булгарские надгробия мы имеем у с. Чишмы (Чишминского р-на БАССР), в 45 км к югу от г. Уфы. Из двух памятников один, датируемый 1339 г., находится на кладбище Акзират в 500 м к востоку от с. Чишмы, в мавзолее Хусейн-бека; другой же находился на старом, ныне не существующем кладбище, у поселка Красный ключ, в 700—800 м к северо-западу от с. Чишмы, где, по рассказам стариков, ранее было более 10 подобных памятников. Памятник этот в 1954 г. нами доставлен в Краеведческий музей БАССР в Уфе. В полукилометре к западу от этого поселка имеется место, называемое Сын-Таш, ранее почитавшееся окрестным населением. Здесь до недавнего времени стояли два надгробных памятника с арабскими надписями. Текст одного из них был прочитан с существенными искажениями группой духовенства во главе с муфтием в 1909 г.[7] Как по языку и содержанию, так и палеографически упомянутые памятники не оставляют сомнения в принадлежности их к булгарским. Явным признаком этого, например, является и булгарский титул يوارى (*йӯварӣ* 'военный муж'), прочитываемый на одном из них.[8]

Освоение заказанских земель, начавшееся еще до монгольского завоевания, особенно интенсивно шло во второй половине XIV в. С 1236 г. население Булгарии бежало сюда от монгольских захватчиков. „Тое же осени, — говорится в летописи, — придоша от восточные страны в булгарскую землю безбожные татары, и взяша славный великий город болгарский, и избиша оружием старого и уного, до сущего младенца, взяша товара множество, а город их пожгоша огнем и всю землю их пленища".[9] Эти переселения продолжались в значительных размерах в течение всей золотоордынской эпохи.

Последующее массовое переселение (в конце XIV в.) булгарского населения на север из основных мест сосредоточения его — Закамья — связано с происшедшими во второй половине XIV в. событиями, когда внутреннее устройство Булгарского государства претерпевает значительные изменения, впоследствии приведшие к его распаду. Конкретно это было обусловлено рядом военных ударов, — как со стороны Золотой Орды — Булат-Тимура (в 1361 г.), так и других сосе-

---

[7] Журнал „Ма'лумат", 1909, № 35, Уфа, стр. 854—855.

[8] Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники западных районов БАССР, рукопись, стр. 23.

[9] ПСРЛ, т. 1, стр. 45.

дей, — повторявшихся вплоть до 30-х годов XV в.[10] Эти походы и нападения так ослабили Булгарское государство, что оно не могло уже оказать серьезное сопротивление набегам кочевников с юга, в силу чего населению его оставался только один выход — переселяться на север, в Заказанье. Отсутствие в Закамье надгробий второй половины XIV в. позволяет говорить о довольно быстром темпе переселения и некотором запустении края. Именно с этим мы связываем факт отсутствия за данный период (с 60-х годов XIV в. по 40-е годы XV в.) надгробных памятников вообще, кроме найденных в Заказанье двух памятников, датированных 1382 г. (с. Ямашурма Высокогорского р-на) и 1399 г. (с. Б. Нырсы Тюлячинского р-на ТАССР).

Этот факт несомненно является результатом переселения основной массы булгарского населения в междуречье Волги и Вятки и северное Предволжье — центр созданного там впоследствии (около середины XV в.) Казанского ханства.

Наличие близ Казани булгарских надгробий конца XIII в. и факт чеканки монет в конце XIV и в начале XV в.[11] несомненно указывают на значительную политико-экономическую роль Казани в Булгарском государстве. Поэтому вполне естественна происшедшая впоследствии, в силу исторической ситуации, концентрация основного населения Булгарии вокруг Казани и перемещение сюда ее политического центра.

Памятников XV в. мы имеем очень немного, что также обусловлено историческими причинами. Все эти памятники, за исключением одного, который находится в северном Предволжье (с. Тат. Азелей Нурлатского р-на), сосредоточены лишь в Заказанье, и самый ранний из них датирован 1443 г.

Пункты распространения татарских надгробий XV в.:

№№ п. п.	Населенный пункт	Район	Примечание
57.	Б. Нырсы.	Тюлячинский.	Там же XIV и XVII вв.
58.	Тат. Ходяшево.	Пестречинский.	Там же XVI и XVII вв.
59.	Урывкино.	„	XV в. (предполож.).
60.	Камаево (*около городища Иски-Казан*).	Высокогорский.	Там же XVI в.
61.	Тат. Азелей.	Нурлатский.	Там же XIV в.
62.	Ниж. Верески.	Тукаевский.	Там же XVI в.
63.	Ст. Мичень.	Сабинский.	XV в. (предполож.).
64.	Ср. Аты.	Арский.	Там же XVI в.

[10] Н. И. Воробьев. Материалы по истории расселения казанских татар. . ., стр. 40—41.

[11] А. Б. Булатов. Светинский клад. 1951. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

Такое расположение надгробий XIV—XV вв. еще раз убеждает нас в происшедших во второй половине XIV и начале XV в. перемещениях населения Булгарского государства из Закамья и южного Предволжья в Заказанье и северное Предволжье, что также подтверждается, как увидим в следующей главе, и преемственной связью между надгробиями XIII—XIV вв., с одной стороны, и XV—XVI вв., с другой.

Первая половина XVI в. — период расцвета феодальных отношений в Казанском ханстве — дает нам снова значительное число пунктов распространения надгробий: более 50 пунктов, учтенных нами, и некоторое количество не учтенных. Всего к 1957 г. выявлено 150 надгробий XVI в. На западе они доходят до пределов Чувашии, где распространяются вплоть до р. Суры (по устному сообщению проф. Н. И. Воробьева). Памятники этого времени на севере доходят до с. Нижн. Ура Тукаевского р-на ТАССР; а еще севернее мы их встречаем вне пределов ТАССР, в с. Карино (Нукрат) Слободского р-на Кировской обл. Самым южным пунктом в Заказанье был памятник XVI в. (ныне исчезнувший) в с. Епанчино Лаишевского р-на ТАССР. В Предволжье эти памятники южнее широты устья р. Камы мы встречаем только в одном пункте (Мантово Большетархановского р-на ТАССР).

Из-за недостатка сведений мы не говорим об их распространении на территории Чувашии, которая также была в пределах казанского ханства, однако по данным Краеведческого музея ЧАССР мусульманские надгробия там найдены в 22 пунктах. Об этом сообщается и в научной литературе.[12]

Памятники XVI в. на восток от центра казанского ханства распространяются недалеко (*д.* Берсут-Сукачи Кзыл-Юлдузского р-на ТАССР). Нам совершенно не известны они и в Закамье. Однако земли Казанского ханства здесь, видимо, простирались до р. Ик. На это косвенно указывают архивные документы о земельной тяжбе в XVII в.[13] татар с ирехтинскими башкирами из-за земель по р. Ик. В документах этих делается ссылка на тарханный ярлык Казанского хана Сахиб-Гирея (1523 г.) о предоставлении некоему Шейх-Ахмеду с семью товарищами земель в лен (سويورغال — *сойургал*). Факт этот получил отражение и в найденной в 1956 г. на р. Ик (с. Исламбахтино Ермекеевского р-на БАССР) экспедицией БФАН СССР *шэжэрэ* 'родословной' обладателя ука-

---

[12] Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. П. Романова, А. Р. Симонова. Чуваши, ч. 1. Чебоксары, 1956, стр. 38.

[13] ЦГИАЛ, ф. 1350, оп. 56, 1823, *д.* 563, ч. 1, *л.* 439.

занного ярлыка.[14] Родословная его такая: Малика сын Кайкыби, его сын Сулейман, его сын Мухаммед, его сын Шейх-Ахмед. В примечании написано:

„....صاحب کرای خاندان
بیرو لکان کرامطا شیخ احمد محمد اوغلی
یتی کشلار ایلان یقن اعلا
ن‌لاری ایلان طارغان دیب اسملاتوب“

(„Грамота, выданная ханом Сахиб-Гиреем Шейх-Ахмеду сыну Мухаммеда с семью товарищами и близкими огланами, наделив тарханским званием“). Таким образом, становится ясным, что земли по р. Ик входили в состав территории казанского ханства.

Пункты распространения татарских надгробий первой половины XVI в.:

№№ п.п.	Населенный пункт	Район	Примечание
65.	Ниж. Ура.	Тукаевский.	Там же XVII в.
66.	Ст. Узюм.	„	Там же XVII в.
67.	Ст. Ашит.	„	Там же XIV в.
68.	Ст. Кишит.	„	Там же XIV в.
69.	Ст. Менгер.	„	
70.	Малая Атня.	„	
71.	Ниж. Верески.	„	
72.	Б. Березе.	„	
73.	В. Серда.	„	
74.	Чувашли.	Дубъязский.	
75.	Альдермыш.	„	
76.	Ибра.	„	
77.	Айбаш.	„	
78.	Мемдель.	„	
79.	Русск. Айша и Тат. Айша.	„	
80.	Токтамыш.	„	Там же XVII в.
81.	Чирши.	„	
82.	Хохлово.	Высокогорский.	
83.	Ямашурма.	„	Там же XIV в.
84.	Чепчуги.	„	
85.	Куркачи.	„	
86.	Русск. Урмат.	„	Там же XIII в.
87.	Камаево (городище Иски-Казан).	„	Там же XV в.
88.	Чемерцы.	„	

[14] Шэжэрэ хранится в библиотеке БФАН СССР. Переписана она в 1807 г. в медресе Хисамутдина Муминова.

№№ п. п.	Населенный пункт	Район	Примечание
89.	Кишметьево.	Арский.	
90.	Нижн. Серда.	„	
91.	Кодряково.	„	
92.	Ср. Аты.	„	Там же XV в.
93.	Верхн. Аты.	„	
94.	Б. Березки.	„	
95.	Наласы.	„	
96.	Ниж. Метески.	„	Там же XVII в.
97.	Казылино.	„	
98.	Верхн. Корса.	„	По отчету О. С. Хованской (1945 г.).
99.	Стар. Масра.	„	
100.	Измя.	Сабинский.	Там же XIV в.
101.	Верхн. Кибя-Кози.	Тюлячинский.	Там же XIV в.
102.	Тямти-Метески.	„	
103.	Ст. Зюри.	„	
104.	Тямти (крещено-татарский).	„	
105.	Шадки.	„	
106.	Кибячи.	„	XVI в. (предполож.).
107.	Казаклар.	Кзыл-Юлдузский.	
108.	Ташли-Ковали.	Дубъязский.	
109.	Берсут-Сукачи.	Кзыл-Юлдузский.	
110.	Б. Салтань.	Рыбно-Слободский.	
111.	Пановка.	Пестречинский.	
112.	Юнусово.	„	
113.	Тат. Ходяшево.	„	Там же XV в.
114.	Казань (найден у б. Гостиного двора).		
115.	Епанчино.	Лаишевский.	
116.	Васюково.	Нурлатский.	
117.	Кугушево.	„	
118.	Бакарчи.	„	
119.	Нурлаты.	„	
120.	Молвино.	„	
121.	Тат. Танаево.	„	
122.	Мантово.	Б. Тарханский.	
123.	М. Кайбицы.	Кайбицкий.	
124.	Ямбухтино.	Апастовский.	
125.	Шигали.	Янтиковский, Чувашская АССР.	
126.	Карино.	Удмуртская АССР.	
126а.	Мал. Шинар.	Сабинский.	

Таким образом, пределы распространения камней первой половины XVI в. — это в основном территория казанского ханства в период его расцвета.

Во второй половине XVI в. количество надгробий сходит почти на нет. За этот период мы пока знаем только памятник 1594 г. из с. Ст. Менгеры Тукаевского р-на ТАССР, что несомненно является следствием коренной ломки политиче-

ского устройства края, происшедшей в связи с присоединением его к Русскому государству.

В XVII в. замечается некоторое увеличение числа памятников по сравнению с только что указанным периодом, однако далеко не до того количества, какое было в первой половине XVI в. Пределы распространения их те же: Заказанье, Северное Предволжье (предположительно к этому же времени относятся памятники в с. Ст. Урмары Урмарского р-на ЧАССР).

Пункты распространения татарских надгробий XVII в.:

№№ п. п.	Населенный пункт	Район	Примечание
127.	Нижн. Ура.	Тукаевский.	Там же XVI в.
128.	Ст. Узюм.	„	Там же XVI в.
129.	Бизяки.	Бондюжский.	
130.	Тураево.	„	
131.	Максабаш.	Тюлячинский.	
132.	Б. Нырсы.	„	Там же XIV и XV вв.
133.	Тат. Ходяшево.	Пестречинский.	Там же XV и XVI вв.
134.	Чита.	„	XVII в. (предполож.).
135.	Олуяз.	Кукморский.	
136.	Мамаширово.	„	
137.	Дусаево.	Таканышский.	
138.	Таканыш.	„	
139.	Именьково.	Лаишевский.	
140.	Нурлаты.	Нурлатский.	Там же XVI в. √
141.	Ошма.	Мамадышский.	
142.	Нижн. Метески.	Арский.	Там же XVI в. √
143.	Ст. Урмары.	Урмарский р-н ЧАССР.	
144.	Б. Менгеры.	Тукаевский.	
145.	Токтамыш.	Дубъязский.	Там же XVI в.
146.	Смаил.	Балтасинский.	XVII в. (предполож.).
147.	Качелино.	Арский.	
148.	Б. Нырты.	Сабинский.	

Из указанных памятников XVII в. надгробия Ст. Узюма и Нижн. Метески относятся к первой половине XVII в., а все остальные составляют особый стиль надгробных камней второй половины XVII в.

Следует при этом учесть, что многие надгробия были уничтожены, либо исчезли и не обнаружены. В особенности это относится к той части края, которая непосредственно прилегает к Казани и в которой преобладает русское население, естественно, относившееся к древним булгаро-татарским памятникам с меньшим чувством почитания. Совершенно уничтожены они были и в крупном центре, бывшей столице

Булгарии—Биляре, где Н. Рычковым (согласно сообщению о надписях, присланному ему одним муллой) отмечена самая древняя эпитафия, датированная 1173 г.[15]

„Вокруг видимых ныне развалин, — говорит Н. П. Рычков, описывая билярское кладбище, — находится множество стоящих и в землю утвержденных камней, которых вышина составляет два аршина с половиной; и протчие части камней соответствуют сей стоящей громаде. Все они изписаны Арабскими и Татарскими словами, которые не иное что знаменовали, как имена землепреданных и обыкновенные их надгробные молитвы. При том надлежит знать, что все оные камни поставлены изображенными на них словами противу восхода солнца. Большая часть из сих могильных знаков лежали повержены на землю и разбиты нынешними жителями пригорода Билярска; да и самые же, которые стоят еще доныне целы, опустившись в землю, и видимы испортившиеся слова от древности их. Любопытство, желание, чтобы узнать имена на камнях изображенных, принудило меня списать слова на тех камнях написанные. Сие кладбище называют здешние жители Балын-Гус. Могометанцы не только здесь живущие, но и башкиры из отдаленных мест съезжаются летом к сим развалинам, признавая их местами священными".[16]

Очень часто ныне мы не обнаруживаем надгробных памятников на местах, отмеченных в литературе. Так, нам не удалось не только найти памятник, но даже выявить очевидцев наличия памятника, некогда бывшего у с. Куземетьева Юдинского р-на ТАССР, о котором было сообщено В. Л. Борисовым на одном из заседаний Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.[17] Также не увенчались успехом наши неоднократные поиски „древнего татарского кладбища, относящегося, по преданию, ко временам царства Казанского", известного в окрестностях с. Шайтанова Челнинского р-на ТАССР (близ озера Могильного, где некоторые могильные плиты в XIX в. еще были целы).[18] Однако о них нам удалось слышать предания от некоторых очевидцев.

[15] [Н. П. Рычков]. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769—1770 гг. СПб., 1770, стр. 21.

[16] Там же.

[17] В. Л. Борисов. Мусульманская надпись из дер. Куземетьево. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. унив., 1899, т. XV, вып. 4, стр. 473.

[18] П. Семенов. Географический словарь Российской империи, т. V, СПб., 1885, стр. 758.

Возможно, исчезновением многих памятников на местах нужно объяснить и факт отсутствия надгробий булгарских проповедников, во множестве упоминаемых в „Истории Булгарии" Шараф ад-дином Булгāрй. Лишь очень небольшое число указанных им кладбищ имеет ныне древние надгробия (с. Ст. Узюм Тукаевского р-на, с. Кутлу-Букаш Кзыл-Юлдузского р-на ТАССР и др.).[19]

В результате этого — очень краткого — обзора приведенной выше карты можно заключить, что „из такого расположения эпиграфических памятников XIII—XIV вв., с одной стороны, и XV—XVI вв., с другой, мы ясно видим центры двух генетически связанных и исторически сменивших друг друга культур, в силу ряда причин не совсем совпадающих территориально, — это булгарская и казанско-татарская культуры",[20] *преемственную связь которых на имеющемся эпиграфическом материале* мы попытаемся показать в главе III настоящей работы.

* * *

Если ныне мы совершим поездку в Заказанские районы ТАССР, то *на пересеченной местности можем наблюдать* довольно густую сеть татарских деревень, и возле каждой из них бросится в глаза выделяющаяся своими правильными очертаниями рощица. Разбросанные там и тут, большей частью на возвышениях, состоящие преимущественно из березы и ели, такие рощицы оживляют безлесный ландшафт этих районов. Своей строго четырехугольной, подчас приближающейся к квадрату формой они близко напоминают керемети поволжских финнов. Это ныне функционирующие татарские кладбища, где, однако, нередко можно встретить и надгробия XV, XVI, даже XIV в., что указывает на древнейшее происхождение некоторых здешних сел (села Тат. Азелей Нурлатского р-на, Тат. Ходяшево Пестречинского р-на, Ср. Аты Арского р-на, Б. Нырсы Тюлячинского р-на ТАССР и др.).

Иногда при татарских деревнях бывает по два и более кладбищ; те из них, которые уже давно не функционируют, обычно называются *иски эйāрāт* 'старое кладбище'; раньше они особо почитались населением. В них-то мы большей частью и находим интересующие нас древние надгробные памятники.

---

[19] С. Казаклар близ Кутлу-Букаша.

[20] Г. В. Юсупов. Татарские эпиграфические памятники XV в., стр. 78.

Размеры булгаро-татарских кладбищ колеблются в зависимости, очевидно, от длительности их функционирования. Так, когда на их территории мы обнаруживаем лишь булгарские памятники, то размеры их бывают обычно в пределах 40 × 70—70 × 100 м (кладбище у Кирменского городища). Когда же мы находим там надгробия нескольких столетий (XV—XVI или XIV—XVI вв.), размеры доходят и до 100 × 150—150 × 200 м (например, кладбище у с. Ст. Ашит Тукаевского р-на ТАССР с памятниками XIV и XVI вв.).

По могильным западинам, направленным с запада на восток, нетрудно догадаться об ориентировке погребений, у которых, по местным обычаям, надгробия ставились у изголовья, т. е. на западном конце могилы, надписью на восток. При этом обычно плита нижним концом своим уходит в землю на глубину 50—70 см. В некоторых случаях практиковали установку надгробного камня на широкую каменную плиту с четырехугольным отверстием, соответствующим по размеру толщине нижнего конца надгробия, врезанного в паз. Следует отметить отсутствие надгробий, установленных горизонтально, за редкими исключениями (с армянской надписью).

Нельзя пройти мимо наблюдаемой нами такой закономерной особенности расположения булгаро-татарских кладбищ по отношению к населенным пунктам или городищам, как нахождение тех и других преимущественно на противоположных берегах протекающей между ними речки или ручья. Например, это наблюдается на кладбищах у сел Ст. Ашит, Ст. Менгеры Атнинского р-на, Ст. Узюм Тукаевского р-на, Ямашурма Высокогорского р-на, Тяжбердино Алькеевского р-на, Б. Атрясы Апастовского р-на, Ср. Аты Арского р-на, Тӧрек-Тямти Тюлячинского р-на; у городищ Чаллы, Змиево, Жукотин, Керменчук, Биляр, Измя Сабинского р-на, Сувар, Б. Тояба ЧАССР[21] и во многих других местах.

От стариков-татар нам не раз приходилось слышать, что это диктовалось соображениями „безопасности“, т. е. стремлением оградить село от проникновения душ покойников (*ӧрәк*), могущих причинять людям зло. Считалось, что *ӧрәк*, так же как и *шуралe* ‘леший’, не может перейти через воду.

Возле многих татарских деревень среди различных местных топонимических названий нам часто приходится слышать названия *Иски йорт* и *Йорт өсте*, которые почти всегда

---

[21] А. П. Смирнов. Исследование городища и могильника эпохи Золотой Орды у с. Б. Тояба, Чув. АССР. Зап. Чув. научно-исслед. инст. яз., лит. и ист., вып. IV, Чебоксары, 1950, стр. 146—148.

бывают связаны с древним кладбищем. Первый из них — *Иски йорт* (буквально „Старый дом") — несомненно есть название места старого селения,[22] очевидно восходящего к булгарскому периоду, ибо кладбище, связанное с ним, имеет памятники XIV в. (с. Ст. Ашит Тукаевского р-на). Очень возможно, что это название, известное у древних тюрок как социально-родовой термин, означало территорию обитания хозяйственно-социальной единицы древних насельников края. Что касается второго — *Йорт өсте*, означающего буквально „поверхность дома", „верх дома", — то оно, очевидно, было термином, употреблявшимся ранее вместо арабского *зийарат* 'кладбище', исходя из расположения их в древности на возвышенных местах. Об этом же говорит, например, название, данное местными жителями кладбищу у с. Б. Атрясы Апастовского р-на, — *Шунгаты өсте*, по имени бывшего здесь, по преданию, города Шунгаты.[23] Небезынтересно в связи с этим указать, что у некоторых крещеных татар обряды, связанные с кладбищем (поминки), называются *кәбр өсте*. В данном случае слову *йорт* 'дом' в составе интересующего нас названия соответствует арабское *кәбр* 'могила'. Могила есть дом в потустороннем мире — это поверие, общеизвестное в идеологии древних людей. Отсюда естественно и употребление термина *йорт* в названии кладбища, которое и ныне на языке стариков-татар образно называется *төп йорт* (буквально „основной дом").

Важно здесь отметить и то, что нами зафиксированы и такие названия древних кладбищ, как *Ханнар зиараты* 'Кладбище ханов',[24] *Морзалар зийараты* 'Кладбище мурз',[25] которые указывают на существование в то время у феодальной верхушки своих особых кладбищ. Об этом же говорит народное предание о кладбище военачальников в с. Кульгуны Апастовского р-на.[26] О наличии ханского кладбища мы знаем из сообщения А. Кавелина.[27] По скоплению большого числа надгробных памятников на отдельных кладбищах (Б. Атрясы —

---

[22] Под таким же названием (*Иски юрт*) имеются и села в ТАССР (Пестречинский и Сабинский р-ны). Считаем ошибочным отнесение названия *Иски йорт* также к кладбищу (на стр. 68, 69, 75 нашей работы „Булгарские эпиграфические памятники XIV в.").

[23] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 96.

[24] Кладбище у Кирменского городища (Мамадышский район), у с. Тямти Тюлячинского р-на.

[25] Кладбище у с. Янцевары Тюлячинского р-на.

[26] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 496.

[27] А. Кавелин. Древние булгары. Казань, 1847, стр. 54—55.

до 50,[28] Кирменское — 27, Ст. Менгеры — 22 и т. д.) можно заключить, что в этих пунктах были значительные феодальные центры. Нередко вблизи них можно обнаружить другое кладбище, но уже без каменных надгробий, где лишь западины могильных ям дают знать, что это было кладбище широкого слоя трудового населения. О наличии отдельных кладбищ беднейшего населения упоминает по материалам раскопок г. Сувара проф. А. П. Смирнов.[29]

Социальные различия наиболее четко отражались в характере надгробий. Огромные, хорошо оформленные плиты видим на могилах представителей феодальной верхушки, в то время как широкие слои трудового населения не в состоянии были ставить на могилы своих покойников более основательные памятники, чем кол или простой бутовый камень, помеченный родовым знаком — тамгой. Огромное количество таких простых памятников на татарских кладбищах поздних времен (XIX и начало XX в.), среди которых возвышаются несколько хорошо оформленных и с каллиграфической надписью памятников, принадлежавших баям и муллам села, воскрешают подобную же картину далекого прошлого.

Наконец, нельзя не отметить, что татарское население относится к этим кладбищам и надгробиям с особенным уважением и почтением, определяемым несомненно чувством предкопочитания. Благоговейное отношение татар-мусульман распространялось не только на наиболее известные булгаро-татарские кладбища в Болгарах, Биляре, б. Архиерейской даче близ Казани и др., но и на другие, менее известные. В 1947 г. нам приходилось, например, слышать о паломничестве, совершавшемся из отдаленных мест на такое малоизвестное кладбище, как староашитское (на севере Татарии).

Нередки случаи, когда по завещанию старика его хоронят на давно заброшенном участке рядом с древними могилами.

Случалось и так, что когда древние кладбища оказывались впоследствии на территории русских деревень, окрестные татары увозили к себе или покупали надгробные камни.[30] К этим камням со стороны татарского населения всегда проявлялось бережное (даже культовое) отношение, как к памятникам своих предков.

„В древних татарских селениях, основанных болгарами, — отмечает известный исследователь края М. Г. Худяков, — та-

[28] Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан вэ Булгар, т. 1, стр. 26—27.

[29] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 256.

[30] С. М. Шпилевский. Древние города. . ., стр. 408.

тары считают болгар своими предками, а болгарские кладбища — могилами своих отцов".[31]

В противоположность этому, можно наблюдать совершенно равнодушное отношение к этим памятникам со стороны чуваш, что отмечается и проф. Н. И. Воробьевым.[32] Об этом же пишет в своем письме (от 21 июля 1951 г.) к проф. Н. И. Воробьеву чувашский этнограф Н. Р. Романов: „Татары ближайших селений часто приходили на это кладбище[33] на поклонение покойным и несколько камней увезли отсюда неизвестно куда. Чуваши никакого почтения к этим памятникам не имели". Такой же факт мы находим в заметке В. М. Магницкого „Старые, оставленные кладбища во 2-м стане Чебоксарского уезда".[34]

Таким образом, памятники эти, выражая религиозную форму общественного сознания своего времени и классовую принадлежность погребенного, впоследствии стали объектом своеобразного культа предков казанских татар.

Нельзя также не придавать значения и наличию на функционирующих ныне татарских кладбищах надгробий XIV, XV или XVI вв. Ввиду старинного татарского обычая, строго запрещавшего хоронить на данном кладбище посторонних покойников (татар-мусульман из других мест, умерших здесь случайно),[35] это обстоятельство несомненно говорит о преемственной связи населения этих сел с древнейшими насельниками края — булгарами.

---

[31] М. Г. Худяков. К вопросу о происхождении чуваш. Изв. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, 1927, № 4, стр. 135.

[32] Н. И. Воробьев. Краткая история формирования чувашского народа и его культуры. (Глава из монографии „Чуваши". Рукопись).

[33] Речь идет о древнем кладбище и надгробиях у с. Ст. Урмары Урмарского района Чув. АССР.

[34] Каз. губ. ведомости, 1866, № 46; приводится по: С. М. Шпилевский. Древние города. . ., стр. 510.

[35] В таких случаях их хоронили вне кладбища или отдельно совсем в другом месте (см.: Г. В. Юсупов и Г. М. Хисамутдинов, Булгарские эпиграфические памятники XIV в. . . ., стр. 69).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БУЛГАРО-ТАТАРСКИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XIII—XVII вв.

(К вопросу о происхождении казанских и уфимских татар)

Классификация булгаро-татарских надгробных памятников

Вопрос о классификации булгарских эпиграфических памятников практически впервые был поставлен Н. Ф. Калининым в связи с обсуждением на сессии Академии наук СССР в 1946 г. этногенеза казанских татар.[1]

Рассматривая булгарские памятники конца XIII и XIV в., автор разделил их по языку и внешнему оформлению на два основных стиля, различая в то же время и стиль переходный. Существовавшие параллельно, эти два стиля резко различались. Так, к I стилю относились надгробия больших размеров, богато оформленные, с обширным текстом надписей, исполненных рельефным шрифтом сульс на тюркском языке со множеством арабизмов, эпитетов и родословий. Считая эти памятники распространенными в основном на Булгарском городище, автор относит их к „верхушке булгарского феодального общества, преимущественно столичного, в значительной степени арабизированного и пользовавшегося литературным языком того времени, каковым для нижнего и среднего Поволжья XIII—XIV вв. может считаться тюркокипчакский язык с сильными элементами арабизма".[2]

Ко II стилю относятся памятники, имеющие широкое распространение, отличающиеся малыми размерами, значительно проще оформленные и с коротким текстом надписи,

---

[1] Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар, стр. 96—104.

[2] Там же, стр. 104.

исполненной шрифтом куфи, с чувашизмами в языке, без эпитетов и родословий.

Памятники II стиля автор относит к „слою, стоявшему ниже на социальной лестнице: купцам, ремесленникам, менее знатным феодалам, язык которых был менее затронут влиянием литературы и арабской образованности".[3]

И, наконец: „Третьего рода эпитафии носят черты переходного характера между первым и вторым стилем. От памятников первого стиля они отличаются меньшим размером, менее богатым оформлением, шрифтом прямых очертаний, но подобны им рельефным выполнением надписей. По сравнению с памятниками второго стиля они не имеют врезанных надписей, имеют большие размеры, текст от 8 до 14 строк, орнаментацию в форме розеток в верхней арочке, иногда выполненную сулюсом первую строку, в некоторых случаях отделенную от остального текста орнаментальной полосой".[4]

Классификация эта, несмотря на целый ряд существенных недостатков и ошибочных положений, явилась большим шагом вперед в деле практического использования булгарской эпиграфики для пополнения и правильного истолкования истории народов Камско-волжского края. Она содействовала популяризации в научном мире факта существования в древнебулгарском языке известного среди лингвистов так называемого первого диалекта, близкого к современному казанско-татарскому языку. Этим был положен конец одностороннему использованию булгарской эпиграфики в вопросе этногенеза местного населения, что практиковалось долгое время сторонниками булгарской теории происхождения чуваш, использовавшими лишь памятники II стиля, т. е. с „чувашизмами" в языке, как ошибочно было принято их называть, и оставлявшими совершенно в стороне памятники с языком, близким к современному казанско-татарскому.

Одним из существенных недостатков указанной классификации является то, что она включает лишь булгарские памятники конца XIII и XIV в. и не охватывает памятники XV, XVI и XVII вв., стало быть, не показывает преемственную связь булгарской и татарской эпиграфики.

Не менее существенной ошибкой является вытекающий из этой классификации вывод о классовом характере языка булгарского общества. Утверждение, что два параллельно существовавших стиля эпитафий отражают принадлежность

---

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 101.

надгробий двум слоям булгарского феодального общества, не подтверждается объективными фактами и противоречит данным науки.

Указанные в классификации Н. Ф. Калинина положения находятся в противоречии также и с имеющимися эпиграфическими материалами. Так, тщательно отделанные, больших размеров и с текстом до 12 строк эпиграфические памятники имеются и среди надгробий II стиля и не обнаруживаются преимущественно только в столице Булгарии, как отмечает автор, но встречаются в большом числе и в других местах (табл. 23, 25, 37).[5] Как указано выше, согласно этой классификации язык надгробий ремесленников, купцов и менее знатных феодалов отражается в памятниках II стиля, однако мы имеем такие примеры, как памятники „золотых дел мастера" (табл. 15), памятник „сборщика податей Ибраҳима ал-Сӯвāрӣ" (табл. 12), вся надпись которых целиком исполнена на „первом диалекте" (т. е. на новобулгарском языке). Последний случай (т. е. надпись „ал-Сӯвāрӣ", с тюркизмами в языке) еще более противоречит положению о переходном стиле в классификации Н. Ф. Калинина. Что касается эпитетов и родословий, характерных по этой классификации только лишь для I стиля, то их нетрудно найти также и на памятниках II стиля (табл. 11, 16, 17, 37).[6] Так, на копии с одной такой надписи XIV в.[7] перечисляется до девяти поколений, причем шестеро из упоминаемых имеют титул *йӯвāрӣ* يوارى. Как видно, памятник этот принадлежал представителю булгарской родовитой феодальной знати.

Следует отметить, что с этой классификацией не совмещается и такой факт, как наличие на кладбище при Кирменском городище, называемом *Ханнар зиараты* 'Кладбище ханов', надгробий II стиля, где, судя по названию кладбища, должны были находиться только памятники I стиля. Все исследованные нами там 14 эпитафий написаны на древнебулгарском языке. Наряду с простыми (табл. 34, 35, 36) есть там и довольно изящно оформленные экземпляры (табл. 24, 25, 28).

Ту же картину мы наблюдаем на большом булгарском некрополе у с. Б. Атрясы Апастовского р-на (табл. 18, 19,

---

[5] Альбом булгаро-татарской эпиграфии (в библ. КФАН СССР), памятники №№ 221, 222, 227, 229.

[6] И. Березин. Булгар на Волге, стр. 103—107.

[7] Хранятся в Отделе редких книг и восточных рукописей Научной библиотеки Казанского гос. университета (№ 4942).

23), считающемся, как гласит предание, остатком довольно крупного булгарского города. Таким образом, имеющийся эпиграфический материал находится в явном противоречии с приведенной классификацией. Здесь следует указать на то, что принятое нами наименование (нумерация) стилей (I стиль — для меньшего числа памятников, написанных на новобулгарском языке, II стиль — для преобладающего числа памятников, написанных на древнебулгарском языке) не совсем оправдано, ибо следовало бы номера поменять местами. Однако учитывая, что наименование это уже известно в научной литературе, и не видя в этом принципиальной погрешности, считаем возможным оставить его без изменения.

Систематически проводившиеся исследования в 1948—1951 гг. в Татарии и в 1953—1957 гг. в Башкирии дали возможность собрать некоторый новый материал по интересующим нас булгаро-татарским эпиграфическим памятникам и лучше их изучить. Был выявлен ряд новых пунктов их сосредоточения и обнаружено немало интереснейших экземпляров.

Благодаря этому стало возможно заполнить такой пробел, как отсутствие памятников за период с середины XIV до конца XV в.;[8] выявился новый стиль эпитафий второй половины XVII в. Были изучены никем пока не тронутые татарские надгробия XIX в., проливающие свет на развитие стиля и содержащие элементы типологии булгарской эпиграфики. Поэтому настал момент пересмотреть старую классификацию булгарских памятников и дать новую, с более широким хронологическим охватом, с тем чтобы показать преемственную связь булгарских и татарских эпиграфических памятников.

Историческая действительность, обусловившая развитие булгаро-татарской культуры, требует поставить во главу угла новой классификации хронологический принцип, подчинив ему типологический и языковый принципы. При этом последний, очевидно, будет иметь значение только по отношению к памятникам XIII—XIV вв. Что касается регионального принципа классификации, то для этого мы не имеем достаточных данных. Поэтому и памятники Башкирии также рассматриваются согласно данной классификации, но описываются отдельно.

Схематически наша классификация представляется в следующем виде:

[8] Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 148.

Время	Тип надписи		Язык	
	I стиль	II стиль	I стиль	II стиль
XIII—XIV вв.	Сульс рельефный.	Куфи врезанный и рельефный.	Новобулгарский язык.	Древнебулгарский язык.
XV в.	Простой врезанный шрифт; рельефный сульс.		Татарский.	
Первая половина XVI в.	Рельефный сульс.		Татарский.	
Вторая половина XVI и первая половина XVII в.	Рельефный сульс.		Татарский.	
Вторая половина XVII в.	Простой рельефный шрифт.		Татарский.	

Более детализируя эту схему, мы получим следующую картину:

XIII—XIV вв.	Шрифт: сульс рельефный.	Шрифт: куфи врезанный (редко рельефный).	Арабский.	Арабский и древнебулгарский.
	Форма: прямоугольная с вырезанной наверху стрельчатой аркой с плечиками.	Форма: прямоугольная с вырезанной наверху стрельчатой или килевидной аркой с плечиками; верх в виде полукруглой арки; верх в виде стрельчатой арки.	Арабский и новобулгарский.	Арабский и древнебулгарский.
	Под аркой — формула: هوالحى الذى لا يموت وكل حى سيموت; редко — шестиконечная звезда.	Под аркой — формула: هوالحى الذى لا يموت وكل حى سيموت; формула: الحكم لله العلى الكبير		

Время	Тип надписи		Язык	
	I стиль	II стиль	I стиль	II стиль
		многолепестковая розетка; формула: بسم الله الرحمن الرحيم		
	Бордюр: линейно-рельефный орнамент.	Бордюр: линейный, иногда линейно-рельефный орнамент.		
	Иногда — орнаментальная полоса между аркой и текстом надписи.	Иногда — орнаментальная полоса между аркой и текстом надписи; редко — надпись на боковой и обратной сторонах.		
XV в.	Шрифт: сульс рельефный; простой врезанный. Форма: прямоугольная; верх в виде стрельчатой арки; верх в виде полукруглой арки. Под аркой — шестиконечная звезда; формула: هوالحى الذى لا يموت و كل حي سيموت; формула: بسم الله الرحمن الرحيم. Бордюр: редко — надпись; различного характера орнамент.		Арабский и татарский.	
Первая половина XVI в.	Шрифт: сульс рельефный. Форма: верх в виде стрельчатой арки; иногда — в виде килевидной арки; редко — верх в виде полукруглой арки.		Арабский и татарский.	

Время	Тип надписи	Язык
Первая половина XVI в.	Под аркой — традиционный рельефный растительный орнамент с цветами; редко — формула: هوالحي الذى لا يموت و كل حى سيموت. Бордюр: рельефный орнамент — „виноградная лоза"; рельефный орнамент — мелкий трилистник (*тюльпанчики*); растительный орнамент с цветами. Надпись на боковых сторонах. Надпись-штамп на обратной стороне. Иногда — орнаментальная полоса между аркой и текстом надписи.	Арабский и татарский.
Вторая половина XVI и первая половина XVII в.	Шрифт: сульс рельефный. Форма: верх в виде килевидной арки. Под аркой — традиционный рельефный орнамент с цветами. Бордюр: рельефный растительный орнамент, чередующийся с крестообразной розеткой. Надпись на боковых сторонах. Надпись-штамп на обратной стороне.	Арабский и татарский.
Вторая половина XVII в.	Шрифт: простой рельефный шрифт; редко — сульс рельефный. Форма: верх в виде стрельчатой арки; верх в виде полукруглой арки. Под аркой — врезанный растительный орнамент с бутонами цветов. Бордюр: линейно-рельефный орнамент.	Арабский и татарский.

В интересах решения поставленной задачи, т. е. показа преемственной связи булгарских надгробий с татарскими, считаем необходимым привести здесь имеющиеся материалы по татарским надгробиям XVIII и XIX вв., хотя в них и нет строго выдержанных самостоятельных стилей, а только повторение элементов типологии предшествующих веков.

Время	Тип надписи	Язык
XVIII в.	Шрифт: сульс рельефный; простой врезанный. Форма: верх в виде стрельчатой арки; верх в виде килевидной арки; верх в виде полукруглой арки. Под аркой — рельефный растительный орнамент с цветами; начало текста. Бордюр: растительный орнамент, чередующийся с крестообразной розеткой; рельефный орнамент „виноградная лоза“ (двух типов); обрамление прямой линией. Иногда — надпись на боковых сторонах.	Арабский и татарский; татарский.
XIX в.	Шрифт: сульс рельефный; сульс врезанный; та'лик врезанный. Форма: верх в виде полукруглой арки; верх прямоугольный; верх в виде килевидной арки; верх в виде полукруглой арки с плечиками. Под аркой — начало текста; рельефный растительный орнамент с цветами; формула: هوالحى الذى لا يموت; формула: الحكم لله. Бордюр: рельефный орнамент „виноградная лоза“ (новый вариант); обрамление прямой линией; рельефный растительный орнамент с цветами. Иногда — надпись на боковых сторонах; надпись-штамп на обратной стороне.	Татарский; редко — арабский и татарский.

Заканчивая эту классификацию, отметим, что в булгарскую эпоху (XIII—XIV вв.) имело место наличие двух отличающихся друг от друга стилей эпиграфических памятников.

I стиль — надписи, исполненные рельефным шрифтом сульс на новобулгарском языке.

Эпитафии, исполненные целиком на арабском языке (табл. 2, 4), безусловно принадлежащие представителям болгарской аристократии, мы отнесли к этому же стилю по признаку шрифта (сульс) и других внешних приемов оформления. Наличие арабизмов здесь нужно понимать как проявление жаргонного языка, характерного для духовного сословия.

Обособленное место занимают здесь два памятника, датированные 1382 и 1399 гг. (табл. 44, 45). Отличаясь от других камней I стиля типологически, они все же должны, по нашему мнению, быть отнесены к I стилю и в этой группе памятников являются переходным звеном от эпитафий XIII—XIV вв. к эпитафиям XV в.

II стиль булгарских эпиграфических памятников характеризуется главным образом куфическим шрифтом и исполнением текста надписи на древнебулгарском языке (II диалекте булгарского языка, как мы его раньше называли).[9] По другим мелким типологическим признакам этот стиль более разнообразен, чем I стиль. Самые поздние памятники, исполненные на этом языке, датируются 1359 г.[10]

Сам по себе факт наличия в эпитафиях XV в. только одного татарского языка, согласно принципу нашей классификации, определил и существование единого стиля, хотя имеющееся небольшое число памятников этого периода являет большую типологическую пестроту. Особое место среди них занимает памятник из с. Ср. Аты с надписью на бордюре (текст 3).

Первая половина XVI в. дает нам довольно однородный стиль со стройным шрифтом сульс, с текстом на татарском языке, кроме коранических формул, и другими довольно устойчивыми типологическими признаками (традиционный орнамент под аркой и на бордюре). Имеется ряд памятников XV в., являющихся типологически переходными к этому стилю (табл. 56).

На основе этого стиля во второй половине XVI и первой половине XVII в. вырабатывается стиль памятников, отличающихся от предшествующих (т. е. памятников первой половины XVI в.) лишь формой арки и несколько своеобразным

[9] В. Г. Юсупов. К вопросу об истории и классификации булгаро-татарской эпиграфики, стр. 52.

[10] Однако некоторые типологические элементы этого стиля сохранились на надгробиях даже XIX и XX вв., не говоря уже о более ранних.

орнаментом на бордюре. Как единый стиль он существовал до середины XVII в., а позднее продолжал бытовать наряду с другим стилем до середины XVIII в.

Во второй половине XVII в. мы видим довольно однородный стиль, характеризующийся нестройным рельефным шрифтом, с надписью на татарском языке и врезанным стилизованным растительным орнаментом под аркой (табл. 73, 74).

В небольшом нашем материале XVIII в. наблюдаются в основном лишь пережитки более старых стилей, особенно XVI и XVII вв.

Примечательна массовая вспышка пережитков типологических элементов всей хронологической лестницы булгаро-татарской эпиграфики в XIX в., особенно в первой половине его, на надгробиях казанских татар.

Этот — изложенный пока довольно схематично — путь развития булгаро-татарской эпиграфики мы ни в коей мере не должны рассматривать вне исторической действительности, исходя из того, „что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества“.[11]

О существовании у булгар письменности до появления у них арабского шрифта, кроме сообщения Ибн ан-Надйма (X в.), мы не располагаем пока другими письменными источниками. В своей книге „Перечень“ он упоминает, что булгары и туббаты употребляют письмена китайцев и манихейцев.[12] Из местной археологической практики мы знаем много случаев находок булгарских вещей, особенно керамики, с изображениями различных знаков — тамг (рис. 1, 2).

Большой интерес в этом свете представляют надписи из Новочеркасского музея и Маяцкого городища на Дону, первые из которых были расшифрованы А. М. Щербаком, исходя из основ древнетюркских рун.[13] Датируя VIII—X вв., М. И. Артамонов считает возможным отнести их к памятникам хазарского или болгарского языка.[14]

Поразительно сходство некоторых собранных нами тамг, многократно повторяющихся в различных районах ТАССР,

[11] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1951, стр. 21.

[12] Kitāb al-Fihrist, hrsg. von G. Flügel, Leipzig, 1871, стр. 20; ср.: А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до X в. по Р. Х.). СПб., 1870, стр. 241—242.

[13] А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. Сов. археология, т. XIX, 1954, стр. 271—273.

[14] М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. Сов. археология, т. XIX, 1954, стр. 266—268.

со знаками письма орхоно-енисейских тюрок, аналогично тамгам других тюркских народов.[15] Опубликованные в печати начертания знаков древнеболгарской письменности[16] близко напоминают татарские тамги, а также древнетюркские знаки письма. Здесь нельзя пройти мимо факта сходства татарских тамг со знаками пиктографического комплекса из Хорезма.[17] В связи со всем этим некоторую силу приобретает высказанное проф. М. А. Фазлуллиным мнение о существовании у булгар доарабской письменности[18] и становится интересным сходство знаков на керамике из Саркела с татарскими тамгами, а также предположение А. М. Щербака, что эти знаки есть знаки письма.[19] К утверждению о бытовании руничеcкого письма приходит в своей интересной работе Х. Р. Курбатов.[20]

Этот неисследованный интереснейший вопрос булгаро-татарской культуры должен привлечь внимание наших ученых. Пока же остается ограничиться предположением, что имевшие место у казанских татар тамги являлись остатком древнебулгарской письменности, скорее всего, типа надписей Маяцкого городища.

Если учесть, что в древности понятие тамги означало и грамоту,[21] то предположение это, кажется, содержит зерно истины. В этом отношении небезынтересен булгарский памятник с вертикальным расположением строк, что, возможно, является далеким отзвуком традиций древнетюркских надгробий (табл. 38).[22]

Появление арабской письменности у булгар, очевидно, надо отнести ко времени еще до официального принятия ими ислама (922 г.). Так, самые древние монеты, чеканенные

---

15 Н. Малицкий. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 1897—1898 гг., стр. 43—46.

16 А. П. Окладников. История Якутии, т. I. Якутск, 1949, табл. XXXIV.

17 С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 74—75.

18 М. А. Фазлуллин. Письмо, орфография и фонетическая транскрипция в татарском языке. Казань, 1952, стр. 21—22. (Рукопись на татарском языке; хранится в Казанском педагогическом институте).

19 А. М. Щербак. Знаки на керамике из Саркела. Эпигр. Востока, XII, М., 1958, стр. 53—58.

20 Х. Р. Курбатов. Доарабский алфавит волжских булгар. Журн. „Совет әдәбияты", 1957, № 10, стр. 112—117. (На татарском языке).

21 Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 121.

22 С. Е. Малов. Булгарские и татарские эпиграфические памятники. Эпигр. Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 48.

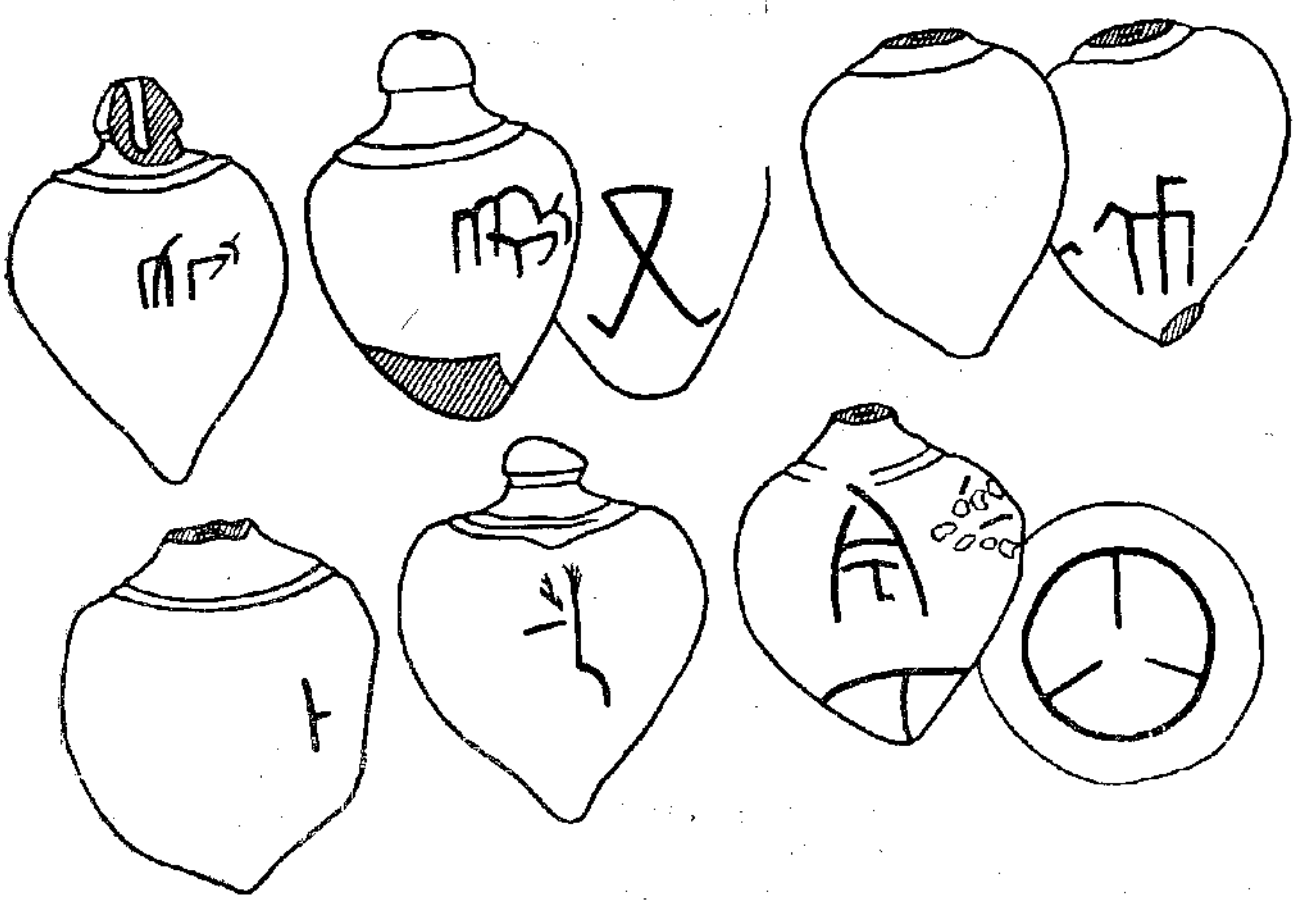

Рис. 1. Булгарские сфероконусы со знаками.

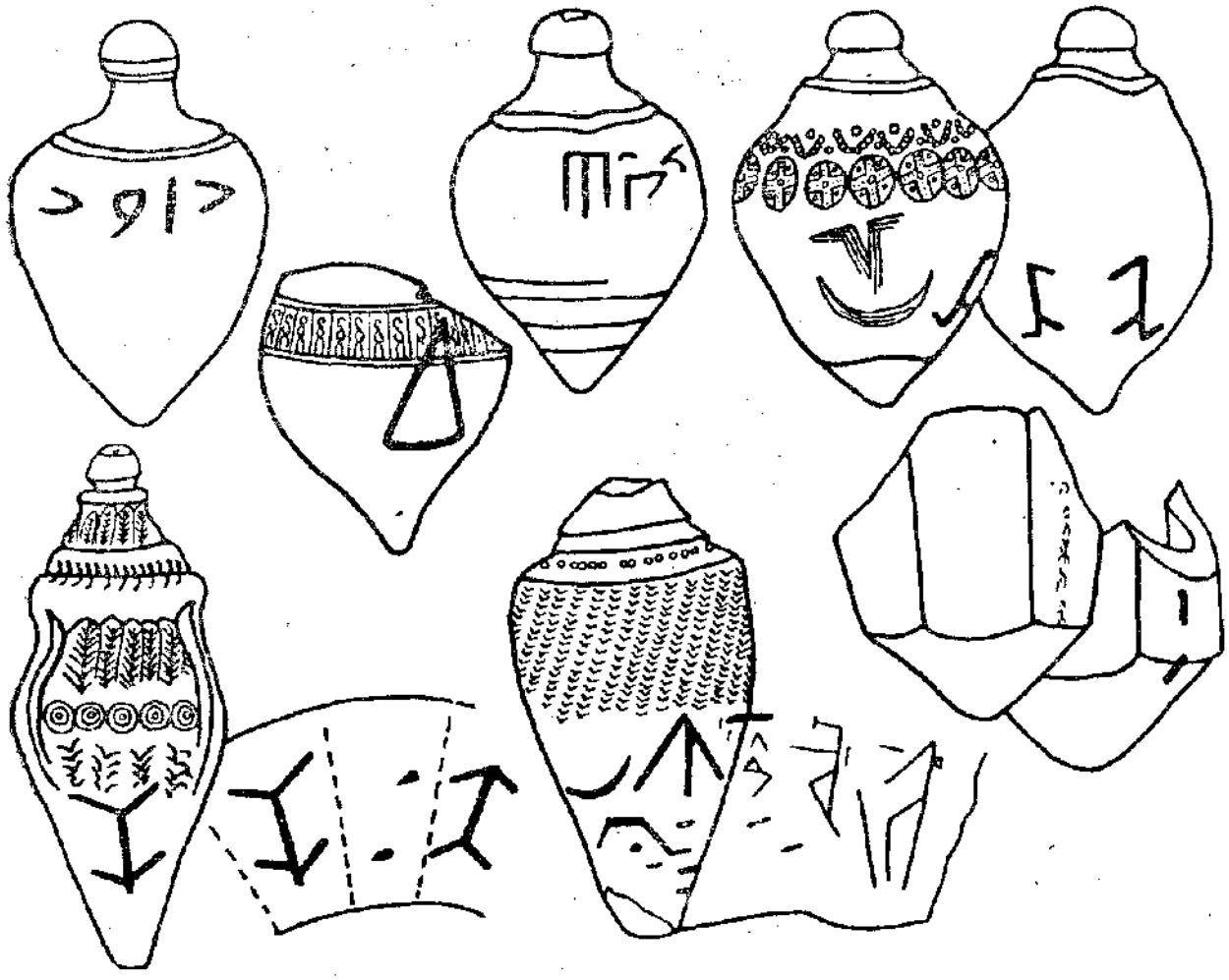

Рис. 2. Сфероконические сосуды с надписями.

в Булгаре куфическим шрифтом, являющиеся подражанием саманидским монетам, датированы 918 г.[23]

К X—XI вв. относится описанное П. В. Савельевым зеркало с куфической надписью, найденное близ развалин Булгара.[24]

В слоях, датируемых этим же временем, в 1955 г. в с. Балымеры (Куйбышевский р-н ТАССР) найдены четыре фрагмента керамики с арабской надписью.[25]

Куфическая надпись на булгарском замке из Биляра датируется 541 г. хиджри (1146 г.).[26]

Очевидно, к домонгольскому периоду относится найденная проф. А. П. Смирновым в Суваре янтарная печать-привеска, также с куфической надписью ارسلان (Арслан).[27]

О самой древней булгарской надписи с билярского кладбища мы знаем из сообщения Н. П. Рычкова. Памятник этот, датированный 1173 г., до нас не дошел, так же как и все надгробия из Биляра.

Другое наиболее раннее булгарское надгробие, известное также только в литературе, датировано было 642 г. хиджри, т. е. 1244 г. Исследованное Г. Ахмаровым в с. Ямбухтино Тетюшского р-на и находившееся тогда на пороге сельской церкви, оно имело „красивую надпись сульсом" и, как видно из уцелевших его следующих слов:

„الدنيا ٨٤ ياشندا عدد

تاريخ التى يوز قرق ايكى ده ٦٤٢"

„. . . . . 84 лет . . . . . "

По летоисчислению в шестьсот сорок втором",[28] язык его был близок к современному казанско-татарскому языку. Памятник по этим признакам должен относиться к I стилю булгарских надгробий. Кстати, дата этого памятника (самого

[23] Р. Р. Фасмер. О монетах волжских болгар X века. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. унив., 1925, т. XXXIII, вып. 1, стр. 29, 40.

[24] П. В. Савельев. Описание двух металлических зеркал с арабской надписью, найденных близ развалин Булгара. Зап. Археолог. общ., т. IV, 1851—1852, стр. 74.

[25] Выражаю свою искреннюю благодарность проф. А. П. Смирнову за присылку фотоснимков с этих фрагментов, а также ряда других материалов.

[26] С. Е. Малов. Замок из Билярска с арабской надписью. Зап. колл. востоковедов, т. II, Л., 1926, стр. 155.

[27] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 263.

[28] Г. Ахмаров. История Булгарии, стр. 125.

древнего из датированных), написанного на новобулгарском языке почерком сульс,[29] опровергает необоснованные утверждения Н. А. Андреева, что „булгарские памятники с чувашизмами являются более древними, чем памятники, содержащие кыпчако-татарские слова", и что „памятники с кыпчако-татаризмами появляются несколько позже, в первой четверти XIV в.".[30] Все эти очень натянутые утверждения опровергаются синхроничностью этих двух стилей булгарских надгробий.

Имеющийся ныне ранний булгарский памятник, найденный у с. Русск. Урмат Высокогорского р-на ТАССР в 1951 г. Н. Ф. Калининым и прочитанный мною, датируется 680 г. хиджри, т. е. 1281 г.

Начиная с конца XIII в. и до 60-х годов XIV в. этих надгробий мы находим много, особенно относящихся к первой половине XIV в.

Тот факт, что время массового распространения этого вида лапидарной эпиграфики совпадает со временем появления в значительном числе и булгарских каменных архитектурных сооружений, датированных также концом XIII и XIV вв., говорит об общей обусловленности того и другого периодом нового культурно-экономического подъема Булгарии, после того как она оправилась от разорительного нашествия монголов.[31]

Господство Золотой Орды пагубно отразилось на экономической жизни Булгарского государства.[32] Так, после монгольского разгрома 1226 г. потерял свое былое величие г. Биляр, о надгробных памятниках которого за этот период мы не имеем почти никаких сведений. После того как Булгария оправилась от этого первого поражения, в 1361 г. происходит разгром ее Булат-Тимуром, в результате чего она уже ослабевает окончательно. Происходит деградация развития и духовной культуры.[33] Если судить по эпиграфическим памятникам, эта деградация особенно чувствительна в конце XIV и в начале XV в., когда традиция установления памятников временно вышла из практики. Так, за период с 1358 по 1443 г. всего-навсего зарегистрировано два довольно простого оформления эпиграфических памятника далеко от центра Булгарского государства (табл. 44, 45), в се-

[29] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 99.
[30] Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные..., стр. 244.
[31] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 54.
[32] Х. Г. Гимади. Народы среднего Поволжья..., стр. 204.
[33] Там же, стр. 209.

лах Ямашурма Высокогорского р-на и Б. Нырсы Тюлячинского р-на ТАССР.

Политику исламизации, которую проводила Золотая Орда при ханах Берке и Узбеке,[34] нужно понимать как стремление Орды укрепить свое шаткое положение мерами не только административно-политического, но и духовного воздействия, что особенно чувствовалось к середине XIV в. Несомненно, это, в свою очередь, не могло не отразиться и на положении зависимого Булгарского государства. Вполне прав проф. А. П. Смирнов, считая показателем широкого распространения мусульманства массовое появление с конца XIII в. и в первой половине XIV в. эпиграфических памятников.[35]

Памятники эти, с их непонятными для широких масс народа арабизмами, были для них своего рода символами, обожествлявшими личность представителей правящей феодальной верхушки; поэтому так много тогда и развелось на булгарской земле всяких *аулия* 'святых', что мы видим из книги историка XVI в. Шараф ад-дйна Булгарй.[36] В этой книге сама топография могил духовенства — проповедников, — охватившая всю булгарскую землю, как основную ее часть (гг. Булгар, Биляр), так и периферию — север (Кутлу-Букаш Кзыл-Юлдузского р-на, Узюм Тукаевского р-на), запад (Ширдан Нурлатского р-на, Куккуз Апастовского р-на), восток (Западная Башкирия), — говорит о большом размахе пропаганды ислама.

С этим фактом, т. е. распространением волжскими булгарами мусульманства в башкирских землях, ряд авторов связывает, в частности, наличие там мавзолея Хусейн-бека с надгробным памятником XIV в. (1339 г.); Хусейн-бек предположительно считается булгарским проповедником ислама, а сам памятник „произведением эпохи булгарского влияния в Заволжье".[37]

Шараф ад-дйн Булгарй также приводит много имен проповедников ислама в Булгарии родом из Средней Азии и воспитанников религиозных школ Хорезма и Бухары. Могилы многих из них находятся в самом Булгаре. В этом свете

---

[34] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 80—91.

[35] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 76.

[36] Шараф ад-дйн Булгарй. История Булгарии. Казань, 1902, стр. 17—25. (На татарском языке).

[37] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 57.; В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии. Зап. Археолог. общ., т. XIII, СПб., 1857, стр. 280.

интересны надгробия I стиля, найденные на Булгарском городище, принадлежащие среднеазиатцам: Хасану-Самарканди, Хайбетлю ибн Мухаммеду-аль-Дженди и Шах Курасан ибн Мухаммед-шейху ал-Кердари.[38] Упоминает Шараф ад-дин и о похороненном в Хорезме булгарском имаме Хаваҳир-Заде Булгари.[39]

Все это лишний раз говорит о большой роли Средней Азии, в частности Хорезма, в исламизации Булгарии, которая в свою очередь была мусульманизирующим центром в Поволжье. В последнем мы убеждаемся и из истории Идриса хальфы, который, будучи проповедником в башкирских землях, был оттуда изгнан и проживал до конца жизни в своем родном селении Тябердино-Чаллы (Кзыл-Юлдузского р-на ТАССР).[40]

Останавливаясь на этой мусульманизирующей роли Средней Азии, А. Ю. Якубовский говорит: „Из средней Азии оно (т. е. Булгарское государство, — *Г. Ю.*) приняло ислам, который был поддержан халифским посольством из Багдада в 921—922 г. Булгары рано стали культурным мусульманским центром и в этом направлении оказывали немалое воздействие на соседей тюрков-кочевников, особенно на печенегов, а затем и половцев".[41]

Возможно, к числу мусульманских проповедников принадлежат упоминаемые в найденных на Булгарском городище надгробиях I стиля — Садр эд-дин ал-Ширвани, Махмуд ибн-Исмаил аш-Шемахи; здесь мы видим также „Шейха И... поклонника бога отшельника . . . . . — эддина ал-Ширвани".[42]

Ряд исследователей — А. С. Башкиров, А. П. Смирнов и др. — особо подчеркивают связь искусства и архитектуры Булгарии, особенно в XIII—XIV вв., со Средней Азией и Кавказом. Так, традиционное украшение архитектурных сооружений декоративным арабским письмом (куфи и сульс) широко применялось и булгарскими мастерами. Об этом свидетельствуют уцелевшие значительные образцы изразцовой строительной эпиграфики.[43]

На хранящемся в Государственном музее ТАССР фрагменте подобной изразцовой мозаики из г. Булгар мы видим

[38] И. Березин. Булгар на Волге, стр. 111—113.

[39] *Шараф ад-дин Булгари. История Булгарии, стр. 21.*

[40] Там же, стр. 23.

[41] См. выступление А. Ю. Якубовского на сессии Академии наук СССР, посвященной этногенезу казанских татар: сб. „Происхождение казанских татар", Казань, 1948, стр. 131—132.

[42] И. Березин, Булгар на Волге, стр. 110, 115, 124.

[43] Выставка культуры народов Востока. Казань, 1920, стр. 28.

двукратное повторение формулы الملك لله (табл. 46).[44] Формула эта часто фигурирует на архитектурных памятниках Средней Азии, например в мавзолее Ходжа Ахмада (Самарканд, Шах-и-Зинда, XIV в.),[45] в мавзолее Наджм ад-дина Кубра (Ургенч, XIV в.). Как тождественны техника и орнамент булгарской изразцовой керамики с майоликой последнего памятника, так и указанная надпись, найденная в Булгаре, являет палеографически поразительное сходство с такой же формулой, повторяющейся четыре раза на внутреннем архивольте портальной ниши этого мавзолея, построенного в 1321—1336 гг.[46]

Не исключена возможность, что указанный фрагмент из Булгар с этой формулой является остатком портала, существование которого подтверждают раскопки 1892 и 1915 гг. в „Четыреугольнике" (главной мечети г. Булгара).[47] Культурно-экономическое и политическое влияние Хорезма на булгар (особенно на архитектуру их) отмечают В. В. Бартольд,[48] В. В. Егерев[49] и др.

Булгарские нагробия I стиля (XIII—XIV вв.)

Судя по небольшому числу этих надгробий (табл. 2, 4, 10, 12, 15, 22, 44, 45, 49 и др.), средние размеры их таковы: длина 130—150, ширина 55—60, толщина 20 см. Выделяются среди них своей величиной два памятника: 1) найденный в Булгарах и вмазанный в стену вестибюля Научной библиотеки Казанского государственного университета (табл. 4) — длина 285, ширина 70, толщина 18 см; 2) самый большой из булгарских надгробий — памятник (табл. 2) из б. Архиерейской дачи близ Казани — длина 350, ширина 92—96, тол-

[44] М. Г. Худяков. К вопросу о датировке булгарских зданий. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. IV, Казань, 1930, стр. 41. — Мы, не будучи согласны с ранними и последним чтением этой формулы Комиссией по булгаро-татарской эпиграфике (ألبوم خط: Альбом булгаро-татарской эпиграфики в библ. КФАН СССР, №№ 60, 61, 62), даем свое чтение.

[45] Б. Деникe. Архитектурный орнамент Средней Азии. Л., 1939, стр. 143.

[46] А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Изв. ГАИМК, т. VI, вып. 2, 1930, стр. 62.

[47] В. В. Егерев. Ближайшие задачи по изучению и охране архитектурных памятников древних болгар. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. I, Казань, 1927, стр. 49.

[48] В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 42.

[49] В. В. Егерев. Архитектура города Болгара. Материалы и исследования по археологии СССР, № 61, М., 1958, стр. 361.

щина 38—40 см; *этот памятник является древнейшим письменным* памятником Казани, он же считается по своему оформлению и самым лучшим из булгарских надгробий.[1]

Среди надгробий I стиля нет плит малых размеров, какие есть среди памятников II стиля.

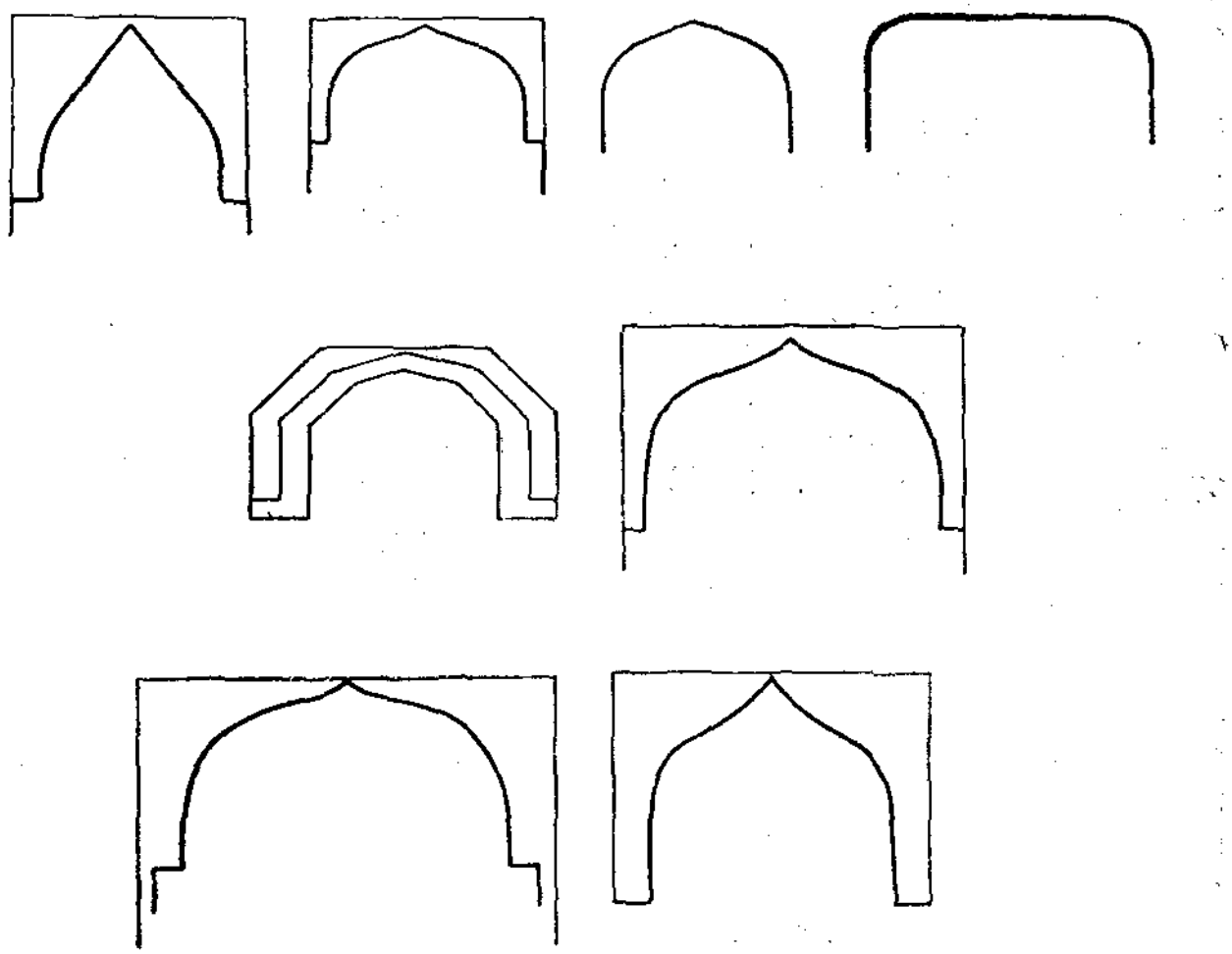

Рис. 3. Формы верхней части булгарских надгробий I стиля.

Нельзя не отметить здесь некоторую связь между размерами надгробий и измерениями архитектурных сооружений Булгара, установленную *Н. Ф. Калининым и А. П. Смирновым* и выражающуюся в предполагаемом единстве меры длины — локтя, — равной 40 см.[2]

Характерной чертой формы почти всех булгарских надгробий, в основном прямоугольных плит, является высеченная

[1] Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан вэ Булгар, т. 1, стр. 28; Н. И. Ашмарин. *Об одном мусульманском могильном* камне. . ., стр. 94—95.

[2] Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов. Реконструкция булгарской бани XIV в. Кр. сообщ. Инст. ист. матер. культ., вып. XIII, 1946, стр. 32.

в верхней части стрельчатая или килевидная арка с плечиками, исполненная стесыванием остального пространства вне арки на глубину до 5 см (рис. 3). Арка эта придает надгробиям определенную законченность, совершенство формы.

Судя по большой распространенности надгробий со стрельчатой аркой, выгодной конструктивно и строгой по форме, она, должно быть, широко применялась в булгарской архитектуре так же, как в среднеазиатской и древнерусской.[3] Мы это видим и из формы оконных проемов и ниш Черной палаты.[4] Кроме изображения ее на мелких булгарских вещах, мотив стрельчатой арки зафиксирован на орнаментации внутренней ниши Малого минарета, которая также высечена в этом стиле.[5] Поразительное сходство с булгарскими надгробиями со стрельчатой аркой обнаруживает каменная рельефно-фигурная плита из Белой палаты, использованная там для вывода водосточного крана над бассейном (хранится в Государственном музее ТАССР, № 3363-59).[6] За все время развития стиля булгаро-татарских надгробий арка эта является характернейшей формой. Не говоря уже о XIII—XIV, XV, XVI, XVII вв., когда она была преобладающей, а подчас и единственной формой (XVI в.), стрельчатая арка наблюдается и на надгробиях XIX в. Излюбленным мотивом она считалась и в народном творчестве казанских татар (в вышивках „намазлыков", ковриков и др.).[7] Наконец, как пример использования этой традиционной формы в современной архитектуре казанских татар, можно указать на построенный в Казани жилой дом по ул. Дзержинского, а также на Театр оперы и балета, в архитектурно-художественном оформлении которого широко применены орнаментальные мотивы из народного творчества, — в частности, сходные с таковыми на интересующих нас надгробиях.

Отношение высоты арочной части ко всей длине надгробия — от 1 : 4 (табл. 7, 10) до 1 : 3 (табл. 14—15). Что касается пропорции самой арки на надгробиях, то отношение стрелы подъема к пролету арки — 3 : 4, 1 : 2, 1 : 4, 3 : 5, т. е. арки преимущественно крутые (в подсчет не входит длина плечиков, равных каждый от 3 до 10 см).

---

[3] В. В. Егерев. Ближайшие задачи. . ., стр. 43.
[4] Булгары. Черная палата. Казань, 1951.
[5] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 208.
[6] Там же, табл. XII, рис. 140.
[7] П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент. Казань, 1948, стр. 8, табл. 13.

Таким образом, в I стиле надгробий арки также высокие, ничем почти не отличающиеся по своим пропорциям от арок надгробий II стиля.

Характерной чертой надгробий I стиля является заполнение внутренней поверхности арки — тимпана — традиционной формулой هوالحى الذى لا يموت و كل حى سيموت, которая большей частью берется сокращенно: هوالحى الذى لا يموت.

Пространство вне арки, за редкими исключениями (табл. 2, 49), ничем не украшено; в указанных случаях оно заполнено растительным орнаментом. Указанной заглавной формулы мы не находим только на двух булгарских надгробиях I стиля, которые являются переходными к стилю XV в. На одном из них (1399 г.) арка совершенно отсутствует (табл. 45), другое же — с не характерной для I стиля, пологой и еле заметной ломаной аркой — имеет под ней шестиконечную звезду (табл. 44).

Весьма редко практиковалось нанесение надписи на боковые грани и обратную сторону памятников. Очень слабой сохранности надпись имеется на боках булгарской плиты из Черной палаты.

По характеру бордюра памятники I стиля бывают трех родов: одни не имеют бордюрного украшения (табл. 12), у других края плиты обрамляются двумя прямолинейно идущими рельефными валиками (табл. 4), у третьих бордюр представляет рельефно-плоскую полоску (табл. 10).

На многих памятниках I стиля (не на всех) имеется украшение между основным текстом и заглавной формулой, заполняющей внутреннюю поверхность арки. В большинстве случаев это полоска рельефно высеченной „виноградной лозы" с крутыми изгибами стебля и с крупными листьями (табл. 10). Аналогичную „виноградную лозу" можно видеть и в русском искусстве XIII в.[8] Бывает орнамент и несколько другого типа, где растительность более стилизована (табл. 4).

Следует отметить поразительное сходство этого последнего варианта *„виноградной лозы"* с орнаментом на металлическом зеркале из Булгар, описанном Н. Ф. Катановым.[9] Зеркало это, в надписи которого мы обнаруживаем большую палеографическую близость к почерку надгробий I стиля, несомненно нужно отнести, хотя бы по этому признаку,

[8] История русского орнамента с X по XVI век. М., 1870, табл. XXX.

[9] Н. Ф. Катанов. Описание одного металлического зеркала с арабской надписью. Казань, 1898, стр. 2, 5.

к произведению булгарских мастеров и датировать его XIII—XIV вв., а не считать предметом ввоза в эпоху „торговых отношений России с восточным халифатом в IX—XI вв.", как предлагает Н. Ф. Катанов.

По тем же признакам к этой категории следует причислить и зеркало, найденное в кургане Нижней Дуванки Купянского уезда. Как признает сам Н. Ф. Катанов, они вполне тождественны.[10]

* * *

По языку в нашей классификации различается: 1) текст полностью на арабском языке, 2) текст на арабском и новобулгарском (I диалект) языках, 3) текст полностью на новобулгарском языке (кроме заглавной формулы, исполненной на арабском языке). Укажем несколько примеров этого стиля.

Текст камня, найденного при раскопках в мавзолее на Булгарском городище (превращенном в XVIII в. в Никольскую церковь) и находящегося ныне в стене вестибюля Научной библиотеки Казанского государственного университета (дата — 1291 г.), см. в табл. 4.

В чтении этого текста, приведенного Н. Ф. Катановым и принятого некоторыми другими учеными,[11] нами не дается заглавное الله 'Аллах', как совершенно отсутствующее. Эта ошибка в чтении вызвана палеографическими особенностями написания традиционной формулы هوالحى الذلا يموت под аркой, где жирно высеченные стволы „алифа", расположенные близко друг к другу, на первый взгляд оставляют впечатление, что это именно стволы слова الله; в ошибочности такого чтения легко можно убедиться при тщательном рассмотрении этой формулы. Эпитеты и титул, приведенные в тексте, не оставляют сомнения в принадлежности покойницы к высшему сословию.

Наиболее выделяется в отношении высокой титулатуры камень из б. Архиерейской дачи (табл. 2), принадлежащий

---

[10] Н. Ф. Катанов, Д. Айналов. Восточные металлические зеркала из Харьковской и Екатеринославской губ. Харьков, 1902, стр. 4 (Зеркало № 6).

[11] Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXI, вып. 3, Казань, 1905, стр. 264—265; Г. Ахмаров. История Булгарии, стр. 128; Н. Ф. Калинин. История Казани. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

„Высокому султану . . . . . Хасан-беку сыну Мир-Махмуда".[12] Кстати, в чтении заглавной части надписи этого камня Н. Ф. Калинин в точности повторяет ошибку Н. Ф. Катанова, несмотря на правильное чтение Ш. Марджани.[13]

Кроме этих указанных эпитафий, написанных целиком по-арабски, имеется еще до 20 памятников, принадлежащих также к I стилю (по литературным данным).[14]

Текст надгробия из булгарского городища (ныне в фундаменте б. Успенской церкви), исполненный на арабском и новобулгарском (I диалект) языках (дата 1311—1312 гг.), см. в табл. 10.[15]

В *отличие от чтения* И. Березина, Н. Ф. Катанова и Н. Ф. Калинина,[16] в пятой строке лигатуру الحى (*Ильхей*) мы склонны читать *ильчи*, считая это, так же как и на памятнике из мавзолея в Булгарах (табл. 4), титулатурного характера словом.

Подобного рода личное имя ايلجى تيمر — имя одного из башкирских послов к Ивану Грозному — мы видим в башкирском родословии.[17] *Ильчи* (الجى) в смысле „правитель" имеет место в древнетюркских рунических надписях, найденных на Дону,[18] в которых М. И. Артамонов считает возможным видеть „памятники не только хазарского периода, но и хазарского или болгарского языка".[19]

Интересен текст надгробия из Булгарского городища, написанный на новобулгарском языке, копия с которого была снята „врачом казанской больницы Н. А. Толмачевым, типографскими чернилами по наставлению академика Френа".[20] Ныне памятник этот утрачен (дата — 1317 г., табл. 15).[21]

---

[12] Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан вэ Булгар, т. 1, стр. 28.

[13] Там же.

[14] И. Березин. Булгар на Волге, стр. 110—117; Г. Ахмаров. История Булгарии, стр. 127.

[15] И. Березин. Булгар на Волге, стр. 116.

[16] Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии, стр. 54; Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар, стр. 97—98.

[17] С. Мирасов. Родословие башкир. Журнал „Башкорт аймагы", 1927, № 4, Уфа, стр. 4—5. (На башкирском языке).

[18] А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения. . ., стр. 274.

[19] М. И. Артамонов. Надписи на баклажках. . ., стр. 263.

[20] И. Березин. Булгар на Волге, стр. 118—119.

[21] Там же, стр. 119.

Среди памятников I стиля большетарханское надгробие (табл. 12) выделяется своим куфическим шрифтом (1314 г.), хотя по конструкции текста оно очень сходно с только что приведенным. К этой же группе мы относим и обломок памятника, хранившегося в Книжной палате ТАССР (табл. 22). Приведенные тексты, хотя они и относятся к одному и тому же стилю, все же несколько отличны друг от друга по форме выражений и эпитетов. Так, текстам, написанным на новобулгарском языке, свойственны краткость и простота в характеристике личности покойника, а памятникам, написанным по-арабски — изысканные выражения и подробное перечисление нравственных достоинств умершего.

Эпитафии с подобного же рода текстами на арабском языке, относящиеся к XII—XIV в., в литературе отмечаются при описании памятников из Средней Азии.[22] Нам кажется, что в противовес эпитафиям золотых дел мастера (табл. 15), *тамгачи* 'сборщика податей' (табл. 12) и Блюмшак-бека,[23] исполненных на новобулгарском языке, памятники на арабском языке главным образом принадлежали представителям духовенства, среди которых было много воспитанников медресе Хорезма и Бухары. Нет сомнения, что они, находясь под сильным влиянием традиций Средней Азии, придерживались их и на булгарской земле. Арабизмы же в их языке были не более чем жаргоном, подобно тому, как это наблюдалось среди татарского духовенства с конца XVIII до XX в. Представители последнего, так называемые *бухари-муллы*, т. е. также воспитанники бухарских медресе, любили щеголять арабскими словами, сильно пересыпая ими свою речь. Это мы видим также и на их надгробиях, почти целиком исполненных на арабском языке. К числу таких, например, относится надгробие (XIX в.) деда известного ученого-муллы Шигабутдина Марджани — муллы Багаутдина (с. Кшкар Тукаевского р-на ТАССР) — и многих других, а также самого Марджани (как известно, получившего образование в Бухаре) на казанском кладбище. Известный двухтомный труд этого автора по истории края[24] из-за обилия арабизмов трудно понять человеку, не знающему хотя бы элементарно арабский язык.

---

[22] В. В. Бартольд. Сообщение о надгробии из Мазара Кишкаулие в г. Аулие-Ата. Зап. Вост. отд. Русск. археолог. общ., т. XII, 1899, вып. 1, стр. V; М. М. Дьяконов. Несколько надписей на кайраках из Киргизии. Эпигр. Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 9—13.

[23] И. Березин. Булгар на Волге, стр. 109.

[24] Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан вэ Булгар.

Типологически промежуточное место между памятниками I стиля и памятниками XV в. занимают два булгарские надгробия последней четверти XIV в. Это — найденные в 1945 г. надгробия из сел Ямашурма Высокогорского р-на, с датой 1382 г. (табл. 44), и Б. Нырсы Тюлячинского р-на, 1399 г. (табл. 45).[25]

Ямашурминский памятник по своему внешнему облику резко отличается от остальных надгробий I стиля. Довольно неискусно высеченный, с очень пологой ломаной аркой, с шестиконечной звездой под ней, он всем этим, а также примитивным врезанным шрифтом и конструкцией текста близко напоминает памятник XV в. Текст надписи сохранился плохо (см. табл. 44).

На примере этих двух надгробий мы убеждаемся в падении стиля булгарских надгробий в конце XIV в. Очевидно, это нужно объяснить в основном такими историческими событиями, как неоднократные военные удары, нанесенные булгарам со стороны феодалов Золотой Орды, особенно Булат-Тимура в 1361 г., а также русских князей и ушкуйников во второй половине XIV в. и в первой четверти XV в., вызвавшие коренные изменения во внутреннем устройстве Булгарского государства. „Булат Тимир, князь Ордынский, Болгары взял и все грады по Волзе и улусы поимал и отня весь Волжский путь".[26] Про большой поход ушкуйников на Булгар в 1374 г. в Воскресенской летописи говорится: „Идоша на них Вяткою ушкунцы разбойницы, 90 ушкуев, и пограбеша Вятку, и им окупа 300 рублев...".[27] Русские же летописи сообщают о взятии булгарских городов Булгара, Жукотина, Казани и Керменчука князем Юрием Димитриевичем.[28]

Несомненно, в связь с этими событиями нужно поставить малое число найденных надгробий за период с 1358 г. по конец XIV в. и полное отсутствие их от начала до 40-х годов XV в. Вообще, в силу указанных событий, в этот период отмечается падение всей культурно-экономической жизни Булгарии.

Из языковых особенностей памятников I стиля мы здесь должны отметить хорошо выраженное „йоканье", например: يكرمى, يكتلار, يوز, يتى. Кроме некоторых архаизмов —

[25] Г. В. Юсупов. Татарские эпиграфические памятники XV в., стр. 80.
[26] ПСРЛ, X, СПб., 1885, стр. 233.
[27] ПСРЛ, VIII, СПб., 1889, стр. 21.
[28] ПСРЛ, XI, СПб., 1897, стр. 164.

اعرلاعان (табл. 15), وكوش (табл. 12),[29] относящихся к начальному периоду XIV в., язык этот обнаруживает большое сходство с современным казанско-татарским.

. . . . . .
حاتون اوتز بش ياشندا
وفات بولدى تنكرى رحمتى
برلا سوندرسون ,امين

В этой краткой выдержке из текста булгарской надписи 1328 г. (табл. 22) нет и сегодня ничего непонятного для татарина. Несколько архаичное برلا (ныне употребляется в форме بلەن) бытовало в литературном языке татар в конце XIX в. Форма سوندرسون ныне характерна для западного диалекта татарского языка, а в среднем диалекте употребляется в виде سويندرسون.

Заканчивая суждение о языке памятников I стиля, следует сказать, что литературные памятники булгарского времени, в частности „Нахжд ал-Фарāдйс", „Ḳиссā-и-Йӯсӯф", написаны именно на этом языке.

* * *

Текст надписи почти всех памятников I стиля, за исключением некоторых переходного типа эпитафий (1382, 1399 гг.), исполнен рельефным шрифтом, более или менее однообразным, характерным для булгарских надгробий данного стиля; типичными в этом отношении являются памятники табл. 10, 22. Аккуратным исполнением отличается надпись памятника табл. 4, а надпись надгробия из б. Архиерейской дачи (табл. 2), ныне значительно выветрившаяся, некогда представляла собой изящный образец подобного типа почерка. Палеографически довольно небрежно исполнена надпись памятника табл. 15. Почерк эпитафии табл. 49, со стройными и аккуратными буквами, имеет несколько иной оттенок по сравнению с другими памятниками этого стиля.

Троякое начертание имеет „алиф" в надписях этого стиля: 1) он изображается с загнутым влево нижним концом (ل), когда

---

[29] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 355, 406.

помещен в начале слова; 2) иногда он бывает соединен с предшествующей лигатурой (فاطملحى вместо فاطمه الحى, ولسه вместо واسه); 3) характерно восьмеркообразное его начертание в конце слова (هز 8). Типичным является сильно изогнутое и увеличенное написание конечного ى, когда оно пишется отдельно. Много случаев соединения ر с предыдущей лигатурой-رحمه (табл. 4), что создает слитную систему вязи. В текстах немного знаков чтения, но часто традиционно ставятся точки под буквами ر, ب, ي.

О большом сходстве почерка надгробий I стиля с надписью булгарского металлического зеркала мы уже говорили выше. Также следует отметить, что близким палеографическим аналогом булгарских эпитафий I стиля является надпись надгробия, датированного 608 г. хиджри (1212 г.), из Ташкентского музея, опубликованная М. Гартманом (№ 3),[30] где обнаруживается полное сходство в начертании букв ا, د, ي, ر, ب и др., а также и в самой конструкции текста. Да и вообще стилистически почерк на среднеазиатских надгробных надписях стоит очень близко к булгарским надгробиям этой группы, чего нельзя сказать о почерке надписей архитектурных памятников Средней Азии. Наличие куфического письма на памятниках I стиля — явление редкое, и то только в заглавной формуле под аркой.

Булгарские надгробия II стиля (XIII—XIV вв.)

Количественно памятников II стиля значительно больше, чем надгробий I стиля. Всего их известно более 200, в процентном отношении они составляют 90%.[1]

Размеры по сравнению с I стилем имеют значительные вариации. Так, наряду с довольно большими памятниками [толщина 23, ширина 62.5, длина 225 см (табл. 7); толщина 24, ширина 73, длина 176 см (табл. 37); толщина 22, ширина 54, длина 182 см (табл. 14)] встречается много средних [толщина 18, ширина 50, длина 120 см (табл. 25)] и значительно меньших размеров [толщина 16, ширина 44, длина

[30] M. Hartmann. Archäologisches aus Russisch Turkistan. Orientalische Literaturzeitung. Berlin, 1906, 28—34, стр. 360.

[1] В этот приблизительный подсчет входят как известные по литературе памятники, так и те, которые зафиксированы на эстампажах, но полностью не сохранились.

86 см (табл. 43); толщина 16, ширина 38, длина 50 см (табл. 42)]. Очевидно, различие в размерах памятников отчасти отражает различие в состоятельности покойников, большинство которых принадлежало к господствовавшему феодальному сословию. Маленького размера памятники (табл. 42, 43 и др.), надо полагать, принадлежали умершим малолетним детям правящего класса. Подобные надгробия на детских могилах с краткими надписями или с изображением цветка-тюльпана (XVI в.) известны нам и из более поздних времен, вплоть до начала XX в.

По общим очертаниям памятники II стиля мало чем отличаются от надгробий I стиля. Преимущественно это те же прямоугольные плиты с вырезанной наверху стрельчатой или килевидной аркой с плечиками (рис. 4, 5). Правда, среди памятников II стиля есть и надгробия с остроконечным (табл. 1, 31) и полукруглым верхом (табл. 30, 34, 38), но их мы знаем немного. Значительно больше в этом стиле вариантов арок, сходных с арками I стиля (табл. 5, 42, 43). Есть арки с небольшой стрелой подъема, т. е. плоские (табл. 29), и ломаные (рис. 5).

Одним из основных отличительных признаков надгробий этого стиля является наличие под аркой, кроме единственно характерной для I стиля формулы هوالحى الذى لا يموت (табл. 23, 30, 31, 43), орнаментальных мотивов, главным образом восьмилепестковых розеток (табл. 5, 7, 20, 24, 25, 37), и формул الحكم لله (табл. 40, 41, 42), بسم الله الرحمن الرحيم (табл. 32 и др.). Розетка всегда сочетается с какой-либо из этих формул или же с двумя формулами вместе (табл. 14, 28).

В основном орнамент тимпана сводится к двум разновидностям розетки: 1) восьмилепестковая розетка, 2) „солнце", часто заключенное в круг. Встречается, хотя и редко, другого характера орнамент — пальметка и др.

Имеется несколько вариантов восьмилепестковых розеток. Наиболее простой вариант можно видеть на табл. 19 — это розетка с удлиненными заостренными лепестками, отходящими от центрального кружка, который рассечен крест-накрест на девять мелких клеток. Самой же распространенной является розетка, имеющая лепестки с продольными черточками — иногда одной, а чаще всего двумя. Центральный кружок розетки иногда имеет точку в середине или также представляет собой розеточку, образованную пересечением трех или более

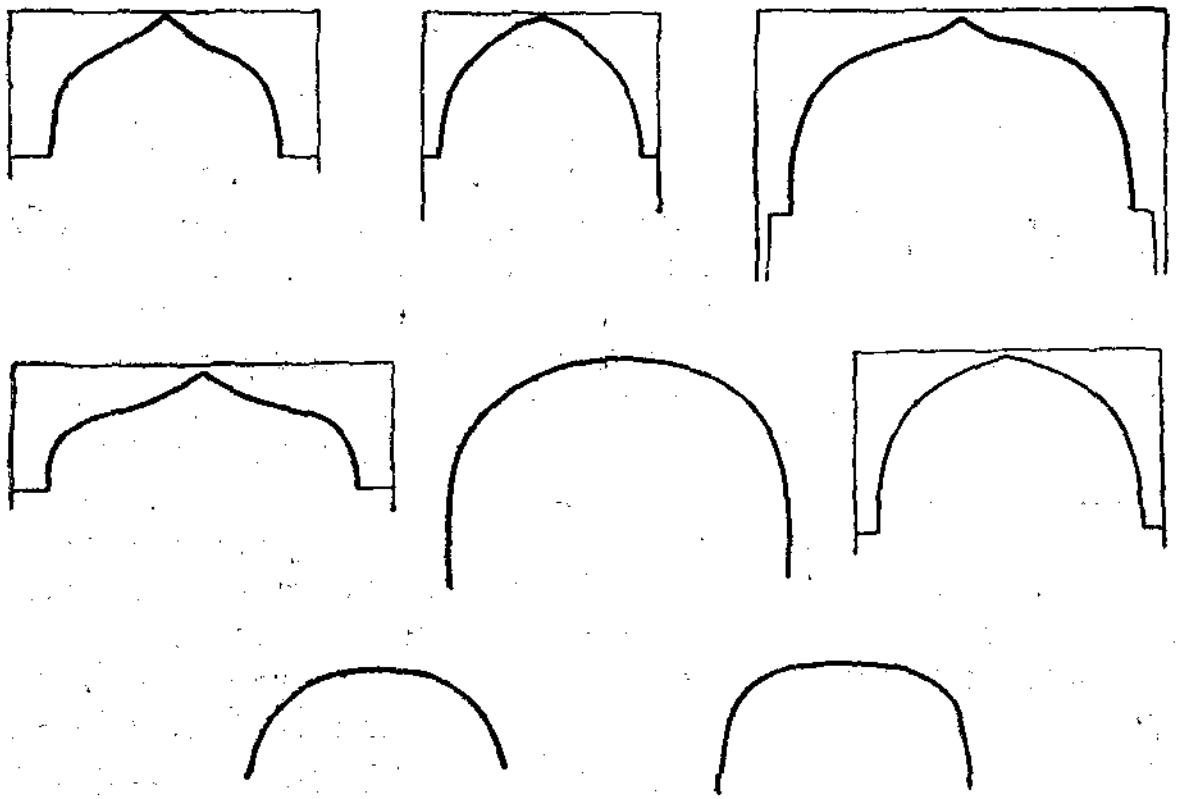

Рис. 4. Формы арок булгарских надгробий II стиля.

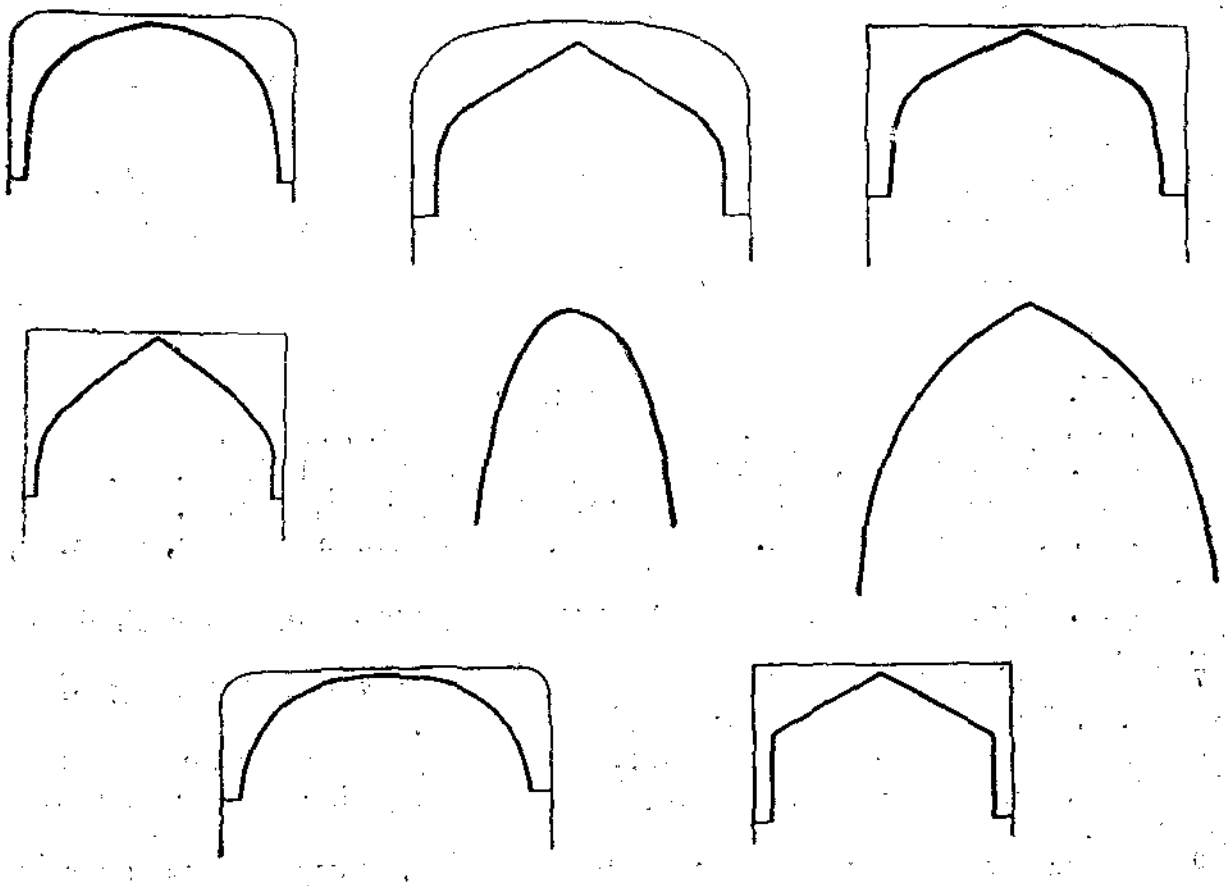

Рис. 5. Конфигурации верхней части булгарских надгробий II стиля.

линий (табл. 20). Редко между лепестками бывают вписаны сердцевидные фигурки (табл. 7). Редкие формы розеток (до 18 лепестков) мы видим на памятниках из Барско-Енарускино и Кирменского городища XIV в. (рис. 6).[2]

Вторую группу розеток — „солнце" — мы видим на табл. 24, 25, 28 и др. Формой они оправдывают свое название. Так, орнамент одной плиты трактован настолько реалистично, что близко напоминает „изображение солнца в лучах".[3] На трех кирменских памятниках лучеобразные мелкие лепестки вписаны в плоский круг, составленный двумя концентрическими окружностями. Мотивы всевозможных розеток очень богато представлены в булгарском прикладном искусстве — на бытовых, ювелирных и других вещах,[4] а также в позднейшем татарском народном искусстве — главным образом в вышивках.[5] „Композиция примитивной розетки резного камня XIV века и рисунок гравировки ювелирного предмета XIX века, — отмечает П. М. Дульский, — типично иллюстрируют исторический путь одного и того же узора".[6]

Мотив розетки обычен в искусстве многих народов. Восьмилепестковые розетки и „солнца", подобные булгарским, мы находим в прикладном искусстве Средней Азии, Ирана,[7] а также Азербайджана,[8] где встречаются мотивы, близкие к мелколепестковой розетке-„солнцу" памятников, изображенных на табл. 24, 25 и др.[9]

Следовательно, сюжеты розетки-„солнца", являвшиеся преломлением древнейшей идеологии в искусстве земледельческих народов, в XIII—XIV вв., а также и раньше, были характерны и для булгар, как для народа достаточно старой земледельческой культуры. Именно этим социально-экономи-

---

[2] П. М. Дульский. Материалы по татарскому орнаменту, табл. III.

[3] Н. И. Ильминский. Татарские надписи. . ., стр. 114.

[4] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 123; Н. Ф. Калинин. Булгарское искусство в металле. Казань, 1945, стр. 6.

[5] П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент, табл. 6, 7, 9—25.

[6] П. М. Дульский. Материалы по татарскому орнаменту, стр. 76, табл. III.

[7] Josef Orbeli. Sasanian and islamic Metallwork. A sarveg of Persian Art, I. 1938. London—New York, стр. 743.

[8] Фототека Отдела Востока Гос. эрмитажа, азербайджанские снимки №№ 1-7705, 1-7789, 1-7690, 1-2288, 1-7787 (надгробия из сел Маштаги и Нардаран).

[9] Иногда на булгарских надгробиях XIV в. встречается и шестилепестковая розетка (надгробие из с. Б. Ошняк Рыбно-Слободского р-на ТАССР).

ческим моментом, по-видимому, нужно объяснить и наличие на большинстве булгарских надгробий II стиля так выразительно трактованной розетки-„солнца".

Из других видов орнамента тимпана надгробий отметим еще пальметку на памятнике из Ульяновской обл. (табл. 13), мотив которой мы находим в архитектурном украшении „Четыреугольника" и Малого минарета в Булгаре.[10]

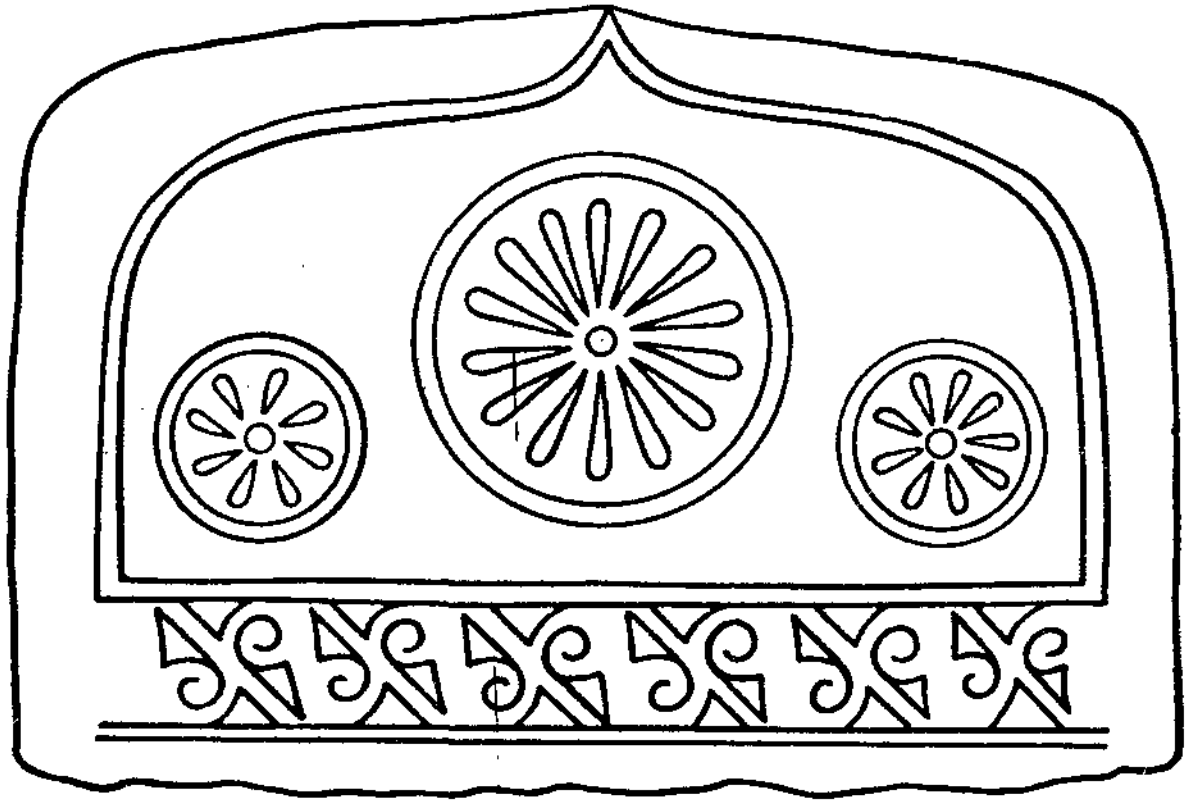

Рис. 6. Орнамент под аркой булгарского памятника с Кирменского городища.

Как и на памятниках I стиля, на некоторых надгробиях II стиля встречаются орнаментальные полосы, отделяющие текст от тимпана арки. По композиции своей они не имеют резких отличий от таковых I стиля; однако растительный орнамент здесь подчас трактуется несколько иначе (табл. 7, 23) — преимущественно виноградная лоза с трилистником.

В качестве третьей орнаментальной формы на надгробиях II стиля отмечено несколько случаев украшений орнаментом обратной стороны памятников. Например, можно отметить наличие только что описанной розетки на обломке надгробия из с. Тат. Азелей Нурлатского р-на (рис. 7).[11] Другие случаи

[10] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 204, табл. VIII, рис. 133; табл. X, рис. 135.

[11] Случай украшения обратной стороны памятника розеткой мы имеем и среди надгробий XVI в. (рис. 13).

Рис. 7. Орнамент на обратной стороне булгарского надгробия из с. Тат. Азелей Нурлатского р-на ТАССР.

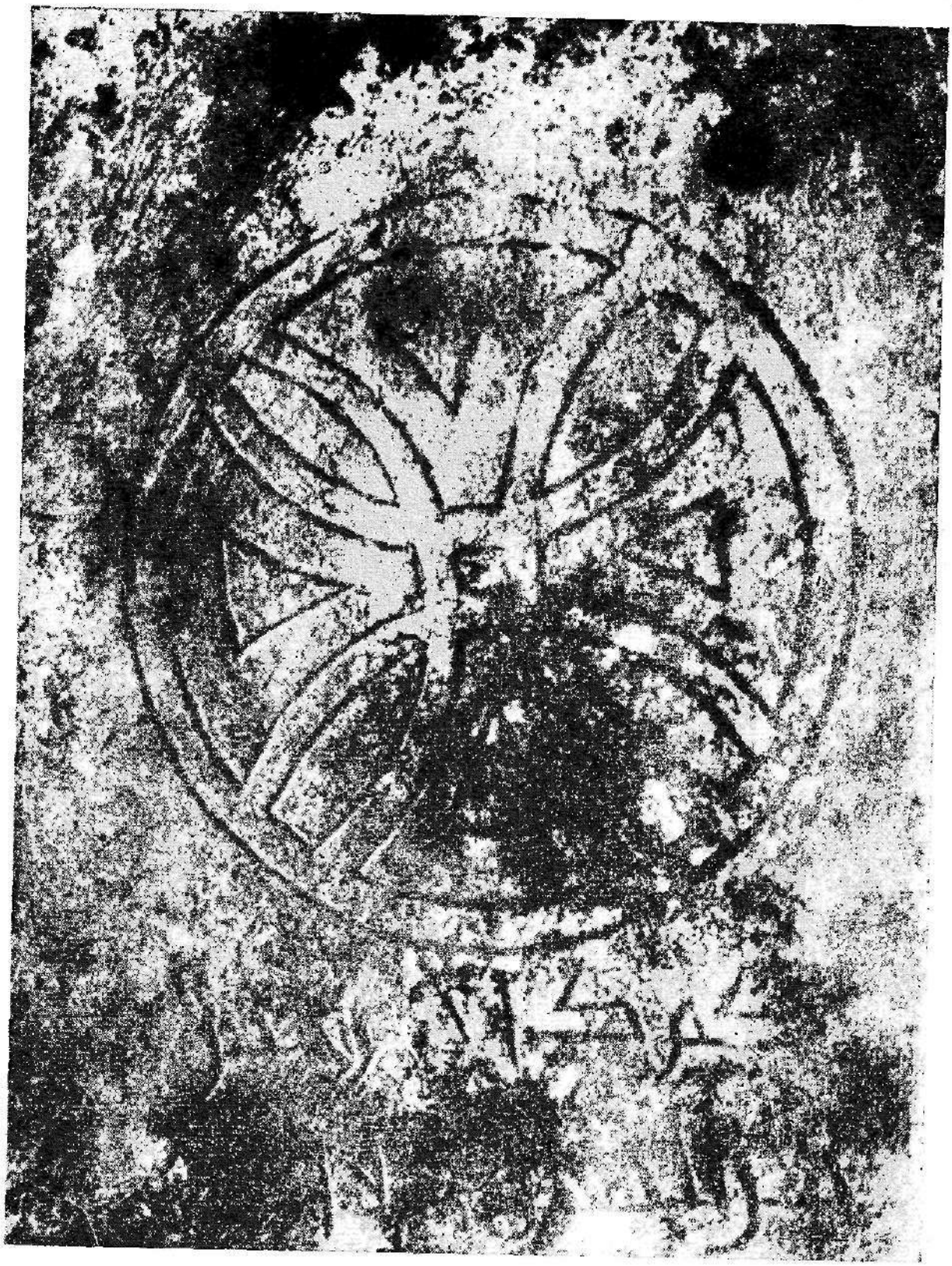

Рис. 8. Орнамент на обратной стороне памятника с Булгарского городища (XIV в.).

представлены орнаментом, состоящим из круга, в который вписаны четыре полукруглые полоски, пересекающиеся в центре. Кроме того, в одном случае между кругом и полоской имеются треугольники (рис. 8).

Близкие аналогии этому мотиву имеются на архивольте тимпана над входом в Хуналла-мечеть в с. Кубачи в Дагестане.[12] В древнерусском искусстве подобного рода узор встречается на литейной форме браслета, найденного при раскопках в Киеве (XII в.).[13]

В обработке бордюра этих памятников и памятников I стиля существенных различий нет — то же обрамление текста рельефными полосками (табл. 20, 23); часто нет никакого бордюрного оформления (табл. 31, 32, 34). Однако имеется один памятник (табл. 25) с геометрическим орнаментом на бордюре. Из-за плохой сохранности надгробия трудно разглядеть этот орнамент, но все же общие контуры его уловимы. Представляет он собой цепочку маленьких параллелограммов, вписанных в бордюрную ленту, отделенных друг от друга наклонными черточками. Из близких орнаментов можно указать на бордюрные украшения надгробий из с. Маштаги Азербайджанской ССР (упомянуты выше — стр. 62) и города Ст. Крым (709 г. хиджри).[14]

Как и на памятниках I стиля, очень редки надписи на обратной и боковой сторонах надгробий. Пока мы знаем несколько случаев на памятниках из Булгар на копии с булгарской надписи, хранящейся в Научной библиотеке Казанского университета, — кстати, совершенно неразборчивой.[15] Надпись на боковой стороне памятника (табл. 7), возможно, является самостоятельной эпитафией, следовательно под этим памятником можно предполагать погребение двух покойников — вероятно, матери и ребенка.

О языке булгарских надгробий II стиля

Для ознакомления с языком памятников II стиля укажем на ряд текстов надписей. Текст надгробия, найденного в с. Русск. Урмат Высокогорского р-на, см. в табл. 1. Па-

[12] А. С. Башкиров. Искусство Дагестана. М., 1931, стр. 17, табл. 9, рис. 4.

[13] История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 430, 431, рис. 213.

[14] И. Н. Бороздин. Солхат. Новый Восток. М., 1926, № 13—14, стр. 279.

[15] Отдел редких книг и восточных рукописей, № 5651.

мятник — очень примитивной работы с нехарактерным остроконечным верхом и испорченной врезанной куфической надписью — является пока самым древним из сохранившихся булгарских эпитафий (дата 1281 г.).

Текст изящно оформленного надгробия из Булгарского городища, написанный красивым рельефным полукуфическим шрифтом, см. в табл. 5. Памятник датируется 1294—1295 гг.

Наряду с древнебулгарскими числительными мы здесь имеем признаки новобулгарского языка (دنیاران). Слово حوم, встречающееся и на некоторых других памятниках II стиля, мы считаем термином социального характера, на чем остановимся ниже.

Текст надгробия, найденного в 1950 г. на Булгарском городище, исполненного почерком куфи, см. в табл. 7.

Надпись интересна наличием в ней этнического термина „тӧркмӓн" и вышеуказанного термина социального характера — حوم. Строка с датировкой памятника распилена, поэтому о дате *можно судить лишь по конструкции текста, в частности по* наличию формулы الموت باب وكل الناس داخله, что характерно для булгарских надгробий II стиля конца XIII и начала XIV в.

Текст надгробия из древнего кладбища с. Б. Атрясы Апастовского р-на ТАССР, исследованного в 1949 г. археологической экспедицией КФАН, см. в табл. 23. Надписи памятников этого кладбища прочитаны А. Б. Булатовым.[1] Плита эта изящно оформлена, с надписью полукуфическим шрифтом, обильно снабженной знаками чтения и точками(дата — 1323 г.).

Текст надгробия с Кирменского кладбища (*Ханнар зиараты*) близ Кирменского городища см. в табл. 25[2] (дата —1337 г.).

---

[1] А. Б. Булатов. Намогильные памятники Правобережья Волги.— Экспедицией зафиксированы только 8 строк этой надписи, остальные 4 строки с именем покойницы (سَيِيتَ) добавлены нами из имеющейся с этого памятника копии, снятой „рукой азанчи д. Б. Атрясы на белой бумаге". Копия эта, без указания времени снятия, хранится в Отделе редких книг и восточных рукописей Научной библиотеки Казанского университета за № 5651.

[2] Памятники этого кладбища впервые были обследованы Е. Т. Соловьевым. В 1925 г. кладбище обследовалось экспедицией проф. Н. И. Воробьева. В 1949 г. чтение надписей, эстампирование и фотофиксация их были произведены автором этих строк (14 памятников). В 1955 г. кладбище исследовано Н. Ф. Калининым (произведено эстампирование и фотофиксация надписей).

Особенностью этого надгробия нужно считать, как выше было указано (стр. 66), бордюрное украшение, пока единственное среди булгарских надгробий. Язык этого памятника в числительном содержит форму جياج вместо جياز, что имеет место, кроме того, на эпитафии XIV в. из с. Дигитли Мамадышского р-на.

Текст надгробия, найденного в с. Ст. Ашит Тукаевского р-на ТАССР, см. в табл. 30 (дата — 1357 г.).

В языке этого памятника из далекой провинции Булгарского государства также обнаруживаются элементы новобулгарского языка. Написание числительного جيات جور لا سكر вместо جيات جور ال سكر, нужно полагать, исходит из палеографических особенностей, т. е. соединения в числительном ال „алифа“ (с загнутым влево нижним концом) с последующей буквой ل, отчего ال получилось в виде لا.[3]

Текст надгробия с кладбища с. Б. Атрясы Апастовского р-на ТАССР см. в табл. 41.[4]

Возможно, что слово طاطر (*ṭaṭar*) в третьей строке текста нужно понимать как пережиточно сохранившееся племенное название, заимствованное булгарами от Золотой Орды, или же — и это скорее всего — мы в данном случае имеем надгробие золотоордынца. Что касается диакритической точки под ط в этом названии, то она может быть поставлена для того, „чтобы указать на звонкое чтение этой буквы“, как по поводу тетюшского камня замечает Н. И. Ашмарин.[5] Подобный же случай мы имеем еще на булгарском надгробии из с. Ст. Ашит Тукаевского р-на ТАССР.[6]

Текст надгробия с Булгарского городища см. в табл. 42.

В чтении надписи имени покойника как Мамли мы не видим особенного затруднения. Ошибочность чтения его как Сабли[7] вызвана плохой сохранностью второго „мим“, уцелевшая правая черточка которого, очевидно, была принята за зубчик буквы س, не имеющей здесь места. Имя Мамли мы видим и на другом надгробии из Булгар — ابوبكر يوارى اول

[3] Г. В. Юсупов и Г. М. Ҳисамутдинов. Булгарские эпиграфические памятники XIV в. . . ., стр. 72.

[4] А. Б. Булатов. Намогильные памятники Правобережья Волги.

[5] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 82.

[6] Г. В. Юсупов и Г. М. Хисамутдинов. Булгарские эпиграфические памятники XIV в. . ., стр. 71.

[7] Альбом булгаро-татарской эпиграфики (в библ. КФАН СССР), памятник № 8.

مملی یواری.[8] Оно же имеет место в татарской топонимике — дер. Мамли Тукаевского р-на, — а также и в списке языческих имен чуваш.[9]

Текст надгробия из с. Атрясы Апастовского р-на ТАССР см. в табл. 20.

Имя покойного اترع, как мы его читаем (Äträč), встречается еще на нескольких булгарских надгробиях (табл. 14). Интересно то, что имя покойного совпадает с названием татарского села Атрясы, около которого находится большое булгарское кладбище со множеством надгробий. Очевидно, факт этот нужно рассматривать как преемственность татар от булгар.

Не будучи достаточно компетентными, чтобы дать глубокий лингвистический анализ, все же несколько остановимся *на языке памятников II стиля.*

Из текстов надписей, как опубликованных, так и не опубликованных в печати, известно некоторое своеобразие языка булгарских надгробий II стиля. Условимся, что при рассмотрении языка этих памятников мы не будем принимать в расчет арабизмы в виде традиционных коранических формул, скорее всего относящихся к элементам типологии.

Главных особенностей в языке этих памятников мы различаем четыре: 1) джоканье, 2) наличие хронологических числительных, напоминающих, с одной стороны, чувашские, с другой — татарские, 3) двуязычность памятников, т. е. наличие наряду со своеобразными глагольными формами древнебулгарского языка элементов новобулгарского языка, 4) своеобразие некоторых глагольных форм и существительных.

Основное отличие языка памятников II стиля от языка памятников I стиля — джоканье — представлено словами جال, جوز || جور, جیات, جیرم || جیرم (*джāл, джӱр || джӱз, джāйāти, джāрäм || джāрім*), которым в татарском языке ныне соответствуют: *джыл, джöз, джиде, джегерме || джирме, джегерем || джерем.*

Кроме того, на этих памятниках (табл. 23, 25, 33, 47 и др.) отмечены случаи замены фонемы ج фонемой ع, что, очевидно, объясняется сильной степенью джоканья, с одной стороны,

---

[8] И. Березин. Булгар на Волге, стр. 103.

[9] В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена. Казань, 1905, стр. 55.

и диалектальными особенностями булгарского языка, с другой. Примеры эти следующие:

اچ[10]	вместо	ات	'то было'
جياچ, جچا, جيچ	вместо	جيَاتِ	'семь'
زياراچ	вместо	زيارة	'место погребения', 'могила'

Пока таких случаев еще немного (около 15), преимущественно в материале из северо-восточных районов Закамья и Тюлячинско-Мамадышских районов Предкамья, т. е. из одного створа нижнего течения Камы.[11] Однако имеются они и на надгробиях Предволжья (табл. 23) и юго-запада Закамья.

Выразительным примером сильного джоканья в булгарском языке является почти неизменная форма написания на этих эпитафиях جال 'год', требующая исключительно звонкого произношения ج, фонетическое значение которого умалялось Н. И. Ашмариным, видевшим в этом звуке наиболее мягкий аффрикат Ç и сопоставлявшим со словом *джал* чувашское *çол, çул*.[12] В этом мы видим искусственную лингвистическую натяжку. Звук ج довольно выразительно произносится и в современном татарском языке, а также башкиро-татарским населением западных районов Башкирии: *җыр, җырак, җил, җук, җыл* (даже *дөньҗа*, которое у казанских татар произносится *дөнья*). Кстати говоря, булгарское слово جال, иногда встречающееся и в форме جل (*җыл*), в какой оно ныне бытует в языке казанских татар, почему-то В. Г. Егоровым и Н. А. Андреевым исключается из их языка и заменяется словом *яшь* в смысле „возраст", что никак не может быть употреблено для обозначения календарного года.[13]

Широкие диалектологические исследования, проведенные в последние годы в ИЯЛИ КФАН СССР, показали большое

---

[10] Замена ات — اچ имеется на памятнике из с. Тяжбердино Куйбышевского р-на ТАССР, она приведена Г. Ахмаровым: История Булгарии, стр. 123.

[11] Села Ст. Ромашкино, Исляйкино Чистопольского р-на, Ср. Кирмени, Дигитли Мамадышского р-на, с. Кибя-Кози Тюлячинского р-на и др.

[12] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 103.

[13] В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, ч. I. Чебоксары, 1954, стр. 38; Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные. . ., стр. 240.

распространение в языке казанских татар джокающего диалекта, локализованного в основном на территории Татарии.[14] Наиболее сильно джоканье распространено в западных районах Татарии.

Второй особенностью языка памятников являются булгарские числительные, указывающие дату смерти покойника.

Для более ясного представления о них приведем их здесь:

Числа	Написание числительных на памятниках II стиля (варианты)	
	количественные	порядковые
1	بیر, بر, برو	برنج
2	اَکے	اکشِ, اکنشِ, اَکش
3	وج	وجم
4		توتم, تواتم
5	بش, بل	بیلّم, بیالم, بِلَجِ, بلج, بلنج
6	الطِ, الط	الطِشَ, الطَش
7	جیَاتِ, جیات, جیاة, جیت, جتی, جیاج, ججا, جیج	جیاتش
8	سکر, سَکَر	
9	طحور, طحر	
10	ون, وان	وانم
12		وانم اَکش
14		وان توتم, وان تواتم
15		ون بیلم
16		وان الطشِ, وان الطش
18	وان سکر, ون سَکر	
19	ون طحر, وان طحر	وانم طحر
20	جیرم, جریم, جرم, جیرَم	جیرمشِ, جیارمنشِ, جیارمیشِ
22		جرم اَکنش, جیرمه اکش
23		جرم وجم

[14] Л. Залялй. К вопросу о происхождении татар Поволжья. . ., стр. 82.

Числа	Написание числительных на памятниках II стиля (варианты)	
	количественные	порядковые
24		جيرم تواتم
25		جيرم بيالم
27	جيرمَ جياتِ	
28	جيرم سكر ,جرم سَكر	
30	وطر	
33		وطر وجم
37		وطر جياتش
38	وطر سَكر	
40	جرخ ,حرح	
41	جرخ برو	
49	حرح طحر	
51	ال بر	
52	ال اَك	
53		ال وجم
56		ال الطيش
58	ال سكر ,الو سكر	
59	ال طحر	
80	سكروان	
90	طحرون ,طحروان	طحوروانم
100	جوز ,جر ,جور	
600	الطِ جوز ,الط جور	
700	جيت جور ,جيج جور ,جيات جور[15] جيَاتِ جوُر	

Как видим, для приведенных числительных характерны две особенности.

Во-первых, отмечается аналитическая форма в образовании сложных числительных

[15] Пропущенные здесь числа пока на памятниках не обнаружены.

سكروان (татарское *сиксән* '80')
طحروان (татарское *тугсан* '90')

наподобие чувашского *тухрванн*[16] или ойротского *тугузон*[17] и др.

В дате часто встречаются числительные в количественной форме вместо порядковой:

جيات جور جرم سكر جال
جيات جور جيرم جال
جيات جور ال اَك جال
جيات جور الو سكر جال
جيات جور ال سكر جال ذوالقعد وان سكر كوان ات جيات كوان ات

Во-вторых, нередко мы имеем и порядковые числительные, образованные при помощи аффикса *м*:

Количественные		Порядковые	
'три'	وج	'третий'	وجم
'четыре'	توات	'четвертый'	تواتم
[18] 'пять'	بيال	'пятый'	بيالم
'семь'	جيات	'седьмой'	جياتم
'восемь'	سكر	'восьмой'	سكرم
'девять'	طحر	'девятый'	طحرم
'десять'	وان	'десятый'	وانم

Но часто порядковые числительные образованы суффиксами ش, نش.

جيات جور جيار مِنِش جال	'семьсот двадцатый год'
جيات جور جرم اَكنِش جال	'семьсот двадцать второй год'
جيات جور وطر جياتش جال	'семьсот тридцать седьмой год'
جيات جور وان الطِش جال	'семьсот шестнадцатый год'
جيات جور جيار مِنِش جال	'семьсот двадцатый год'

[16] В. Г. Егоров. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1935, стр. 703.
[17] Н. А. Баскаков, Т. М. Тощакова. Ойротско-русский словарь. М., 1947, стр. 150.
[18] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 92.

Из последних примеров видно, что аффикс نش близко напоминает аффикс *нч* татарских числительных.[19]

Редуцированный вариант этого аффикса ش, характерного для чувашских порядковых числительных, напоминает известную для говора Заказанья форму притяжательных местоимений с пропуском *ң*, где вместо *безнең, минеңке* соответственно говорят *безен, минен*.[20]

В некоторых тюркских языках, например в каракалпакском, мы подобный аффикс *нш* видим и сейчас: *екинши, алтыншы, он алтыншы, жетиншы, жигирминши*[21] и др.

Кроме того, в образовании числительных участвует аффикс *нч*, как в языке памятников I стиля — اون الطنج كون اردى (табл. 12), так и II стиля — ربعل احر آيج برنج كن اج (табл. 47), شعبان ايج بلنج كوان ات (табл. 3).

По форме числительные эти тождественны с числительными из памятника Кюль-Тегину, как *toŋzunč, töŋtönč*.[22] Но самое важное то, что эта форма образования порядковых числительных утвердилась впоследствии в татарском языке: بيشنجى, برنجى 'первый', 'пятый'. Поэтому будет не совсем справедливым утверждение Н. А. Андреева, что „татарский язык не воспринял форм булгарских порядковых числительных".[23] А наличие чередования звуков ز || ر в языке казанских татар (см. ниже) дает основание предполагать в прошлом бытование у них и числительных, оканчивавшихся на ر. Например, подставив в جور, وطر, طحر корреспондирующий звук ز,

[19] Мы не согласны с Х. Фейхзановым в чтении первого слова из восьмой строки надгробия № 2 в его труде „Три надгробных булгарских надписи" (стр. 401) — اكنج 'второй', мы читаем его بلنج 'пятый'. Неправильное чтение приведено и Н. И. Ашмариным (Болгары и чуваши, стр. 90), который транскрибирует его также اكنج. Вслед за ним это ошибочно прочитанное числительное фигурирует и в таблице: O. Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden. 1955, стр. 78.

[20] Н. Б. Бурганова. Языковые особенности каринских и глазовских татар. Казань, 1953. (Автореферат канд. диссертации).

[21] Н. А. Баскаков, С. Б. Бекназаров, У. Н. Кожуров. Русско-каракалпакский словарь. М., 1947, стр. 108, 810, 159.

[22] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 33, 433.

[23] Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные. . ., стр. 245.

получим طحز (*тохоз* || *токоз*), وطز (*отоз*), جوز (*жөз*), причем последнее, как указано выше, в таком написании (جوز) встречается на эпитафиях II стиля.

Так же обстоит дело с числительным, оканчивающимся на ل — بيال || بل 'пять', соответствующим بش в татарском языке, где также известно чередование *л — ш* (*камыл — камыш*). Редуцированным вариантом порядковых числительных с аффиксом *нч* являются числительные, часто встречаемые на эпитафиях в виде بلنج — بلج ('пятый', от بل), но неправильно транскрибируемые многими — *беледж*, а не *белчи*, как их следует транскрибировать. Таким образом, мы здесь видим чередование звуков *ч — ш* в образовании булгарских порядковых числительных, что, по-видимому, следует объяснить диалектальным явлением в булгарском языке — так же, как употребление в нем аффикса *м*. Характерно чередование звуков *ч* и *ш* в диалектах татарского языка (*чык — шык*, *чӥкеч — чӥкеш* и др.), особенно на окраине их расселения, например у барангинских татар.[24] Все это, кажется, делает возможным для татарского языка и образование порядковых числительных с помощью аффиксов *нш* и *ш* (которых мы пока не знаем), соответствующих *нч* и *ч* булгарских числительных (الطنج بلنج برنج) и современных (*беренче*, *бишенче*, *алтынчы*).

Из сопоставления некоторых булгарских числительных с татарскими получим следующее звуковое соответствие:

Булгарский		Татарский	
(جور)	ر	(جوز)	ز
(بل, بيال)	ل	(بش)	ش
(حرح)	ح	(قرق)	ق
(توات)	ت	(دورت)	د
(وچ)		(اوچ)	او
(ون — وان)	و وا	(اون)	او

В свете этих чередований нельзя не остановиться здесь на следующем: в топонимике ТАССР мы имеем ряд названий

[24] Л. Залялй. Татарская диалектология. Казань, 1947, стр. 30. (На татарском языке).

сел, оканчивающихся частицей *ширма*, — Орым*ширма*, Ик*ширма*, Кара*ширма*, Яу*ширма* (*Джаужирма*), Яма*ширма*.[25] Смысл этой частицы становится ясным из названия деревни Шу*ширма*, данного по названию протекающей здесь речушки. Село и речушка называются еще по-иному — Баллы *ширмä*, т. е. Медовая ширмä. Из смысла *Баллы* вытекает и значение частицы *ширмä* 'речушка', 'ручей', соответствующее, очевидно, *чишмä* в современном татарском языке. Таким образом, в данном случае мы имеем соответствие звуков *ч* || *ш* и *ш* || *р*.

Небезынтересно также отметить то, что Джауширма (Чистопольский р-н ТАССР)[26] есть и название той речки Джаушиз, или Джаушыр (пишется и *з* и *р*), где во время своего путешествия побывал Ибн-Фадлан.[27]

Фонетические переходы звуков в тюркских языках — явление общеизвестное, объясняющееся, очевидно, древними историческими корнями их. Было бы большой ошибкой, если бы только по этому признаку, т. е. по несоответствию булгарских звуков звукам современного татарского языка, мы рассматривали эти языки изолированно друг от друга, как сделали сторонники теории булгарского происхождения чуваш.

В татарской диалектологии, как в зеркале, отражаются все эти кажущиеся на первый взгляд загадочными стороны булгарского языка, например корреспонденция звуков *р* и *з*, бытующая и ныне в татарском языке (хотя и не в числительных).

Это мы видим из следующих слов:

яткызу — яткыру	'уложить'
котказу — коткару	'спасать'
менгезү — менгерү	'поднимать'
сөзү — сөрү	'ловля рыбы бреднем'
белгезү — белдерү[28]	'оповестить'
кигезү — киертү[28]	'одевать'
салгызу — салдыру	'раздевать'

[25] Село это находится на речке Ямащурминке или, иначе, Яшурме, Яшерме. См.: И. А. Износков. Список населенных мест Казанского уезда. Казань, 1855, стр. 2, 8 (Собакинская и Чепчуговская волости). На кладбище села имеются надгробия XIV и XVI вв. На карте ТАССР название это пишется „Ямашурма".

[26] Ныне с. Кутлушкино, стоящее на реке Яуширмä (Джауширмä).

[27] А. П. Ковалевский. 1) Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954, стр. 14, 18—19; 2) Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956, стр. 131, 139, 225.

[28] Л. Т. Махмутова. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка. Материалы по диалектологии. Казань, 1955, стр. 141.

Явление это говорит за то, что в истории татарского языка чередование *р* || *з* было довольно распространенным. Поэтому отрицание его Б. А. Серебренниковым не оправдано.[29] К этой же категории примеров следует отнести и имена *Жöри* || *Йöзи*, топонимические названия *Кандыр* || *Кандыз* (от *кандыз* 'бобр'), слова *кӱр* || *кӱз*. Смысловая тождественность последних более заметна в производном от *кӱз—кӱзәт*.

Несомненно к числу проявлений ротацизма относится одно топонимическое название, слышанное мною в Кушнаренковском р-не Башкирской АССР во время моего пребывания там в составе историко-этнографической экспедиции КФАН СССР. Старожилы с. Талбазы (населенного тептярями), наряду со многими другими интересными сведениями, сообщили мне название одного из их полей: *Шар-басу*, где *басу* 'поле', а что означает *шар* — мне никто не мог сказать. Однако, заподозрив здесь проявление ротацизма и чередование звуков *ш* || *с*, я спросил своего собеседника, нет ли на этом поле заболоченности, и получил ответ, что заболоченность имеется и там ныне колхозники добывают торф. После этого не осталось никакого сомнения в том, что слово *шар* в современном языке татар тождественно слову *саз* 'болото'. Семантически это слово возводится Г. Алпаровым к тюркскому *су* 'вода'.[30]

В свете этого заслуживает внимания тот факт, что на административной карте Татарской АССР села с названием *Сарсаз* преимущественно расположены на заболоченных местах у поймы, — например, Русский *Сарсаз* (Чистопольский р-н) на левобережье р. Камы, *Сарсаз*-Тралы и *Сарсаз*-Гора (Мензелинский р-н) на левобережье р. Ик. В данном случае название это образовано из парного слова *шар-саз* 'болото' путем замены фонемы *ш* фонемой *с*, на основе регрессивной ассимиляции. Что касается чередования звуков *с* || *ш*, то оно, как диалектальное явление, имеет место в татарском языке (*шугыш* вместо *сугыш*, *шöйлäшӥ* вместо *сöйлäшӥ* и др.).

Кроме того, *шар* имеется и в таком топониме, как *Шаршада* (Красноборский р-н ТАССР), который, по-видимому, равнозначен *Сарсаз* (*Шаршад*), но построен на принципе уже других звуковых соответствий (например *р* || *з* || *й* || *д*, о чем речь будет ниже).

---

[29] Б. А. Серебренников. К вопросу о действительных взаимоотношениях. . ., стр. 73.

[30] Г. Алпаров. Избранные труды, Казань, 1945, стр. 306.

Таким образом, в приведенных примерах мы безусловно имеем булгарские формы языка, сохранившиеся в топонимике Башкирии и Татарии. Как в первом, так и во втором случае соответствие этих древних форм языка булгар древности указанных населенных пунктов как бы подтверждает зафиксированный впервые нами в эту поездку клад золотоордынских монет XIV в. в с. Талбазы и имеющиеся булгарские надгробия XIV в. у с. Русские Сарсазы.

Но самый выразительный пример пережитка бытования ротацизма в татарском языке, наследования его булгарскому языку мы видим в татарском выражении *қыз-қырқын* с собирательным значением слова *қыз* 'девушка'.[31] Слово *қырқын* в отдельности означает пленницу. Однако — аналогично выражениям, состоящим из двух слов одного и того же смысла, — значению *қыз* в данном случае соответствует *қыр*.[32]

На булгарских эпитафиях II стиля часто встречается термин هِيرِ 'его дочь', например: رمضان هِيرِ سَيِتْ — „дочь Рамазана Саита". На некоторых же эпитафиях II стиля (XIII—XIV вв.) имеется выражение هِير حوم (табл. 5, 7, 13). Сопоставление этих двух выражений дает понятие „девушка" в трех формах: *қыз* || *қыр* || *hир* (هِير). Однако из выражений *қырқын* и هِير حوُم остается непонятным *қын* и حوُم.

Проф. В. Г. Егоров в своей книге раскрывает одно забытое у чуваш, но сохранившееся в сказке „Пике" выражение — *Хӑрхӑм*.[33] Вторую половину этого выражения, *хӑм*, он отождествляет с древнетюркским *кӱн* 'рабыня' (из большой надписи Кюль-Тегина) и этимологизирует выражение: *хӗр* 'девушка', *хӑм* 'рабыня', 'служанка'.

Расчленив и сопоставив все три выражения —

Татарский		Булгарский		Чувашский	
қырқын 'пленница'		هِير حوُم?		*хӗрхӑм* 'девушка-рабыня'	
қыр	'девушка'	هِير 'девушка', 'дочь'		*хӗр*	'девушка'
қын	?	حوم ?		*хӑм*	'рабыня'

[31] Шаихзадэ Бабич, Избранные произведения, Казань, 1958, стр. 127.

[32] Например, в подобного рода выражении *бала-чага* слова *бала* и *чага* — одного и того же смысла: „дитя".

[33] В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, стр. 43.

— убеждаемся в смысловом соответствии слов и второй половины этих выражений: *қын* — حوم — *хăм* 'рабыня', 'пленница'. Из сопоставления *қыр* — *хĕр* — هير (*hир*) видим чередование звуков *қ* — *х* — *h*.[34] Короче, татарскому *қ* соответствуют булгарские *х* и *h*. Чередование *h* — *х* является характерным для татарского языка и ныне: так, вместо *hэм* часто говорят *хэм*, а вместо *шэhэр* — *шэхэр*.

Здесь, кстати, нужно указать на приведенные выше разночтения одних и тех же числительных: بل — بيال 'пять', جوز — جور 'сто', الو — ال 'пятьдесят', توتم — تواتم 'четвертый', ون — وان 'десять' и др., что, очевидно, является следствием диалектальных особенностей булгарского языка. Возьмем числительное 10 — ون — وان в булгарском и اون в татарском языках. В первом варианте булгарское وان, очевидно, нужно произносить протяжно: *оон*; во втором же ون — кратко: *он*. Подобно этому звучит и *двояко пишущееся* порядковое числительное توتم — تواتم от количественного توت — *тот* и تواث — *тоот*. Подобным же образом обстоит дело и с произношением других числительных, например: وطر — *отор*, طحر — *тохор*, наподобие *отоз*, *токоз*. Получается впечатление, что в языке самих памятников II стиля проявляются две формы окающего диалекта — *оон* и *он*. То же, очевидно, вытекает и из *двоякого написания* термина „день": كوان — كون (иногда كن).[35] Наиболее ясно виден окающий характер древнебулгарского языка на примере булгарских заимствований в марийском языке, например: *ояр* 'ясный', *окса* 'деньги', *орва* 'телега', *мотор* 'красивый', *олма* 'яблоко',[36] вместо татарских *аяз*, *акча*, *арба*, *матур*, *алма*, причем булгарское происхождение первого слова с его ротацизмом, кажется, не оставляет сомнения.

То же самое булгарское „оканье", как нам кажется, звучит и в удмуртском языке (*оксиз* 'сирота', *ось* 'месть', *курбон*

[34] Интересно отметить наличие на одной эпитафии (табл. 27) написания حير вместо هير.

[35] Быть может, мы здесь имеем два диалекта — булгарский и суварский, упоминаемые М. Кашгарским.

[36] И. Ф. Андреев, Д. И. Иванов, К. Ф. Смирнов, Русско-марийский словарь. Йошкар-Ола, 1946.

'жертва', *мотор* 'красивый', 'стройный', *ултон* 'подошва', *юлтош* 'друг', 'товарищ') наряду с „аканьем" поздних его заимствований от татар (*мактан* 'хвала', *масхара* 'смешной', *таза* 'здоровый').[37]

Несомненно, с этим „оканьем" булгар нужно связывать и общеизвестное произношение в современном татарском языке гласного *а* приближенно к *о*. Исходя из сравнения татарского и чувашского языков, историческое восхождение этого явления к языку булгар подчеркивает в своем новом труде и Л. Заляй. Таким образом, в булгарском языке преимущественно был „окающий" говор.[38] Возможно, как уже отмечалось, что диалектными особенностями булгарского языка нужно объяснять разное написание числительных: جيات — جياع 'семь', جيرم, جيرم, جرم 'двадцать'. В трех вариантах зафиксирована глагольная форма ات, ات, اع, причем произношение числительного جيرم — جرم 'двадцать' — явление, аналогичное диалектной особенности татар нагорной стороны ТАССР,[39] в произношении некоторых слов опускающих звук *г* (так, вместо *тегермэн* говорят *тирмэн*, вместо *джигерме — джирме*). Известно, что в сравнении с южнотюркскими языками казанско-татарский язык отличается употреблением в конце некоторых слов фонемы و вместо ع, например: уйгурское ياع, تاع[40] — татарское ياو, تاو; уйгурское الڭ[41] — древнебулгарское الو (табл. 29). Следовательно, характерное для татарского языка و исторически восходит к древнебулгарскому

---

[37] Удмуртско-русский словарь. М., 1948.

[38] Л. Заляй. Материалы по исторической фонетике татарского языка. Казань, 1954, стр. 28.

[39] Диалектологический словарь, ч. III. Казань, 1958, стр. 155.

[40] Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939, стр. 144.

[41] С. Е. Малов. Два уйгурских документа. Ташкент, 1927, стр. 10 (там имеется числительное 52, которое С. Е. Маловым транскрибируется Алиг ики); П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. Зап. Вост. отд. Русск. Археолог. общ., т. XII, 1899, вып. 2—3, стр. 95.

языку. Поэтому едва ли справедливо будет отрицать наличие дифтонгов и в языке булгар XII—XIV вв.[42]

На нескольких памятниках нами обнаружено числительное حرح 'сорок' (табл. 26).[43] Факт этот вместе с встречающимися طحر, ايح, حيراتلو[44] говорит о наличии в булгарском языке фонемы ح, что ранее отрицалось некоторыми лингвистами.[45] Нельзя согласиться с тем, что она вошла в татарский язык через „книжные арабский, персидский и др. языки".[46]

Чередование ح || ق у хазар отмечено С. П. Толстовым (*қаҳан, ҳақан, қаған*); это соответствует делению хазарского языка на восточный и западный диалекты.[47] Поэтому очень возможно, что такое чередование имело место и в древнебулгарском языке и фонема ح не является результатом влияния „финноугорского субстрата".[48] Поэтому естественно наследование этого чередования и в языке казанских татар. Согласно определению казанского нумизмата А. Б. Булатова, на некоторых булгарских монетах в слове بلغار (*Блғар*) вместо غ употреблена фонема ح: بلحار (*Блҳар*).[49] Пережиточное употребление этого звука вместо ق мы видим на памятнике XVI в. (توحوز вместо توقوز) с кладбища с. Епанчино Лаишевского р-на ТАССР (табл. 60). То же самое мы наблю-

---

[42] Д. М. Сарманаева. Диалектические особенности языка среднеуральских татар. Казань, 1949, стр. 7. (Автореферат канд. диссертации).

[43] Такое числительное (حرح — *хырых*) отмечает и Н. И. Ашмарин (Болгарские надписи..., стр. 19).

[44] И. Березин. Булгар на Волге, стр. 103.

[45] Л. Заляй. К вопросу о происхождении татар Поволжья..., стр. 85.

[46] Н. Б. Бурганова. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. Сб. „Материалы по диалектологии", Казань, 1956, стр. 37.

[47] См. выступление С. П. Толстова на сессии Академии наук СССР, посвященной вопросу происхождения казанских татар: сб. „Происхождение казанских татар", Казань, 1948, стр. 139.

[48] Б. А. Серебренников. К истории звуков чувашского языка. Уч. зап. Научно-исслед. инст. яз., лит., ист. и экон. при Совете Министров Чув. АССР, вып. XIV, Чебоксары, 1956, стр. 83.

[49] А. Б. Булатов. Светицкий и Альмеевский клады, найденные на бывшей территории Болгарского государства. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

даем на эпитафии XVIII в. (табл. 76), где вместо قطای[50] мы читаем حطای. В древней исторической литературе о булгарах факт этот (حطای вместо قطای) имеет место в جوامع التواريخ, نواريخ بلعاريه и других произведениях.[51] Отсюда понятно наличие чередования ع — ق в говорах татарского языка, например употребление ق вместо ع: *Сэлэк* || *Сэлэх, Исқак* || *Исхак, қатын* || *хатын, қалық* || *халық, Салиқ* || *Салих, Қатип* || *Хатип, қат* || *хат, қэбэр* || *хэбэр, қач* || *хач*;[52] имеет место и обратное явление, т. е. употребление ح вместо ق: *вахыт* || *вақыт, хэберлек* || *қэберлек* и др.

Здесь следует остановиться еще и на факте своеобразного написания на эпитафиях II стиля слов دنیادان, طندوی, هجرەدان, которые преимущественно написаны вместо د через ر. В отношении одного из них — طندوی, — исходя из традиционной точки под ر в одной надписи, зафиксированной Г. Ахмаровым, Н. И. Ашмарин допускает чтение его через ر: طنروی.[53] Так же читает его О. Прицак.[54] Написание указанных слов через ر вместо د мы можем проследить в нашем приложении в следующих надписях: табл. 3, 5, 11, 23, 30, 31, 48, текст 1. В одном из них над ر имеется точка, позволяющая читать это слово как دنیازان (табл. 11). Встречающаяся традиционная точка под ر устраняет подозрение в простом сходстве в написании د и ر, т. е. в палеографической небрежности писца. Явление это следует рассматривать как закономерное чередование звуков د и ر. Из наличия на эпитафиях форм دنیادان, دنیازان, دنیاران вытекает соответствие звуков

---

[50] „Катайский" — от известного среди тюркских народов эпонима „قاطای" (*қāтāй*).

[51] Шараф ад-дин Булгари. История Булгарии, стр. 13; А. Саади. Новый материал по истории татарской литературы древней эпохи. Казань, 1927.

[52] Н. Б. Бурганова. Особенности говора татар. . ., стр. 31—32.

[53] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 97—98.

[54] O. Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren, стр. 87.

د || ز || ر. Чередование *д* || *з* мы встречаем в таких примерах (из татарского языка):

йодрык — *йозрык* 'кулак'
сидрэй — *сизрэй* 'изнашиваться'
кода — *коза* 'сват'
бодай — *бозай* 'пшеница'
адак — *азак* 'нога'

Примеры чередования *д* || *й*:

коды — *койы* 'колодец'
иде — *ийе* 'да'

Чередование звуков *д* || *р*:

бодай — *борай* 'полба' (разновидность пшеницы)
тудун — *турун*

Соответствие орхоно-енисейского *d* чувашскому *р* (*тудун* — *турун*) ранее было замечено и В. Г. Егоровым.[55] Здесь небезынтересно заметить употребление в татарской литературе слова *турун* в смысле „внук".[56] Из всего этого соответствия фонем *д* || *з* || *р* || *й* в материале эпитафии имеет место ر || ز и ر || د (в دنیاران || دنیادان || دنیازان и в جور || جوز).

Из небольшого лексического материала мы здесь должны констатировать такие звуковые переходы в булгарском языке, как د || ق, ه || ق, ح || ع, ر || ز, د || ر, س || ز, ذ || د и др. Например, последние два перехода становятся ясными хотя бы из написания имени *Зӧбайдә* (что и сейчас имеет место среди казанских татар) в виде سُبَيْتْ (*Сӧбайтә*, табл. 43). Кроме того, в языке памятников II стиля звуки *т* и *с* заменяют *д* и *з*:

ایدی ایردی — ایت
دورت — توات
سَیده[57] — سَیْتَ
بولدی — بلت || بلطوی

Для памятников же I стиля, т. е. новобулгарского языка, типично употребление звука *д*. Говоря об этом явлении,

[55] В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, ч. I, стр. 22, 41.
[56] Муса Джалил. Алтынчеч. Избранные произведения, т. II, Казань, 1955, стр. 35.
[57] Женское имя *Сайдә*, по-булгарски *Сайтә*.

характерном, по словам С. Е. Малова, для наиболее древней стадии тюркского языка, Л. Заляй отмечает, что татарский язык в процессе своего развития перенял звук *т* от булгар и сувар, а звук *д* — от огузов и кипчаков.[58] Чередование этих звуков в диалектах татарского языка ныне является фактом довольно распространенным:

тәвә	‖	*дәя*
пышылтау	‖	*пышылдау*
горселтәү	‖	*горселдәү*
тиде	‖	*диде*[59]

Следующей особенностью языка памятников II стиля являются встречающиеся в них выражения, которые по своим грамматическим формам напоминают памятники I стиля.

Например:

فانی دنیادین باقی احرتکا رحلت طنروی[60]

اَحِرَةَ بَطُوی هجْرَةران الطِحُور (табл. 3);

فانی دُنیَاران باقی اد[رة] رحلة طُنُروی (текст 1);

فانی دنیاران ... باقی احرة یطوی (табл. 30);

دنیاران سفر ط[نروی] (табл. 39);

دِنیازان کوحروی (табл. 11);

فان[ی دنیاران] کجروي (табл. 33);

دنیاَرَانْ رحلة طُنروی (табл. 48);

الله رحمة اطنطم (табл. 50);

طَنْطُرْمَ حو بلج (табл. 3).

---

58 Л. Заляй. Материалы по исторической фонетике..., стр. 74.

59 Там же.

60 Г. Ахмаров. История Булгарии, стр. 124. — Некоторое недоверие в этом примере вызывает форма احرتکا: это слово всегда встречается в виде احرة, в данном случае оно, возможно, было искажено при списывании Г. Ахмаровым. То же самое надо полагать в отношении слова دنیادین, которое пишется на эпитафиях XIV в. в форме دنیاران или دنیادان.

По поводу первого из них в свое время Н. И. Ашмарин подметил, что в данном случае „чувашские формы перемешаны с джагатайскими".[61] В целях уточнения мы должны сказать, что здесь действительно имеет место смешение древнебулгарских форм с новобулгарскими. Вообще факт этот надо расценивать как показатель бытования у булгар в то время (XIV в.) языка памятников I стиля — новобулгарского языка; употребление его частично в надгробиях II стиля следует считать лишь дополнением к отжившим формам древнебулгарского языка, превратившегося к этому времени в язык надгробий. В частности, об этом свидетельствует наличие наряду с часто употребляемой на камнях II стиля древней формой وفات بلطوی формы وفات بلت (табл. 28). Все эти глагольные формы, несмотря на их морфологическое своеобразие, мы легко можем сопоставить с современными татарскими:

тынды (*тӱнде*) — *тындӱві* — *тынрӱві* طندوی — طنروی
ятты — *йатӱві* یطوی
батты (не в смысле утонул) — *батӱві* بطوی
кучте — *кӱчрӱві* کوجروی [62]
кичте — *кічрӱві* کجروي
вафат булды — *вафат былтӱві* [63] وفات بلطوی
вафат булты وفات بلت
„ وفط بلطی‌ده

В татарском языке мы и сейчас имеем такие своеобразные морфологические формы, как *бармалы*, *булдачи* (характерные для западного диалекта), *кичӱ*, *итенӱ* и др., которые раньше, очевидно, имели более широкое употребление. Ныне бытующая страдательная форма *итену* в смысле „делать" (*син ни итенеп йӧрисең* 'что ты ходишь — делаешь' или 'что ты делая ходишь') интересна в свете толкования О. Прицаком اطنروی как قیلدی 'сделал'. Синонимом последнего ныне имеем *итте*, что видим из часто встречаемого выражения на татарских эпитафиях XIX—XX вв. — الله‌رحمت اتسن, тождественного также часто встречаемому الله‌رحمت قیلسون. Отсюда, возможно, как اطنروی, так и اطنطم есть производные от глагола *итену*

[61] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 97.
[62] Эта форма очень редко встречается (см. табл. 11, 33).
[63] Быть может, этот часто встречаемый термин в такой форме следует читать как *бӓлтоо* с протяжным окончанием прошедшего времени.

Одну из особенностей — архаичность древнебулгарского языка — очевидно, нужно объяснить, кроме причин социального порядка, и географическим положением булгар, т. е. отдаленностью их от центра тюркской речи.

Итак, обзор языка памятников I и II стилей указывает на существование некогда у булгар двух последовательно сменивших друг друга языков — древнебулгарского и новобулгарского, — принадлежавших одному, единому в социально-этническом отношении народу: волжским булгарам.[74] Последнее убедительно доказывается наличием на одних и тех же кладбищах камней I и II стилей.

Чтобы судить о роли древнебулгарского языка надгробий II стиля в создании современного казанско-татарского языка, недостаточно простого языкового сопоставления, а следует подойти к этому вопросу исторически. Вследствие ряда военных ударов, обрушившихся на Булгарское государство во второй половине XIV в. и в начале XV в., оно претерпевает глубокие изменения в своем внутреннем устройстве и в дальнейшем превращается в ханство Казанское.[75] С этих пор основным центром сосредоточения населения его становится Казань, названная в летописях Новым Булгаром.[76] Об этом же говорят слова русских летописей: „Болгары рекше на Казань", „на Булгарского князя Асана еже ныне глаголются казанцы".

Древнее булгарское население, несмотря на ряд потрясших край исторических событий, осталось на своей прежней территории. Однако оно претерпело значительные изменения как в отношении языка, так и названия. Отчасти это было обусловлено воздействием других тюркских и местных финно-угорских племен.

В свою очередь, булгарский язык не мог не повлиять на язык других этнических групп, составных частей многоплеменной Булгарии (предков чуваш, удмуртов, мари и др.), в языке которых мы видим и ныне значительные следы этого далекого прошлого. Так, для удмуртов на территории Татарии и сопредельных с ней районов характерно сильное джоканье, не говоря уже о лексической стороне их языка, богатого булгаро-татарскими элементами. Близость волжских булгар к зоне оживленного движения огузов и кипчаков

---

[74] П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных. Сов. этногр., 1950, № 3, стр. 52.

[75] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 246.

[76] История Татарии в материалах и документах. Казань, 1937, стр. 122.

при их принадлежности к тюркской системе языков и культуре способствовала все большему и большему обновлению довольно архаической формы булгарского языка, который впоследствии у булгар исчез как разговорный язык. В результате возник новобулгарский язык (кипчакского типа), близкий к современному казанско-татарскому языку. Чередование в нем звуков *қ* — *ғ* (*чоғыр* вместо *чоқыр*, *ғое* вместо *қое*), имеющее место в Камско-Устьинском р-не ТАССР [77] нужно считать огузским элементом. Наличие среди наших памятников такого этнонима и титула, как *төркмән* и *инәл* (табл. 7, 16), дает также основание предполагать большие булгаро-огузские языковые связи на почве политико-этнических отношений в эпоху, когда Волжская Булгария вела торговлю с Хорезмом через земли огузов.[78]

„Кочевники, — говорит проф. А. П. Смирнов, — представленные племенами, входившими, судя по памятникам материальной культуры, в число сармато-аланских племен, являлись булгарами, т. е. одним из племен, входивших в булгарский союз племен, по которому они и могли получить свое имя, подарив его, в свою очередь, одному из городов по Волге. Более высокая военная организация кочевников дала им перевес над оседлыми соседями, и то обстоятельство, что все государство именовалось «Булгарским», показывает, что булгары подчинили себе окрестные племена“.[79]

Сказанное, очевидно, относится к начальному периоду сложения Булгарского государства. Однако впоследствии потомки самих этих булгар, оказавшись оседлыми высококультурными земледельцами, стали, как уже отмечалось, соперниками кочевников последующих волн, тюрков — огузов и кипчаков (X—XIII вв.).

„В конечном счете в процессе скрещения двух элементов, — замечает проф. Л. З. Заляй, — кипчакское «й» приобретает господствующее положение и утверждается в татарском языке как литературная норма“.[80] Наибольшую устойчивость показала фонема *й*, которая „сохраняется в большинстве тюркских диалектов, включая древнетюркский, орхонский и

---

[77] Л. Заляй. Татарская диалектология, стр. 55.

[78] С. П. Толстов. По следам древне-хорезмийской культуры. М.—Л., 1948, стр. 242—245.

[79] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 26—27.

[80] Л. Заляй. К вопросу о происхождении татар Поволжья..., стр. 85.

половецкий".[81] В истории татарского языка наглядный пример проявления устойчивости *й* — нукратский говор, где ныне наблюдается только „йоканье", тогда как датированные XIV в. булгарские эпитафии здесь говорят об имевшем место „джоканье", теперь совершенно отсутствующем.

В ходе разбора небольшого языкового материала памятников II стиля мы видим, как современный язык казанских татар своими диалектальными особенностями перекликается с древнебулгарским языком. Одним из основных отличий его ныне являются вышеуказанные звуковые переходы, послужившие главной причиной непризнания некоторыми учеными булгарского происхождения этого языка. Поэтому мы никак не можем согласиться и с утверждением Б. А. Серебренникова, что начало татарскому языку положил кипчакский.[82] Не отрицая определенной роли этого языка в формировании современного татарского, следует указать, что кипчакский и огузский языки, наслоившись на древнебулгарский, резко изменили направление его развития при том же, в основном, этническом (булгарском) субстрате. Процесс этот не коснулся чувашского языка, с его финно-угорским субстратом.

Выше мы видели, как далеко в глубь булгарской старины уходят исторические корни татарского языка, имеющего прямое отношение к языку памятников как I, так и II стиля, вопреки всяким попыткам умаления роли древнебулгарского языка в истории формирования татарского.[83] Материалы татарской диалектологии, с одной стороны, и древнебулгарский язык, с другой, находятся в тесной взаимосвязи. Таким образом, из консолидации древнебулгарского языка в течение длительного времени с огузо-кипчакскими языками получился современный казанско-татарский, близкий к языку I стиля надгробий, со многими элементами древнебулгарского языка.

Возникает вопрос: когда же закончился процесс сложения новобулгарского языка, сменившего древнебулгарский?

Судя по дате памятников II стиля, язык их бытовал и во второй половине XIV в., ибо самый поздний из известных нам памятников этого стиля датирован 1358 г. После этого мы их нигде не находим. Это в свое время было подмечено

---

[81] В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 41.

[82] Б. А. Серебренников. К вопросу о действительных взаимоотношениях. . ., стр. 73.

[83] М. Сафаргалеев. Один из спорных вопросов истории Татарии. Вопр. истории, 1950, № 7, стр. 76.

и проф. Н. Ф. Катановым. Однако, считая его замечание справедливым, мы ни в коей мере не поддерживаем его выводов относительно отатаривания чуваш, которым, по его мнению, и принадлежали указанные эпитафии.[84]

Начиная с булгарских надгробий, датированных 1382 и 1399 гг., которые мы выше назвали переходными по своему внешнему оформлению (табл. 44, 45), мы наблюдаем наличие на памятниках только одного языка, причем вполне сходного с языком надгробий I стиля, в котором совершенно не встречаются те архаические числительные, какие имели место на памятниках II стиля. Как же объяснить, что за такой короткий период — в 20—25 лет — исчез язык II стиля памятников? Некоторые, не объясняя этот факт, просто обходят его молчанием,[85] другие же объясняют его „сменой древней булгарской культуры казанско-татарской культурой" и „вытеснением булгарских элементов языка элементами казанско-татарского языка", хотя не могут не признать малочисленность надгробных надписей, содержащих, как они выражаются, „татаризмы".[86] Куда же могла деваться та феодальная верхушка булгарского общества, которой преимущественно принадлежали надгробия с „чувашизмами"? „Отатаривание" их за такое короткое время невозможно. Дело здесь в том, что после разгрома булгар Булат-Тимуром в 1361 г. Булгария в значительной мере потеряла свое политическое могущество, территориально переместилась к северу, в места с другими физико-географическими условиями и иной этнической средой. Все это не могло не отразиться на экономике и культурных традициях общества. Поэтому изменилась и традиция — писать эпитафии на древнебулгарском языке, который задолго до этого перестал быть разговорным и употреблялся лишь как язык эпитафии. В свете этого явления интересно высказывание проф. А. П. Смирнова по поводу связей булгар с кипчаками. Он говорит: „Эти близкие политические и культурные взаимосвязи определили и языковую ассимиляцию левобережных булгар. По-видимому, еще в домонгольскую эпоху язык булгар претерпел значительные

[84] Н. Ф. Катанов. Чувашские слова..., стр. 11. — Говоря об этом, автор в то же время проходит мимо такого факта, как отсутствие эпитафий с так называемыми „чувашизмами" в XV, XVI и XVII вв. (т. е. до крещения чуваш) на самой территории Чувашии, где мы находим во множестве памятники XVI в. только на татарском языке.

[85] В. Д. Дмитриев. Некоторые исторические данные..., стр. 110—112.

[86] Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные..., стр. 244.

изменения".[87] По мнению А. П. Смирнова, близость к кочевому миру, сыгравшая большую роль для левого берега, не могла повлиять на лесное правобережье; поэтому культура населения правобережья не подвергалась такому внешнему воздействию. Кстати, следует отметить и то, что малое число памятников I стиля и большое число памятников II стиля ничуть не отражают соотношения распространенности булгарского и кипчакского языков в Булгарии, что хотят доказать некоторые авторы.[88] Количественное преобладание памятников II стиля, написанных на древнебулгарском языке, когда этот язык в качестве разговорного уже вышел из употребления, является лишь показателем живучести старой традиции и привязанности булгар к своему древнему языку.

Время сложения новобулгарского языка и окончательного растворения в нем древнебулгарского, иными словами — „исчезновения" последнего как разговорного языка, надо отодвинуть значительно назад, к X—XI вв., т. е. ко времени образования Булгарского феодального государства. Как на некоторый ориентир можно указать, например, на то, что в начале X в. у булгар Ибн-Фадланом уже зафиксировано употребление в произношении одного и того же названия реки наряду с *р* и фонемы *з* (*Джаушир* || *Джаушыз*).[89] Однако бытование древнебулгарского языка (до 1359 г.) на камнях — святынях булгар — было уже только пережиточным существованием его как языка надгробий.

Подобного рода примеров пережиточного существования мертвых языков в истории народов мы знаем немало — старославянский, древнееврейский, коптский и др., употреблявшиеся только в богослужении. Немало известно подобных аналогий и из погребального обряда у различных народов. Например, русские в Татарии (правобережье Волги), живя среди татарского населения, ранее носили в быту татарские лапти, но при похоронах обували покойников только в русские лапти.[90] Наконец, на татарских кладбищах много подобных архаизмов и на современных надгробиях (XIX—XX вв.), где часто читаем вместо *улы* 'сын' древнюю форму — *углы*,

---

[87] А. П. Смирнов. Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа. Сб. „О происхождении чувашского народа", Чебоксары, 1957, стр. 26.

[88] В. Д. Дмитриев. Некоторые исторические данные..., стр. 112.

[89] А. П. Ковалевский. 1) Книга Ахмеда ибн-Фадлана..., стр. 131, 139; 2) Чуваши и болгары..., стр. 19.

[90] Е. П. Бусыгин. Взаимовлияния русских с народами Поволжья (по этнографическим материалам XIX в.), стр. 16 (рукопись).

что можно наблюдать на камнях I стиля в XIV в., а вместо تاريخ منكده (по летосчислению в тысяча) — форму بنكده, что сплошь и рядом встречается в книге XII в. „Кисса-и-Йусуф" (قمتى بنك دينار, — стр. 100), не говоря уже о более поздних памятниках. Аналогичное явление можно отметить и в отношении русских надгробий, многие из которых в недавнем прошлом писались на старославянском языке.

Что касается булгарско-чувашских отношений в свете языка надгробий II стиля, то основным в этом вопросе является расшифровка булгарских числительных, исходя из некоторого фонетического сходства с ними чувашских числительных, вернее из ротацизма чувашского языка:

Чувашский: *чер* 'сто'

Булгарский: جوُر 'сто'

Татарский: يوُز — جوُر (*жöз — йöз*) 'сто'

Только на основе такого простого сопоставления, без учета исторических корней этих языков, несколько поколений ученых ставили знак равенства между чувашами и булгарами.

О генезисе чувашского языка ныне довольно четко высказался в своем докладе на сессии, посвященной этногенезу чувашского народа, Б. А. Серебренников: „Нам кажется, что в настоящее время можно сделать вполне определенный вывод о том, что к моменту вторжения тюркских племен на территорию Чувашии значительная часть этой территории была занята древнемарийскими племенами и язык тюркских пришельцев наслаивался на марийский языковой субстрат. В процессе этого языкового взаимодействия верх одержал язык тюркских пришельцев".[91] Здесь под тюрками несомненно надо подразумевать булгар, пришедших из Приазовья.

Критикуя доводы сторонников теории булгарского происхождения чуваш, проф. П. Н. Третьяков, выступая на сессии Академии наук СССР, посвященной вопросу происхождения чуваш, говорил: „Упомянутые ученые исходили из того, что среди современных народов, живущих в пределах Волжской Болгарии, один лишь чувашский народ обнаруживает в своем языке древние тюркские черты. Другим аргументом в пользу болгарской теории явились несколько отдельных чувашских слов и имен, обнаруженных на болгарских могильных плитах с арабскими надписями. Никаких иных данных

[91] Б. А. Серебренников. Происхождение чуваш по данным языка, стр. 40.

в пользу болгарской теории в распоряжении буржуазной науки не имелось".[92]

Выше мы уже говорили о наличии в татарском языке интересующего нас ротацизма — фонетического перехода *р* || *з*.

Числительные по своей природе, сравнительно с другими частями речи, имеют значительно более широкую сферу обращения, поэтому, будучи наиболее употребительными и первостепенно важными в межплеменном обмене и торговле, они подвержены изменениям (нивелированию) гораздо сильнее, чем другие слова. Вот почему сейчас мы не видим наиболее архаических черт булгарских числительных в татарском языке. Это еще более важно отметить, если мы вспомним общеизвестную большую роль как внешней, так и внутренней торговли в экономической жизни булгар.

Переход впоследствии булгарского *р* в *з* Л. Заляй считает совершившимся в татарском языке под влиянием кипчакского. Между прочим, эту древнебулгарскую фонему *р* мы видим в языке мари в заимствованных, очевидно, от булгар словах: *Юмо ояр*[93] 'небо ясное', где *ояр* 'ясное' соответствует *аяз* в современном татарском языке.

На примере искажений булгаро-татарских слов в языке мари можно легче уяснить себе фонетические особенности языка чуваш, воспринятого последними от булгар:

Марийский	Булгаро-татарский	
Ака	*Ага*	'старший'
Окса	*Акча*	'деньги'
Пасу	*Басу*[94]	'поле'

В точности такая же картина повторяется и в фонетике чувашского языка. Звуковое сравнение чувашских и булгарских числительных позволяет отметить, что они не совсем совпадают; факт этот в свое время был подмечен и Н. И. Ильминским, который определил эти древние формы как нечто „среднее переходное между тюркским и нынешним чувашским".[95] На этом основании он допускает предположение, что „чувашский язык, некогда особенный, финский, впослед-

---

[92] П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа. . ., стр. 45.

[93] Уч. зап. Марийск. научно-исслед. инст. яз., лит. и истор., т. I, 1948, вып. 1, стр. 110.

[94] Там же, стр. 90. — В словах *окса*, *ояр* мы видим следы оканья, характерного для языка II стиля булгарских надгробий.

[95] Н. И. Ильминский. О фонетическом отношении. . ., стр. 84.

ствии уже существенно изменился от влияния тюркского языка".[96]

Не всецело булгарским признает чувашский язык проф. В. Г. Егоров, указывая на добулгарские нетюркские элементы как в словарном составе (в том числе в топонимике и ономастике), так и в грамматическом строе.[97] Исходя из лингвистических, археологических и этнографических данных, В. Г. Егоров приходит к заключению о происхождении чуваш от местных угро-финских племен, из которых формировались финно-угры Среднего Поволжья.[98] О принадлежности чуваш в основе к финно-угорской культуре говорит и отсутствие в их мифологии выразительного термина языческо-шаманских верований тюрок — *кӯт* (قوت) 'душа', имевшего место в верованиях якутов, алтайцев, казахов, киргизов, узбеков, башкир, татар и др. Говоря о материальной культуре чуваш, мы отмечаем преимущественно финно-угорский характер ее, в особенности орнамента.[99]

Соответствие булгарскому аффрикату (ج) (*дж*) чувашского мягкого свистящего спиранта *Ҫ* напоминает фонетические особенности русских слов, заимствованных татарами:

Русский	Татарский
казенное	*кажунни*
озимь	*ужым*

Соответствие *з* || *ж* аналогично соответствию в чувашских заимствованиях из булгарского. Таким образом, по-видимому, в чувашском языке, с его значительными финскими элементами, мы имеем наслоившиеся на древнюю финскую почву заимствования скорее всего от волжских булгар, под властью и сильным воздействием которых чуваши находились до распада Булгарского государства.[100] Заслуживает внимания предположение Б. А. Серебренникова (исходя из фонетических особенностей) об обособлении чувашского языка, родственного булгарскому, в самостоятельный язык еще до прихода

---

[96] Там же, стр. 84.

[97] В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, ч. 1, стр. 10—16.

[98] Там же, стр. 10—11.

[99] Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. С. Романов, А. Р. Симонова. Чуваши, ч. I. Чебоксары, 1956, стр. 386.

[100] А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт. Вопросы этногенеза народов Поволжья. Вестн. АН СССР, 1955, № 10, стр. 53.

булгар на Волгу.[101] Об этом же писал ранее и В. Г. Егоров.[102]

В исторической литературе отмечается проникновение в чувашское Поволжье в более ранний период — в середине первого тысячелетия н. э. — тюркского элемента, связанное с приходом гунно-сарматов.[103] К более древнему периоду, „задолго до V в. до н. э.“, относит проникновение тюркского языка в Поволжье и Урал С. Е. Малов.[104]

Однако, по мнению проф. А. П. Смирнова, усиление тюркского влияния в Среднем Поволжье имеет место со времен хазар и булгар,[105] при более тесной и длительной связи последних с аборигенными угро-финскими племенами.

Частичному отюречению (обулгариванию), очевидно, подверглись мадьяры, в большинстве своем переселившиеся в конце IX в. из пределов западной Башкирии в Венгрию после двухсотлетнего соседства с булгарами. Об этом свидетельствует наличие в языке современных мадьяр, наряду с целым рядом других тюркских слов, термина *belyeg* ‘клеймо’, ‘знак’;[106] этот термин в смысле „памятник—знак“ встречается на каждом булгарском надгробии II стиля в виде بلوی ك. Отсюда и название надгробий: تاش بیلگی (*таш билгі*) — в татарском языке буквально „каменный знак“.

Аналогичное отюречивание мы наблюдаем сегодня в удмуртских и чувашских селах Татарии, где язык удмуртов и чуваш сильно разбавлен татарскими словами. Мало того, молодежь в этих селах говорит почти только на татарском языке, забывая и подчас коверкая свой родной язык.[107] Характерным в этом отношении является село Мордовские Каратаи Камско-Устьинского р-на, где население разговаривает по-татарски, одевалось до недавнего времени по-мордовски и считает себя потомками мокши.[108]

---

[101] Б. А. Серебренников. К вопросу о действительных взаимоотношениях. . ., стр. 73.

[102] В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, стр. 18, 19, 22, 75.

[103] П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа. . ., стр. 48.

[104] С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., т. XI, 1952, вып. 2, стр. 137.

[105] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 83.

[106] Русско-венгерский словарь. Сост. Э. С. Хаас. М., 1947, стр. 127.

[107] Удмуртское село Удмурт-Ташла Бавлинского р-на, чувашское село Каран-Азиково Матвеевского р-на, татарско-русское село Верхний Арняш Кзыл-Юлдузского р-на ТАССР.

[108] Н. И. Воробьев. Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТАССР летом 1927 г. Вестн. научн. общ. татаровед., 1928, № 8, стр. 111.

Утрате с течением времени булгарским языком его архаических фонетических элементов (ротацизма) способствовали тесные культурно-экономические сношения булгар с другими тюрко-мусульманскими народами (с характерным для их языка звуком *з*), усилившиеся особенно в XII—XIII вв.[109]

Географическое положение территории, где жили предки чуваш — суазы, которые, по словам проф. А. П. Ковалевского, не принадлежали к числу болгарских племен,[110] а также специфика их хозяйственного уклада, принадлежащего в основном к финской лесной культуре,[111] заставили их держаться в стороне от булгаро-татарских отношений, и это в значительной мере способствовало сохранению древних черт языка, воспринятого ими у булгар. По словам С. П. Толстого, „мы просто можем сказать, что большая близость чувашского языка к древнебулгарскому объясняется тем, что в своем дальнейшем развитии чувашский язык впитал в себя меньше этих последующих волн тюркского влияния с юга, с востока и сохранился, таким образом, на более архаической стадии и удержал то, что С. Е. Малов называет более древним типом".[112]

Аналогичную мысль высказал по этому поводу и проф. П. Н. Третьяков: „Местные племена, вошедшие впоследствии в состав татарского народа и обитавшие ниже по Волге, чем предки чуваш, издавна значительно больше, чем последние, были связаны с миром степей. Процесс тюркизации не мог развертываться здесь более энергично и в то время, когда в среде предков чувашского народа этот процесс не пошел дальше того уровня, какой был достигнут в эпоху Волжской Булгарии, в среде предков татарского народа он продолжался и впоследствии. Еще в эпоху Волжской Булгарии сюда проникали печенежско-огузские и кипчакские (половецкие) элементы. Во время татаро-монгольского завоевания и в период существования в Волго-Камье Казанского ханства приток кипчакских элементов, доминирующих в Европейской

---

[109] Здесь нельзя не отметить факт влияния булгарского языка на язык западных башкир, что видно из „джоканья" языка эпитафии начала XVIII в. на кладбище с. Чишмы (تريج مينكدا يوزدا اوطط جتيدا).

[110] А. П. Ковалевский. Чуваши и болгары..., стр. 49. — То, что суазы действительно являются предками чуваш, не доказано.

[111] Н. И. Воробьев. Этногенез чувашского народа по данным этнографии. Сов. этногр., 1950, № 3, стр. 66—78.

[112] См. выступления С. П. Толстова и С. Е. Малова на сессии Академии наук СССР, посвященной происхождению казанских татар: сб. „Происхождение казанских татар", стр. 145, 117—118.

части Золотой Орды, не мог не продолжаться. В среду предков чувашского народа кипчакские элементы почти не проникали. Их язык развивался на местных и старых тюркских основах. Этим обстоятельством, по-видимому, и объясняется, почему в Волго-Камье образовался не один тюркоязычный народ, а два — чувашский и татарский".[113] Так же высказывается по этому поводу и ряд других авторов.[114]

Этим, в частности, объясняет и проф. Н. И. Воробьев то, что в быту казанских татар преобладают черты, характерные для степи.[115]

Таким образом, из всего сказанного вытекает, что ошибка последователей теории булгарского происхождения чуваш заключалась в том, что они только на почве механического сопоставления булгарского и чувашского языков отождествляли их и строили „китайскую стену" между татарским и булгарским языками, не вникая в исторические корни татарского языка, локализованного в основном на территории бывшего Булгарского государства. Вот почему глубоко ошибочен применяемый до сего времени в отношении булгарского языка на надгробиях термин „чувашизмы"; он противоречит также и исторической стороне этнонима „чуваш", известного из русских летописей лишь с XVI в. До сего дня некоторые ученые, говоря о булгарском языке, придерживаются иногда принципа простого сопоставления его с чувашским (и не обходятся без двойного термина: „булгаро-чувашский"), забывая, что лингвистические исследования должны быть проникнуты глубоким историзмом, ибо взаимную связь между древними и современными языками можно обнаружить не только при рассмотрении языковой системы на данном этапе, — она ярче выступает при историческом подходе к делу. Как известно, генетическая связь казанских татар с булгарами, кроме языка, прослеживается и при сравнительном изучении их культуры, антропологии и этнографии.

Нельзя поэтому согласиться и с Г. С. Губайдуллиным, ограничившим историю приволжских татар только историей Казанского ханства.[116]

---

[113] П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа. . ., стр. 53.

[114] Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваши, ч. I, стр. 32—33.

[115] Н. И. Воробьев. Происхождение казанских татар по данным этнографии. Сб. „Происхождение казанских татар", Казань, 1948, стр. 80.

[116] Г. С. Губайдуллин. К вопросу о происхождении татар. Вестн. научн. общ. татароведения, 1928, № 8, стр. 141.

В заключение нам хочется высказать пожелание в деле изучения истории татарского языка: следует обратить особое внимание не только на тюркские языки, но и на языки соседних народов — мари, удмуртов и мордвы, — где масса булгаро-татарских языковых заимствований наиболее контрастно выделяется на фоне финских языков при значительной их целостности; этим до сего времени почему-то пренебрегали.

О палеографии булгарских памятников II стиля

В палеографическом отношении надгробия II стиля, исполненные, как выше было указано, только куфическим шрифтом, выглядят более или менее однородно. Однако шрифт этот мы никак не можем считать куфическим в полном палеографическом смысле слова. Это скорее полукуфи, в некоторых случаях приближающийся к насху или даже к простому шрифту. Было бы неверно думать, что куфи в наиболее чистом виде не было у булгар. Куфи встречается на более ранних памятниках. Так, например, простой куфический шрифт мы видим на вышеупомянутых булгарских зеркалах, на металлическом замке из Биляра, не говоря уже о булгарских монетах.

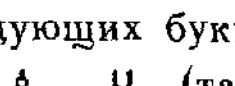
Из небольшого числа сохранившихся памятников мы знаем и о бытовании у булгар цветущего куфи, особенно на архитектурных памятниках (табл. 46). Характерный мотив плетеного куфи с „узлами счастья" мы видим на фрагментах украшения „Четыреугольника".[1] На искаженный или примитивный характер куфического шрифта надгробий II стиля, очевидно, нужно смотреть именно как на „булгарский куфи". Своеобразие это, обнаруживаемое и при сравнении с надписями на монетах, отмечается и другими исследователями.[2]

Обилие в этом почерке знаков чтения и диакритических точек, надо полагать, явилось результатом того, что нужно было облегчить правильное чтение булгарских архаизмов, давно вышедших из употребления и лишь традиционно продолжающих бытовать на надгробиях-святынях.

Описанный куфи в основном врезанный, но известны и памятники с рельефным куфическим письмом (табл. 5, 37) с теми же характерными чертами. Особенностью этого почерка является невыдержанность некоторых букв в нормах куфи (например, закругленность в изгибах), а также отсутствие строгой гори-

[1] Казанский музейный вестник, 1920, № 5—6, стр. 44.

[2] А. Ф. Лихачев. Новый булгарский клад 1887 г. Казань, 1888, стр. 2.

зонтальной линии в их расположении. В этом можно убедиться, например, из почерка памятников табл. 6, 11, 17, 21, 28, 33 и др. К некоторым из них вообще почти нельзя применять название куфи (табл. 31, 33). Наряду с этим, имеется много памятников, в почерке которых мы обнаруживаем более или менее выдержанную общую горизонтальную линию преимущественно низких прямоугольно исполненных букв (табл. 34, 35, 40, 41, 43). Наиболее правильное написание можно наблюдать в следующих буквах: , (табл. 3, 19, 38, 40, 43). „Алиф" имеет клинообразное утолщение наверху или загнутый влево или вправо нижний конец; снабжение клинообразным утолщением характерно и для стволов буквы „лям". Так, при сочетании его с „алифом" утолщения эти обращены в противоположные стороны: . Наблюдаемая своеобразная черта — перенос одной недописанной буквы лигатуры на другую строку или оставление только одной буквы ее в конце строки (табл. 23, 30) — усложняет иной раз чтение надписи.

Так же, как в надписях I стиля, здесь мы, хотя и редко, наблюдаем слияние букв, например вместо (табл. 26).

В заключение следует отметить, что этот тип почерка, по всем признакам, является характернейшим и своеобразнейшим, выработавшимся как стиль в лапидарной эпиграфике булгар. Нужно признать, что за недостатком материала мы пока не можем сказать о таком проявлении богатых графических возможностей куфического почерка в искусстве Волжской Булгарии, какое можно наблюдать в среднеазиатской истории этого почерка.[3]

Интересно отметить, что ни на одной булгарской эпитафии мы не видим подписи писца-резчика. По-видимому, нельзя это объяснить только тем, что исполнители резьбы по камню, будучи иноверными, — как иные склонны считать, армянами, — не имели права выставлять свои имена на этих памятниках. Нет оснований сомневаться, что резьба эта — дело рук булгарских мастеров, но отсутствие их подписи, очевидно, связано с тем обычаем, что „в резных надписях могли цитироваться только коран и его толкователи или упоминаться имя правителя страны того времени, когда выполнялась данная работа. В силу этого обстоятельства архитектурные детали, подписанные именем мастера-резчика, составляют величайшую редкость

[3] В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. Эпигр. Востока, III, 1949, стр. 27.

и насчитываются буквально единицами".[4] Очевидно, этой же социального порядка причиной нужно объяснить и отсутствие на булгаро-татарских эпитафиях подписи мастера-резчика, за исключением очень немногих случаев — двух памятников из села МаксабашТюлячинского р-на, одного из села Именьково Лаишевского р-на (Н. Ф. Калинин предполагает, что этот памятник завезен сюда из другого места) и нескольких других.

Социальная терминология и имена булгарских эпитафий

В социальной терминологии булгарских надгробий отмечается довольно пестрая картина, проливающая некоторый свет на социально-иерархическую лестницу булгарского феодального общества, господствующей верхушке которого преимущественно и принадлежали эти надгробия.

Мы здесь видим три категории социальных терминов: 1) термины племенного характера, 2) титулы, 3) эпитеты.

Касаясь первых, нужно сказать, что булгарские эпитафии не богаты ими. Кроме ал-Булгāрӣ, ал-Сӯвāрӣ, мы имеем еще этноним „туркмен" и титул „инāл" (табл. 7, 16), указывающие на огузское происхождение этих покойников („Туркмены — это огузы", — говорит Махмуд Кашгарский).[1]

Слово „племенной" мы ни в коей мере не употребляем в его прямом смысле, ибо к этому времени такая организация, надо полагать, давно не существовала у булгар. Скорее всего, эти нисбы — البلغارى (ал-Булгāрӣ), السوارى (ал-Сӯвāрӣ) — нужно понимать как „фамилию" покойника, указывающую на место рождения (булгарец, суварец), хотя еще долго и после распада Булгарского государства нисба البلغارى (ал-Булгāрӣ) являлась пережиточной и употреблялась только в ее этническом смысле, в каком упоминает ее Махмуд Кашгари (بلغارى, سوارى).[2]

В имеющемся небольшом списке титулов булгарских надгробий выявляется только частично социальное лицо Булгарского государства. Так, на принадлежащих почти только имущему классу памятниках мы не встречаем социальных терминов народных низов (хотя бы того же *игенче* 'землепашец', известного из литературного памятника „Нахдж ал-Фарадӣс"), за исключением лишь „золотых дел мастера" и „сборщика

[4] Н. М. Бачинский. Резное дерево в архитектуре Средней Азии. М., 1947, стр. 7.

[1] Цитирую по книге: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.—Л., 1939, стр. 312.

[2] М. Кашгари. Диване лӧгāт эт-тӧрк, т. I, стр. 30, 33.

податей" (*тамгачи*),[3] которые по роду своих занятий в той или иной мере были связаны с имущим классом.

Самое высокое звание из известных нам по булгарским надгробиям — это титул „Эмира чтимого", „великого и знатного повелителя, помощника повелителей" (табл. 2). Очевидно, мы здесь имеем дело с главой Булгарского государства, похороненным близ Казани. В произнесенной в честь булгарского царя „хутбе" хатиб ибн-Фадлана именует его также „повелителем-эмиром".[4] Употребление вышеупомянутого титула говорит за то, что обладатель его был „великим и знатным повелителем" над своими подчиненными, но в то же время он был „помощником повелителей", т. е. находился в вассальной зависимости от других „повелителей" — очевидно, булгарского и золотоордынского. Таким образом, надгробие это свидетельствует, во-первых, о наличии в Казани административного центра, говоря словами Н. Ф. Калинина — „Казанского княжества",[5] возглавлявшегося „эмиром", зависимым как от булгарского хана, так и от золотоордынского; во-вторых, о каком-то автономном положении Булгарии, которой в первую очередь подчинялось данное княжество.[6] Из этого же несомненно вытекает зависимость Булгарии от Золотой Орды.

Ниже повелителя-эмира идут титулы *инал*, *бек*, *ага* и др. На этой же ступени иерархической лестницы, надо полагать, стояли *аш-шайх ал-кабир* 'великий шайх' (الشيخ الكبير),[7] *шайхи*, *ходжа* — خواجه, представители мусульманского духовенства булгар. Довольно высокое положение титула *инал* для огузов отмечает Рашид эд-Дин: „Прозвание государей их есть *инал* — اينل, хотя они носят другое имя".[8] Не исключена возможность, что на булгарской земле этот титул носили подчиненные эмиру булгарские цари-князья племен, о которых в X в. упоминает ибн-Фадлан,[9] или же им титуловался пред-

[3] И. Березин. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб., 1850, стр. 11. (И. Березин переводит „таможник").

[4] И. Ю. Крачковский. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 69.

[5] Н. Ф. Калинин, Н. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Тр. КФАН СССР, сер. гуман. наук, 2, 1954, стр. 103; Н. Ф. Калинин. Булгарская перстневая печать XIV века в фондах музея. Казань, 1956, стр. 17.

[6] Н. Ф. Калинин. Булгарская перстневая печать. . ., стр. 19—20.

[7] И. Березин. Булгар на Волге, стр. 114.

[8] Цитирую по книге: А. Бернштам. Социально-экономический строй орхонских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 157.

[9] И. Ю. Крачковский. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 67.

водитель огузов в пределах Булгарского государства. Во всяком случае в XIV в. титул этот несомненно имел пережиточный характер.

Также и термин يواری (*йувāрū*), встречающийся лишь на памятниках II стиля в сопровождении какого-либо собственного имени, является титулом. В своем толковании этого слова как „военный муж" Х. Фейзханов исходит из ياو 'война' и اری 'мужчина'.[10] Н. И. Ашмарин читает его بولری 'Биларский'.[11] Некоторые не прочь читать его как سواری 'Суварский'.[12] Сословие это мы считаем соответствующим اديانه из сообщения Ибн-Фадлана, т. е. члену дружины булгарского эмира, его военной опоры.[13] Здесь уместно будет привести текст:

حيرا تلو ارس سراج يواری اول يعقوب يواری اول ايوب يواری[14]
اول حسن يواری اول محمد مير محمود تاريخ جيات جور

„Храброго Арса-Сираджа ювари сын Якуб ювари, (его) сын Аюб ювари, (его) сын Хасан ювари, (его) сын Мухаммед Мир-Махмуд. По летосчислению семьсот .....". В частности, в пользу перевода يواری Х. Фейзханова (военный) говорит эпитет حيراتلو[15] 'мужественный', 'храбрый', 'неустрашимый' (почему-то И. Березиным переводимый как „Благодетель ...."), содержащийся в этой эпитафии, где четыре поколения родовитого булгарина носили указанный титул يواری (*йувāрū*). В связи с этим возникает сомнение в правильности чтения первого имени на этой эпитафии — ارس (Арс), звучащего

---

[10] Х. Фейзханов. Три надгробных булгарских надписи, стр. 398.

[11] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 74.

[12] По устному сообщению С. Н. Муратова, يواری происходит, возможно, от древнетюркского *чери* || *сӱри*.

[13] И. Ю. Крачковский. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу, стр. 67, 72, 104—105.

[14] И. Березин. Булгар на Волге, стр. 103.

[15] В хранящейся в Научной библиотеке Казанского университета копии с одного памятника (без указания места находки) текст в точности совпадает с этим родословием, за исключением двух имен, которых у И. Березина нет совершенно. Написание حيراتلو через ح вместо ء объясняется особенностью фонетики булгарского языка (см. об этом выше, стр. 81).

очень близко к بارس (Бāрс) или ارسلان (Арслāн), древнетюркским традиционным именам правящей и военной верхушки. В данном случае перед нами представитель феодальной верхушки — потомок булгарских военачальников, передача профессии которых по наследству явствует и из других булгарских эпитафий.

В связи с этим большой интерес представляет наличие на одном надгробии II стиля (табл. 17) с Булгарского городища термина سويارل (*суйарлū*). Контекст надписи, заключающей этот термин, таков: سويارلِ اضنب اول صطلمش زيارةى. Предшествуя собственному имени اضنب, он создает впечатление, что определяет „лякаб" покойника — фамилию, род или принадлежность к какой-либо социальной группе. Однако допустить, что это фамилия, нельзя, так как мы не знаем подобного названия булгарского населенного пункта, считать же это слово образованным от *Сувар* нельзя потому, что лякаб от него звучало бы *Сувари*. *Сӯйарлū* по близкому созвучию, возможно, следовало бы сопоставлять с термином „сойургал", с закономерным опущением ғ, что характерно для булгарского и татарского языков. Сойургал „в XIII—XIV вв. обозначал, по-видимому, в самом широком смысле пожалование государя своему служилому человеку".[16] Очевидно, в этом смысле нужно понимать пожалование в ленное пользование как земель, так и кочевий.[17] Такой же характер, надо полагать, имел этот институт и у булгар. Развитое земледелие, ярко выраженные феодальные отношения при наличии широкого круга военного сословия (يوارى), по-видимому, стимулировали возникновение его у булгар в начале XIV в., хотя бы в зачаточной форме. Исходя из упоминания сойургала в ярлыке хана Сахиб-Гирея и в других источниках, сейчас установлено, что „сойургал представляет наиболее типичные отношения казанского феодализма в XV—XVI вв.".[18]

---

[16] И. П. Петрушевский. К истории института сойургала. Сов. востоковед., т. VI, М.—Л., 1949, стр. 225.

[17] Б. Н. Заходер. История восточного Средневековья. М., 1944, стр. 117—118.

[18] С. Г. Вахитов. Исследование ярлыка Сахиб-Гирей Хана. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр., т. XXXIII, 1925, вып. I, стр. 88; Ш. Ф. Мухамедьяров. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958, стр. 12.

Титул *бек* принадлежал феодальной знати; титул *āгā* ('старший', 'большой', 'господин') — преимущественно высшему чиновничеству.

Наличие таких титулов, как الچی (*илчā*), بکه (*бикā*), خاتون (*хāтӯн*), несомненно говорит о некогда существовавших значительных правах и независимом положении жен булгарской феодальной верхушки (по-видимому, в раннюю пору Булгарского государства), что мы видим и из сообщения ибн-Фадлана.[19]

Рассмотренное на стр. 78 выражение هیر دوم из эпитафий, приведенных на табл. 5, 7, 13, проливает свет на одну социальную сторону булгарской феодальной знати. Смысл его нужно, по-видимому, понимать не иначе как „наложница", слово *қырқын*, тождественное этому выражению, означает „рабыня-пленница". Указанные надгробия по своему оформлению являются лучшими (см. в особенности табл. 5 — памятник из Булгарского городища). Едва ли простой рабыне — пленнице стали бы воздвигать такие пышные надгробия. Из трех известных нам подобных памятников два найдено на Булгарском городище. Факт этот также подтверждает привилегированное положение наложниц у булгар. Близко к دوم звучит *хонд* — титул женщин высшего придворного круга (*хонди хатун*).[20]

Как нам представляется, часто встречаемое титульного характера слово حاج, حاجی (*хаджи*, *ходжа*), возможно, прибавлялось не только к именам лиц, посетивших Мекку, но и к именам купцов, побывавших в далеких странах Востока.

На некоторых эпитафиях выпущено собственное имя при наличии того или иного титула — بک, حاجی (*хаджā*, *бек*): یونس اول حاجی بلوی‌ك („Йунуса сын Хаджи, его памятник") и др.; но не исключена возможность, что حاجی (Хāджӣ) было и собственным именем.

Богатый материал дают булгарские надгробия по личным именам, что заслуживает специального исследования, так же как и вопрос о титулах. В основном различаются две категории имен: 1) мусульманско-арабские, 2) древнебулгарские.

---

[19] И. Ю. Крачковский. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 68.

[20] В. В. Гордлевский. Государство сельджукидов в Малой Азии. Л., 1941, стр. 58.

Несмотря на четырехсотлетнее существование мусульманства, у булгар были не только арабские имена. Наряду с такими арабскими именами, как ابوبكر (Абӯ-Бакр), علی (ʿАлӣ), احمد (Аҳмад), محمد (Муҳаммед), محمود (Маҳмӯд), اسحاق (Исҳақ), اسماعيل (Исмāгил), حسن (Ҳасан), حسين (Ҳусейн), ابراهيم (Ибрахим), موسی (Мӯса), يعقوب (Йакӯб), يوسف (Йӯсуф), فاطمه (Фāтима), زاهيده (Зāхида), اسيه (Асиййа) и др., даже среди феодальной знати, куда ислам должен был глубже проникнуть, не говоря уже о народных низах, имели широкое хождение булгарские или, как иногда их называют, языческие имена: мужские — تطی (Тоҭай), بَلکسُ (Бāлкӧс), اينوك (Йнӯк), برکای (Бркāй), بَلتُک (Бāлтӱк), احج (Иҳидж), اِسُح (Исуҳ), بوراش (Бӯрāш), بولارتای (Бӯлāртāй), بلمشاق (Блумшāқ), ارمش (Армаш), الباك (Албāк), بکتيمر (Биктӣмір), تمراج (Тимрāдж), اسک (Исік), يحام (Йаҳāм) и др.; женские — القيس (Алқӣс), جوهر (Джāвхāр), مرجان (Мāрджāн), ای‌بکه (Ай-Бикā), افح (Афаҳ).

Часто мусульманско-арабские имена фигурируют в искаженном на манер булгарских имен виде: سراجتدين — سراج (Сирāдж — Сирāдж ад-дӣн), ممات — محمد (Мамāт — Муҳаммед), علای امات — علی احمد (ʿАлāй-Амāт — ʿАли-Аҳмад), ابراش — ابراهيم (Ибрāш — Ибрāхим), منج — منهاج (Минадж — Минхāдж), الیحمد — علی احمد (Алиҳмад — ʿАли-Аҳмад), باتامش — بادامشاه (Батамыш — Бāдāмшāх).

Некоторые имена булгарских надгробий мы встречаем и в топонимике ТАССР — مامق — Мāмык (с. Мамыково Октябрьского р-на), اترج — Ӓтрӑҷ (сс. Б. и М. Атрясы Апастовского р-на и с. Атряс Сабинского р-на), مَملِ — Мамли (с. Мамли-Козяково-Челны Кзыл-Юлдузского р-на), شالاوش — Шāлāуш (с. Салаусь Балтасинского р-на и с. Салауш Красноборского р-на) и др.

Среди булгарских имен не трудно обнаружить имена древнетюркского и половецкого типов, — например, طباج (Ṭабāч),[21] جالور (Джāлӯр; напоминает имя Овлур). Судя по наличию в топонимике ТАССР названий деревень Кибя-Кози, Кибяк-Иле, Кобяково и др., надо полагать, что половецкого типа имя Кобяк имело место и у булгар.

Имена, связанные с языческим обрядом заклинания детской смертности, представлены следующими:[22] توقطار (Тӯкṭāр), صطلمش (Ҫатылмыш), بكتيمر (Биктӣмір), باقىءومر (Бāқӣ-гӯмір) и др.; обряд этот среди казанских татар бытовал еще в недавнем прошлом, с чем связаны их имена: تيمر (Тӣмір), تيمر علی (Тӣмір-ʿАлӣ), بكتيمر (Биктемир), ساتى (Сатый), اولمەس (Ӱлмäс), ساتوكەى (Сāтӯкäй) и др. Некоторые из них — اولمەس (Ӱлмäс), ساتوكەى (Сāтӯкäй), تيمر علی (Тӣмір-ʿАли) и др. — мы встречаем на памятниках XVI в. и позже.

Имена с приставкой „Мир" (от „эмир") — ميرابراهيم (Мӣр-Ибрäхӣм), ميرمحمود (Мӣр-Маҳмӯд), ميرحسن (Мир-Ҳасан) и др., — очевидно, в те времена принадлежали преимущественно выходцам из семей правящего круга.

Отмечены случаи, хотя и не частые, существования двойных имен — الب حاجى (Алп-Хāджӣ), ارس سراج (Арс-Сирāдж), طاطار بلتك (Ṭатар-Бäлтӱк) и др., — что, очевидно, говорит об употреблении наравне с собственным именем также прозвища, быть может, родового или племенного происхождения. Так, существование у огузов еще в XIII в. двух имен, мусульманского и родового (или прозвища), отмечает и В. В. Гордлевский (например, Зиа-эд-дин-Кара-Арслан, Фахред-дин-Арслан Догмуш и др.).[23]

---

[21] Табл. 34. — Подобное имя в форме Табгач каган мы видим и на памятнике Кюль-Тегину (С. Е. Малов. Памятник древнетюркской письменности, стр. 28, 33, 425).

[22] Из смысла этих имен (Тӯкṭāр 'остановиться', в данном случае относится к смерти; Бāқӣ Гӯмір 'вечная жизнь', Тӣмір 'железо', Ӱлмäс 'бессмертный', Сатылмыш 'проданный'), думаю, будет понятно, в каких случаях прибегали к ним.

[23] В. В. Гордлевский. Государство сельджукидов в Малой Азии, стр. 55.

Близким подобием приведенных здесь булгарских имен является список языческих имен чуваш, изданный В. К. Магницким.[24]

Многие булгарские имена из надгробий XIII—XIV вв., а также имена из татарских эпитафий XV—XVIII вв. совпадают иногда буква в букву с именами этого списка. Такие татарские имена этих памятников (XV—XVII вв.), как چورا (Чӯрā), ابابك (Абāк), توق (Тӯқ), توقتامش (Тӯқтāмыш), ياتناش (Йāтнāш), چينميش (Чӣнмӣш), امان (Амāн), بالتاج (Балтāҷ), جيان‌دوجابای (Джиāн-Ҳуджāбāй), قوناق‌دوجابای (Қӯнақ-Ҳуджāбāй), ادكای (Идигāй), چتش (Чытыш), شودك (Шӯдāк), قورچ‌بولات (Қорыч-Бӯлāт), تولون (Тӯлӯн), ممای (Мамāй), بولات (Бӯлāт), توعاش (Тӯгāш), بوزناق (Бӯзнāқ), چاپقون (Чāпқӯн), ياماش (Йāмāш), اشكای (Ишкāй), لباق (Абāқ),[25] ايشبيكا (Йшбикā), تمامك (Тāмāк), آق ساری (Āксāры), جان ساری (Джāнсāры) и др., свидетельствуют о большой тяге татар к своим древним именам. Это мы наблюдаем среди феодальной знати, которой эти надгробия принадлежали, не говоря уже о широких слоях трудового народа. В этом отношении нужно отметить сильное влияние булгар, а впоследствии и татар, на своих соседей — предков чуваш, удмуртов и мари, среди которых раньше даже встречались, хотя и в искаженном виде, мусульманские имена, а в верованиях их, особенно чуваш, — элементы мусульманской религии, проникшие к ним через булгар. Влияние это в первую очередь шло по линии социально-политической, что обусловлено булгарским, впоследствии и татарским, феодальным землевладением среди этих народностей.

Это особенно заметно и ныне в топонимике соседних республик, особенно Чувашии, где обнаруживается поразительное сходство названий чувашских деревень с названиями татарских деревень в ТАССР.

Несомненно, бытование не только у некрещеных чуваш, но в равной мере и у некрещеных удмуртов, мари, несмотря на их этнические различия между собой, одних и тех же булгарских и татарских имен нужно объяснить именно социально-

---

[24] В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена.

[25] *В написании этого имени в виде* لباق *мы склонны видеть булгарскую традицию соединения начального алифа с последующей буквой.*

политическим и экономическим влиянием булгар, а впоследствии казанских татар на эти народности.

Во многих местах мы можем наблюдать это и сегодня. Например, в с. Удмурт-Ташла Бавлинского р-на ТАССР в 1946 г. среди некрещеных удмуртов нами записаны следующие имена: ايشبولات (Йшбӯлāт), بكتيمر (Биктӣмір), قوتلوبيكه (Қӯтлӯ-Бӣкä) и др.

Несомненно, что и после распада Булгарского государства среди широких народных масс татар имели длительное хождение древнебулгарские имена. Об этом, в частности, говорит сообщенное нам в 1947 г. одним стариком (Хабибулла Биктимиров, 78 лет) из села Б. Атня Атнинского р-на ТАССР родословие его дедов:[26] Бӧртӧк — Жӧртӧк—Каримулла—Насыбулла—Биктемир—Хабибулла. По его словам, первый его дед, происходивший из черемис, при принятии мусульманства получил „мусульманское" имя, как он говорил, — „Бӧртӧк".

В булгарских эпитафиях данное имя в сочетании с другими обнаруживается дважды: в одном случае оно читается Н. И. Ашмариным как женское имя: الطن برت (Алтын бӧрт); автор, сильно искажая фонетическую транскрипцию, превращает это имя в чувашское „Ылдын пэрчи" в интересах теории булгарского происхождения чуваш.[27] Первая часть имени, الطن (Алтын) — со смыслом „золото", — встречается еще на нескольких булгарских камнях (табл. 38). Вообще как у булгар, так ныне у казанских татар подобные имена с „минералогическим" смыслом — например, Йақӯт 'рубин', 'сапфир', Зӧбäржäт 'топаз', Гäүһäр (Жäүһäр) 'жемчуг', 'драгоценный камень', Асыл, Тимир 'железо', Алмас 'алмаз' и др. — были любимыми именами. Мы их встречаем на булгарских надгробиях XIV в. и в произведениях поэта XVI в. Мухамедьяра.

Более заметным проникновение мусульманских имен в среду татар становится в первой половине XIX в., когда масса получивших образование в бухарских медресе мулл, явившихся опорой только что возникшей татарской буржуазии, начинает усиленную пропаганду ислама не только среди татар, но и

[26] Любовь, которую издавна питали казанские татары к составлению и заучиванию родословий своих дедов, как в зеркале, отражает подобное же стремление у булгар, что видно из многочисленных их надгробий с перечислением предков. В частности, мне самому в татарских селах много раз приходилось видеть родословия с перечислением иногда до 20 и более поколений.

[27] Н. И. Ашмарин. Об одном мусульманском камне..., стр. 106—107.

среди соседних народов. С этого времени имена у татар сильно арабизируются. Не привившиеся у булгар в XIII—XIV вв. и позже у татар в XV—XVII вв. имена, как عبدالله (ʿАбдулла), زين الله (Зайнулла), احمدالله (Аҳмадулла), عبدالرحمن (ʿАбдураҳман)[28] и т. п., своим значением отражающие классовую сущность ислама, все более и более начинают распространяться среди татар. За эти мусульманские имена и за изгнание из среды татар их древних имен, вроде Тӣмір, Тӣмірқӑй, Тӣмір-Пӯлӑт, Тӯқай-Тимір, Абай, Шӯнқар, Нугаш, Асмӑн, Тӯтӑч, Пимӑч, Бигӑнӑй и др., муллы ведут усиленную агитацию как в своих проповедях, так и через периодическую печать (журнал „Шуро"), не останавливаясь даже перед изданием специальных книжонок со списками рекомендованных и запрещенных имен.[29] Однако хотя к XX в. имена давались только муллами и только мусульманские, все же широкие народные массы по-своему воспринимают эти мусульманские имена, переиначивая их, по-видимому, на булгарский лад — Абдуллу в Апуш, Зайнуллу в Зайнуш, Шахидуллу в Шайдук, Ибрахима в Ибрай, Ибраш, Сайфуллу в Сапи, Сапай, Гатауллу в Гата, Абдураҳмана в Аптри, Авзал ад-дина в Абзак и др. О широком распространении этого явления среди татар говорит и Л. Заляй, считая его особенно заметным в западном диалекте,[30] где, например, Яруллу зовут Яртук, Мухаммад-шаха — Мохань, Низам ад-дина — Низук, Шараф ад-дйна — Шарук, Галиуллу — Алуш, Фатыху — Фатуш и др. Подобным же образом в разговорной речи изменяются христианские имена, принадлежащие крещеным татарам (Александра — Сандра, Екатерина — Катр, Мария — Марҗэм, Яков — Җәкәу, Михаил — Михай, Тимофей — Тимуш и др.). Иными словами, в этих искаженных именах совершенно нетрудно уловить большую типологическую общность с древними булгаро-татарскими именами.

Подытоживая материал надгробий булгарского периода XIII—XIV вв., необходимо отметить, что существование двух стилей надгробий, которые различаются в основном своим языком, явилось отражением исчезновения древнебулгарского языка и зарождения на той же этнической основе новобулгарского языка в результате тесных взаимоотношений булгар с тюркским миром в пору поступательного движения последнего с востока и юга. В описанных выше формах памятники эти принадлежали

---

[28] Эти имена, за исключением единичных случаев, почти отсутствуют на булгаро-татарских надгробиях.

[29] Имя. Казань, 1895. (На татарском языке).

[30] Л. Заляй. Татарская диалектология, стр. 106—107.

только булгарам, ибо „из всех областей Золотой Орды могильные надписи (такого вида, — *Г. Ю.*) имели распространение только на территории Булгарии".[31]

Булгарские надгробия Башкирии

Из нескольких письменных сообщений о древней Башкирии — Ибн-Фадлана, Юлиана, Шараф ад-дина — в данном случае для нас представляют наибольший интерес сообщения последнего, который упоминает более чем о 20 могилах проповедников, расположенных на протяжении от р. Уфимки до р. Зай. Как явствует из сообщения, это были выходцы из башкир и мишарей, получившие духовное образование в Булгаре[1] и проповедовавшие ислам среди своих соплеменников. Довольно обширная топография этих могил связывается главным образом с реками западной Башкирии — Ай, Уфа, Белая, Уршак, Дёма, Чермасан (Сармасан), Ик — местами поселений башкир, а порой даже с селами. Так, например, значительный интерес представляет упоминание могил Ходжи-Тӯқаша, Ходжи-Бекташа и Сулеймана-Ходжи у с. Кипчак на реке Дёма; здесь и ныне есть село, называемое Кипчак-Аскарово (Альшеевский р-н). Однако, несмотря на это, небольшое число найденных древних надгробий не связывается с данными Шараф ад-дина. Пока мы можем объяснить это только тем, что территория Башкирии слишком мало еще исследована. Не исключено и то, что подобные памятники бесследно исчезли, не будучи где-либо зафиксированы. Только дальнейшее продолжение подобных исследований позволит окончательно выяснить этот вопрос.

Из известных нам письменных памятников самым ранним в Башкирии на сегодня является надгробие Хусейн-бека у с. Чишмы на кладбище *Акэират* 'Белое кладбище'.

Название это, очевидно, дано благодаря возвышавшемуся здесь некогда мавзолею, сложенному из белого известняка, на месте развалин которого в 1911 г. уфимским муфтием выстроен заново совершенно иной конструкции мавзолей, где и находится указанное надгробие (табл. 8). Памятникам этим посвящена большая литература,[2] в которой много противо-

---

[31] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 55.

[1] Шараф ад-дин Булгарӣ. История Булгарии, стр. 18—24.

[2] J. Georgi. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. Zweiten Band, Petersburg, 1775, стр. 728—730; П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека. Москвитянин, 1843, № 3, ч. II; В. С. Юматов. Древние памятники на земле Чубиминской волости. Оренб. губ. вед., 1848, № 1; Р. Г. Игнатьев. Памятники доисториче-

речивых, неточных сведений, главным образом касающихся текста эпитафии Хусейн-бека. Самое раннее упоминание о ней мы находим у Георги.[3] Приводимый им текст близок к тексту, данному уфимским муфтием Султановым в 1909 г. (см. ниже).

В одной из ранних работ о памятнике П. Павловский, пользуясь чтением муллы с. Кара-Якупово, датирует камень 1047 г., 7-м днем раби-ал-ахира месяца. Однако тут же делает оговорку, что сведения, полученные от муллы, не могут считаться бесспорными, ибо „чувствую, — говорит он, — что в этом деле, довольно важном, такое основание не совершенно удовлетворительно!".[4]

Позже, в 1848 г., В. С. Юматов дает следующий текст надписи (в чтении учителя с. Кара-Якупово Бердигулова):[5] *„Альгадиля фильагкам хази Хусейн-бека бина аль амир алькабир Гумер-бек Торсяси Туркестани альмархом аллагумма рахимгу рахматан васигатан вакримгу, бильгафови вальмагфират тавафи филь-аям аттасиги фишагриль мубах сената арбагина вайснайни васабага миэти"*. Перевод Юматова: „Человек по закону праведный, хаджи Хусейн-бек, сын великого Бека Гумера Тарсяского в Туркестане: умерший просит Бога даровать ему милость и прощение грехов: умер в 9-й день благополучного месяца 742 года".

Почти такое же чтение дает в своей работе об этом памятнике В. В. Вельяминов-Зернов:

العادل فى الاحكام حاجى حسين بيك بن الامير الكبير عمر بيك
.... تركستانى المرحوم اللهم ارحمه رحمة واسعة واكرمه بالعفو
والمغفرة توفى الايام التاسع فى شهر المباع سنة اربعين واثنين
وسبع مايه.

ских древностей Уфимской губернии. Гробница ногайского имама Хусейн-бека. Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883; Г. Игнатович. О древних памятниках в Уфимском уезде. Сборник статистических, исторических и археологических сведений по б. Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866—67 гг. Уфа, 1868, отд. II; В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии. Тр. Вост. отд. Археолог. общ., ч. IV, 1859; М. В. Лоссиевский. Кое-что о башкирах в их прошлом и настоящем. Уфа, 1903; Али Рахим, Г. Газис. История татарской литературы, т. I, ч. 2, стр. 54—55; А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. Матер. и исслед. по археологии СССР, вып. 58, 1957, стр. 89—90; Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники...

[3] J. Georgi. Bemerkungen..., стр. 730.

[4] П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека, стр. 241.

[5] В. С. Юматов. Древние памятники..., стр. 3.

„Праведный в своих предначертаниях хаджи Хусейн-бек, сын великого эмира Омар-бека... Туркестанский.

Господи, помилуй его, великого, милостью своею и почти его оставлением всех грехов его. Скончался в 9-й день разрешенного месяца 742 г.“.[6]

Р. Г. Игнатьевым дается текст в таком переводе:[7]

„Поистине на свою ответственность, хаджа Хусейн-бек, сын Гумер-бека, скончался в 7 день месяца Мухаррема, после Магомета в 444 году, имея от роду 76 лет“.

Скорее всего Р. Г. Игнатьев заимствовал этот перевод у Г. Игнатовича, издавшего данный текст в 1868 г.[8] Перевод в этом издании гласит:

„Поистине на свою ответственность, хаджа Хусейн-бек, сын Гумер-бека из Тарсас из земли Туркестан... Господи Боже мой, не оставь его своею милостью! Хусейн-бек сын Гумер-Бека помер в 7 день месяца Мухаррема после Магомета в 444 году, имея от роду 76 лет“.

Позже текст надгробной надписи дается в книге М. В. Лоссиевского:[9]

„Да будет широко милосердие Аллаха покойному Хаджи Хусейн-беку, сыну Азмир бека, из потомков Тораса из Туркестана. О, Боже, не лишай своей милости Хусейна, сына Азмир-бека. Скончался в 10 день месяца Мухаррема 744 г. 76 лет“.

В своих кратких сообщениях о мавзолее как П. Ф. Ищериков,[10] так и Г. В. Вахрушев[11] заимствовали перевод надписи у Р. Г. Игнатьева.

При сличении приведенных текстов мы обнаруживаем значительные расхождения, в особенности в датировке надписи. Объяснить это можно лишь тем, что никто из упомянутых авторов сам не читал надпись, а некоторые даже не видели памятника. Все они были осведомлены о содержании надписи информаторами — муллами и другими лицами, — доверились их познаниям в области арабского языка или же просто копировали предшествовавших авторов. Известно, что для разбора сложной арабской вязи недостаточно только знать

---

[6] В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии, стр. 260.

[7] Р. Г. Игнатьев. Памятники доисторических древностей..., стр. 334.

[8] Г. Игнатович. О древних памятниках..., стр. 30.

[9] М. В. Лоссиевский. Кое-что о башкирах..., стр. 11.

[10] Башкирский краеведческий сборник, 1927, № 2, Уфа, стр. 72.

[11] Там же, 1926, № 1, стр. 48.

арабский язык. Информаторы-муллы хотя и владели этим языком, но особенности палеографии надписи все же ставили их в затруднительное положение. Поэтому вполне естественно, что в сообщениях этих информаторов о личности Хусейн-бека отложились и элементы легенд, имевших хождение в народе. Иначе трудно объяснить происхождение таких выражений, как „76 лет от роду" (Игнатьев) „сына Азмир-бека" (Лоссиевский), вовсе отсутствующие в надписи. Подобного рода искажением следует считать и отсутствие в тексте Р. Г. Игнатьева лякаба Хусейн-бека „Туркестани", который нетрудно прочитать даже ныне, почти через восемь десятков лет после его чтения, при сильной изношенности надписи. Сказанное подтверждает предположение, что Р. Г. Игнатьев сам не читал надпись; это видно и из его ошибочного описания памятника: „Внутри здания есть камень шириною и толщиною в 3/4 арш. и на нем арабская куфическая надпись . . .".[12]

Как известно, камень имеет размеры всего 67 см в ширину и 26 см в толщину, а надпись исполнена не почерком куфи, а сульсом. Трудно поверить, что Р. Г. Игнатьев, ученый-востоковед, не мог разобраться в характере почерка надписи, если он только сам ее видел.

Наконец, наше мнение подкрепляется и такими двумя соображениями. Имеющуюся недалеко от мавзолея группу из 6 камней Игнатьев относит к надгробиям князей Тамерлана, умерших здесь:

„Шесть надгробных камней послужили основанием кладбищу: это кладбище видно и теперь, но только на камнях нет надписей", — писал он.[13] Но, во-первых, на камнях этих надписи, рельефно исполненные, хорошо сохранились и сейчас; во-вторых, это памятники конца XVII в., а не времени Тамерлана. Заметить ныне надпись на этих камнях может любой, даже не знакомый с арабским письмом.[14] Поэтому совершенно непонятно утверждение Б. Г. Калимуллина, что Р. Г. Игнатьев в 1870 г. исследовал этот памятник;[15] нельзя считать в какой-то мере приемлемой дату памятника, данную Р. Г. Игнатьевым.

---

[12] Р. Г. Игнатьев. Памятники доисторических древностей . . ., стр. 334.

[13] Там же.

[14] См. табл. 74.

[15] Б. Г. Калимуллин. Архитектурные памятники Башкирии. Уфа, 1956, стр. 10.

В октябре 1909 г. могилу Хусейн-бека посетила группа духовенства и купечества во главе с муфтием. В сообщении об этой поездке[16] приводится текст надписи:

العادل فى الاحكام حاجى حسين
بيك بن الامير الكبير عمر بيك ترسانى
تركستانى المرحوم اللهم ارحمه
رحمة واسعة واكرمه بالعفو والمغفرة
توفى فى الايام السابع فى الشهر السابع
سنة اربع واربعين وسبعمأة

Кроме двух последних строк даты, текст в переводе означает то же, что у В. В. Вельяминова-Зернова. Последние две строки означают дату смерти: „Скончался в седьмой день седьмого месяца 744 года".

В 1911 г. текст надписи Хусейн-бека был каллиграфически дублирован на гранитную плиту, однако с неточностями. Автор его пока остается неизвестным. Плита эта ныне находится рядом с надгробием Хусейн-бека. Текст дубликата таков:

1) العادل
2) فى الاحكام حاجى
3) حسين بك من اهل ترساس تركستانى
4) المرحوم اللهم ارحمها رحمة واسعة واكرمه
5) بالعفو والمغفرة تاريخ فى اليوم التاسع
من شهر الله المبارك رابع سنه واربعين وسبمأة
6) رحمت الى المؤمن قال فاتحه

„1) Справедливый
2) в своих решениях хаджи
3) Хусейн-бек из . . . . . Тарса Туркестанский,
4) покойного боже мой помилуй милостью обширною,

[16] Журнал „Ма'лумат", № 40, Оренбург, 1909, стр. 991.

чти же его, прости своим благодеянием.
По летосчислению в седьмой день
5) благословенного богом четвертого месяца, года
в семьсот сороковом.
6) . . . . . ".

В дубликате не даются имя и титул отца Хусейн-бека, которые в подлиннике почти отбиты; однако по мелким фрагментам их можно восстановить.

Памятник этот изучался мною неоднократно. Размером он 150 × 67 × 26 см; вытесан из серого известняка и представляет прямоугольную плиту с надписью на лицевой и боковых сторонах. Внешнее оформление плиты ничем почти не выделяется, кроме рельефного обрамления по краям, образованного врезанной линией; окаймляя снизу последнюю строку надписи, эта линия образует четырехугольный выступ, равно отстоящий от краев плиты.

Подобное оформление очень характерно для булгарских надгробий XIII—XIV вв.[17] Исполненная рельефным сульсом, надпись сильно пострадала от времени и внешних воздействий. В верхней части она почти совершенно неразличима. Частично уцелевший, но очень трудный для чтения конец надписи местами приходится восстанавливать по следам отбитых букв и лигатур. Судя по длине плиты, надо полагать, что всего строк было около 15. Палеографически надгробие это идентично с булгарскими эпиграфическими памятниками I стиля конца XIII — первой половины XIV в. Характерным своеобразием этого почерка как в булгарских памятниках, так и в данном случае является образование сложной вязи при помощи соединения алифа с предшествующей или последующей лигатурой; то же самое бывает с буквой ر (*р*): например, الربعين (الربعين), لرحمه (ارحمه). После тщательного изучения нами получен следующий текст, который приводим в том виде, в каком он был в 1954 г. и в мае 1957 г.

1) العادل خى الاحكام خاجى حُ . . . . . ن
2) . . . . ر . . . ر . . ك . . رسَاس دركسَان
3) اللهم ارحمه رحمة . . . . واكرمهُ بالعفو والمغفرة

[17] Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии, см. рис. 4.

4) ر... فى الايام التاسع من شهر الله المبارک ا

5) ...بع سنه الربعس .... عماء رحمب اول مومن واسحه (?)

6) . . . . . .

Первую строку мы смело можем представить так:

العادل فى الاح كام حاجى حُسي]ن

В очень фрагментарно сохранившейся второй строке, по-видимому, мы имеем слово ترکستان. Судя по обрывкам уцелевших букв и лигатур, в начале второй строки можно допустить титул الامير الكبير, после чего, очевидно, идут остатки лигатур عمربک, означавших имя отца покойного.

Что касается слова رسّاس, то оно опущено у В. В. Вельяминова-Зернова, который предполагает здесь возможность наличия слова طرف 'страна'.[18] Сохранившееся весьма хорошо رسّاس исключает это. Несомненно мы здесь имеем остатки названия родного города или села покойного. Можно только предполагать, что это было или ترساس (Тарсас), как принято некоторыми, или же другое селение. Однако трудно допустить, что это переднеазиатский город Тарс, а не название булгарского населенного пункта.

После слова ترکستان значащуюся в приведенных текстах лигатуру المرحوم ныне невозможно прочесть.

Третья строка лучше сохранилась, кроме одного отбитого слова после лигатуры رحمة. В данном случае мы имеем часто употребляемую формулу, где слово واسعة полностью отбито.

В конце четвертой строки довольно отчетливо читается من شهر الله المبارک, поэтому все вышеприведенные варианты этой части даты памятника — в виде فى الشهر السابع, شهر المباح и др. — отпадают сами по себе. С этим выражением связано и числительное الرابع в начале пятой строки

[18] В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии, стр. 259.

(еле заметный „алиф“ его стоит в конце четвертой строки), ибо это логически напрашивается при наличии эпитета „благословенный богом месяц“, который в мусульманском календаре употребляется по отношению к месяцам рабиг-ал-авваль и рамазан. Несколько поврежденные начертания الر بعس..عماء несомненно означают (не без ошибки в написании) числительное الربعين و سبعماءة ‘семьсот сороковой’ — год смерти Хусейн-бека по хиджри, что по нашему летосчислению соответствует 1339 г. (более полная дата — в среду 15 сентября 1339 г.).

После слов, означающих дату, начертания رحمب اول‌مومن فاتحه пока остаются нам непонятными.

Шестая строка надписи полностью стерлась.

После всего этого текст эпитафии нам представляется в таком виде:

1) العادل فی‌الاح کام حاجی ح[سی]ن
2) [بک بن عمر بک...]رسّاس ترکستان[المرحوم] (?)
3) اللهم ارحمه رحمة[واسعة]واکرمهُ بالعفو والمغفرة
4) توفی فی الایام[التاسع]من شهر الله المبارک ا
5) [لرا]بع‌سنة الربعین وسبعماءةٍ[رحمب اول مومن فاتحه] (?)
6) . . . . . .

1) „Справедливый в своих решениях хаджи Х[усей]н-
2) [бек сын ʿОмар-бека...] рсасского из Туркестана,[19] [покойного],
3) боже мой помилуй милостью [обширною], чти же его своим благодеянием.
4) Скончался [девятого] дня благословенного богом месяца
5) [чет]вертого, года семьсот сорокового . . . . . (?)
6) . . . . . “

Как видно из вышесказанного, расшифровка всего текста представляется ныне невозможной. В данной эпитафии уцелели, однако, историческая часть, где говорится о личности покойника, и дата его смерти. Подобного рода конструкцию текста

[19] Ни слова من ‘из’, ни окончания ی к ترکستان и ни سی в слове رسّاس в тексте нет.

мы находим среди булгарских эпиграфических памятников I стиля конца XIII и первой половины XIV в. Обычно начинающиеся с традиционной формулы هوالحى الذى لا يموت, тексты эти в большей части состоят из эпитетов и восхвалений знатного рода покойника (табл. 4).

Нельзя не сказать несколько слов о самом мавзолее, поскольку он представляет единое целое с эпиграфическим памятником (правда, некоторые авторы склонны рассматривать их раздельно).[20]

Первоначально мавзолей, как это явствует из описания В. Юматова[21] и из упоминания Н. П. Рычкова,[22] был сходен по своей архитектуре с мавзолеем Тура-хана в с. Н. Термы Чишминского р-на.[23] В том и другом случае квадратное основание через откосы (на углах) снаружи и тромпы внутри переходит в восьмигранник, завершавшийся куполом. Мавзолей Хусейн-бека, как и мавзолей Тура-хана, был сложен из дикого неотесанного известняка. Здесь следует отметить такую особенность входа, как остатки пристройки к нему, о чем сообщают П. Павловский и В. Юматов.[24] Продолговатая и узкая форма этой пристройки (В. Юматов) не оставляет сомнения в том, что она напоминала узкий коридор с полукруглым арочным покрытием у входа в мавзолей Тура-хана; Б. Г. Калимуллин считает этот коридор порталом, хотя он и не является таковым (рис. 9).

Причисляя мавзолей к портально-купольным, этот автор неудачно связывает его с портально-купольными мавзолеями Казахстана XII—XIII вв., игнорируя почему-то архитектурные памятники, находящиеся более близко — на Булгарском городище. Характерным для последних является то, что все они сооружены из известняковых камней, а в архитектурно-конструктивном отношении построены так, что „основной куб посредством откосов снаружи и тромпов внутри превращался в восьмигранник, а последний путем удваивания сторон переходил в шестнадцатигранник и полусферический купол".[25]

---

[20] Б. Г. Калимуллин. Архитектурные памятники Башкирии, стр. 12.

[21] В. Юматов. Древние памятники. . ., стр. 3.

[22] Н. П. Рычков. Журнал или дневные записки путешествия. . ., стр. 104.

[23] Мавзолей этот в народе называется *Кāшāнā*, что несомненно образовано из тюркского *кāшāк* (В. В. Радлов) 'тлен', 'прах' и персидского *хāнā* 'дом' — 'дом праха' — усыпальница.

[24] П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека, стр. 237; В. Юматов. Древние памятники . . ., стр. 3.

[25] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 209.

Например, конструктивно к нашему памятнику очень близок мавзолей, превращенный в XVIII в. в церковь Николая, где была найдена надгробная надпись конца XIII в. Среди мавзолеев Булгарского городища, датируемых концом XIII и первой половиной XIV в., мы находим и такую конструктивную деталь, как пристройка у входа, — правда, не уцелевшая здесь полностью. Однако на примере сохранившейся такой пристройки у мавзолея Тура-хана проф. А. П. Смирнов воссоздает конструкцию булгарских мавзолеев. Так, он пишет: „Аналогичное устройство имело и дюрбе «Монастырский погреб», перед которым сохранилось основание небольшого коридора. Судя по аналогичным дюрбе с Башкирской АССР, этот коридор имел коробовое покрытие".[26] Можно ли после этого назвать еще более близкую аналогию этим памятникам? „Что касается до наружного вида памятника, — указывает В. В. Вельяминов-Зернов, — то он по своей архитектуре напоминает те тюрбе (молельни), которые булгары возводили над могилами чтимых ими мужей, которые теперь еще служат местом поклонения для набожных правоверных".[27] Наконец, он прямо допускает, что памятник этот является произведением „эпохи булгарского влияния в Заволжье", а самого покойника, опираясь на данные Шараф ад-дина Булгари, считает булгарским проповедником ислама.[28] Судя по характеру эпиграфического памятника внутри мавзолея, проф. А. П. Смирнов также связывает его с проповедью ислама булгарами.[29] В своей недавно вышедшей работе А. П. Смирнов, отмечая возможность отнесения мавзолея к булгарской архитектурной школе, датирует его XIV в.[30] Это вполне естественно в свете тогдашних судеб Башкирии, когда западная часть ее была под властью государства волжско-камских булгар.[31] Все сказанное дает основание говорить не только о булгарском влиянии в создании мавзолея, но и о том, что политически и экономически сильная Булгария, играя важную роль в экономике западной Башкирии, была и религиозным центром для нее. Из сообщения Шараф ад-дина мы знаем, что булгарские духовные школы готовили немало проповедников ислама в Башкирии, среди которых много

---

[26] Там же.

[27] В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии, стр. 281.

[28] Там же, стр. 280.

[29] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 58.

[30] А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 90.

[31] Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. 1. Уфа, 1955, стр. 32.

Рис. 9. Мавзолей Тура-хана.

было и выходцев из местного населения — башкир и мишар. Поэтому можно не сомневаться в том, что Хусейн-бек был булгарским миссионером, возглавлявшим в западной Башкирии мусульманскую духовную миссию. В силу этого, по-видимому, он и был с почестями похоронен на башкирском кладбище, в нарушение родового принципа пользования кладбищем. Этим объясняется, почему он снискал себе известность среди башкир как „святой".

Нас не должен здесь смущать его „лякаб" — фамилия „Туркестанский" — среднеазиатского происхождения. Подобного рода фамилии, указывающие на происхождение их носителей из Средней Азии и Закавказья, дает нам булгарская эпиграфика. Так, среди найденных на Булгарском городище надгробий XIII—XIV вв. мы встречаем такие фамилии, как аш-Ширвани, аш-Шемахи, аль-Дженди, Самарканди.[32]

После всего сказанного представляется самым вероятным, что означенные памятники — как мавзолей, так и плита с надписью — произведения булгарских мастеров, созданные одновременно в 1339 г.

Наконец, позволю себе остановиться на одном ошибочном положении в рассуждениях Б. Г. Калимуллина о якобы разновременности создания мавзолея и надгробной надписи, рассуждениях, исходящих из неправильного толкования даты их сооружения вообще.[33]

Приняв за первоначальный мавзолей синхронное с надписью малое надгробное сооружение, остатки которого описаны у В. Юматова, Б. Г. Калимуллин допускает, что большой мавзолей был построен позже — в XII—XIII вв. Однако трудно допустить построение мавзолея спустя продолжительное время после смерти человека, в память и честь которого он воздвигнут, при широко распространенной традиции на мусульманском Востоке[34] строить надгробные сооружения и памятники еще при жизни обладателей их (мавзолей Гур-и-Эмир и др.).

Подобного рода случаи изготовления надгробной надписи заранее, еще при жизни человека, нам известны на основе

---

[32] И. Березин. Булгар на Волге, стр. 110, 115, 124.

[33] Б. Г. Калимуллин. Архитектурные памятники Башкирии, стр. 10—11. — Здесь нельзя не отметить большое упущение Б. Г. Калимуллина: он в своей работе не воспроизвел по описанию авторов XIX в. внешний облик мавзолея Хусейн-бека, ограничившись лишь воспроизведением здания мавзолея постройки 1911 г., не имеющего для нас никакого историко-архитектурного значения.

[34] Даже у русских — приготовление колоды (гроба).

изучения татарской эпиграфики. Красноречиво об этом говорят найденные нами в Башкирии надгробия XVII и начала XIX в. в с. Кигазы Аскинского р-на и с. Старо-Баширово Чекмагушевского р-на, в надписях которых мы читаем:

اشکای اوعلی تویکیلدی بیللدنی
اوز باقتندا قویدی

„Ишкая сын Туйкильди памятник этот при жизни («в свое время») воздвиг".

اوز حیتنده حط قیلوب بعد ذماندین
صوک دار فنادین دار بقایه نقل قیلدی

(„При жизни своей написав, через некоторое время из мира тленного в мир вечности переселился").

В. Юматов следующим образом описывает это малое сооружение:

"В середине здания (мавзолея, — *Г. Ю.*) обведен стенкою из дикого камня овал шириною в 4, длиною $4^1/_2$ аршина; вышина стенки овала была, сказывают, в $2^1/_2$ аршина, теперь она развалилась не выше 3 четвертей аршина".[35] Независимо от того, насколько верно указаны размеры сооружения, оно могло быть только надгробием, подобным тем, какие вообще ставились на могиле покойника в мавзолее, — оформление самой могильной насыпи, облицовка камнем и т. п. Об ограждении здесь могилы овалом говорит и А. П. Смирнов.[36] Это малое сооружение на могиле могли сделать даже исходя из местной традиции ограждать могильную насыпь диким камнем или кирпичом в виде овала, что много раз мы наблюдали в Татарии и Башкирии. Например, об ограждении могильной насыпи кирпичом сообщается в одной старой рукописи (XVII в.),[37] где повествуется о событиях в Башкирии XV и XVI вв. и о посольстве Тäтäгача-бия к русскому царю Ивану IV.

تاریخ سکز یوز اون برده ایردی حان بیوردی
وطاروب وراب ... قبرنی کیربیچ برلا ایلهندرگهن

---

35 В. Юматов. Древние памятники. . ., стр. 3.
36 А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 90.
37 Рукопись найдена в с. Табулды Стерлибашевского р-на; находится в библиотеке БФАН СССР.

„По летосчислению в восемьсот одиннадцатом повелел хан осмотреть... Могила была обрамлена кирпичом".[38]

Подобное мы читаем и у В. В. Вельяминова-Зернова: „Овальною стенкою обыкновенно огораживается то пространство, где был похоронен покойник".[39] Павловский же ясно описывает: „Среди его (т. е. мавзолея, — *Г. Ю.*) — могила, обложенная известняковым плитняком и имеющая большое протяжение от Востока к Западу".[40] Это можно связывать и с обычаем делать на могиле насыпь из известнякового же камня, что очень характерно для татарских и башкирских кладбищ. Таким образом, нет никакой надобности строить гипотезу о двух мавзолеях, построенных в разное время. Все это — единый комплекс намогильных сооружений одного и того же времени.

Мы не рассматривали вопрос относительно боковой надписи на надгробии Хусейн-бека. На обеих сторонах плиты имеются надписи. При изучении камня на месте нам удалось зафиксировать: بو اولوم سعيد او...كار; это, очевидно, обрывки стиха (на древнетюркском языке), изданного В. Юматовым.

Из его описания мы знаем, что „на других сторонах камня написано в стихах на арабском языке нравоучение, и повторено на турецком языке"; стих 1:

„Ниляр касти аямлиг
Такима качар
Камуга бу улюм сагити ангар".

Стих 2:

„Арад дунья хараби битибари
Фелаябка мудаман билькарари.
Курярман дуньяни вайраня бары
Гамиша баки ирмяс йок карары".

Перевод первого стиха должен примерно быть таким: „Что бы ни предпринималось, чтобы избежать, однако час смерти всем придет".

Перевод второго стиха (по Али Рахиму): „Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое".

Полностью боковая надпись не разобрана, с левой стороны она сильно побита. Однако здесь мы имеем только что приведенный стих 2, распространенный в среднеазиатском су-

[38] По нашему летосчислению — 1468 г.

[39] В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии, стр. 282.

[40] П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека, стр. 238.

физме и занесенный в край еще в булгарскую пору; он имеет место и на надгробиях XVI и XVII вв.

В 1954 г. в поселке Красный Ключ, в 800 м от с. Чишмы, нами были извлечены и доставлены в ИИЯЛ, а после в Краеведческий музей обломки каменного надгробия, обнаруженного нами в 1953 г. (табл. 9).

Расколотый более или менее равномерно на 8 частей, надгробный камень этот был использован как фундамент фуражного склада.[41] По рассказам местных жителей, он был доставлен с ближайшего заброшенного кладбища, расположенного всего в 700—800 м к западу от с. Чишмы, где раньше подобных надгробий было много. На кладбище приходили поклоняться „своим дедам" крестьяне соседней дер. Илькаш (по-старому Сарт-Хасаново). Размером 200 × 64 × × 29 см, высеченное из серого известняка, надгробие на лицевой стороне имеет остатки рельефного куфического письма, сохранившегося неповрежденным лишь в верхней части — одна строка под аркой, состоящая из традиционной формулы, обычной для булгарской эпитафии конца XIII и первой половины XIV в.

Как вообще на булгарских эпитафиях II стиля, формула высечена в тимпане арки в виде декоративной эпиграфической композиции, с четко выделяющимися стволами алифов и ламов. В остальной части надпись сбита, и только по оставшимся следам можно восстановить ее, исходя из известных вариантов текста булгарских эпитафий. Палеографически надпись является типичным проявлением так называемого булгарского куфи с диакритическими знаками и со знаками чтения.

Далеко не полностью восстановленный текст ее из десяти строк гласит следующее:

1) هوالحى الذى لا يموت
2) و[كل حى سيموت ال]
3) مو[ش] آو[لِ ..... بلوي]
4) كُ[رحمة الله عليه رَحمة]
5) و[سعة دنياران سفر]طنرُ—

[41] Г. В. Юсупов. Отчет по исследованию эпиграфических памятников Чишминского района БАССР летом 1953 г., стр. 19. (Рукопись; хранится в ИИЯЛ БФАН СССР).

6) وي تاريخ . . . . . .
7) . . . . . .
8) [ا]يخ . . . . . .
9) [شوال] . . . . . .
10) . . . . . .

„1) Он живой, который не умирает,
2) и все живое умрет [Ал-
3) мӯша][42] сы[на . . . . . память]
4) ник [да будет милость бога над ним милостью]
5) об[ширною; из мира пересе]лил-
6) ся. По летосчислению . . . . . .
7) . . . . . .
8) м[есяца] . . . . . .
9) [шаввāля] . . . . . .
10) . . . . . “

В верхней части левой боковой стороны имеется мелкая надпись, выполненная врезанным куфи:

1) سُلَمُش يوَارى
2) جرِدِ كن

1) „Суламуш йувāрӣ
2) . . . . . “?

На боковых гранях имеются мистического содержания надписи на арабском языке, выполненные рельефным куфическим шрифтом. Левая сторона:
(так!) اصبر على اهوالها لا يموت الا باالاجل

„Самый терпеливый к опасностям здешней жизни — не умирает без (раньше) предельного (срока)“.
Правая сторона:

الموت ياتيك الخبر والقبر [صندوق العمل]

„Смерть (тебя) известит (о) сроке, а могила [есть сундук деяний]“. Надпись эта напоминает остаток надписей на боко-

[42] Это имя допускается предположительно на основании уцелевшей лигатуры مُو (*мӯ*).

вых сторонах одной булгарской эпитафии XIV в. из Булгарского городища (табл. 39).

В тексте надписи этого надгробия есть слова, типичные для языка булгарских эпиграфических памятников II стиля (конца XIII и первой половины XIV в.) и не встречающиеся больше нигде: اول 'сын', بلوُي كُ 'памятник', طنروي (перевод см. стр. 85), ايع 'месяц' и титульное слово يوَارى 'военный муж'.

Таким образом, судя по всему, перед нами типичный образец булгарских эпиграфических памятников II стиля конца XIII и первой половины XIV в. Из-за сильных повреждений строк определить точнее дату не представляется возможным.

В 500—600 м к западу от поселка Красный Ключ, на месте, называемом Сынташ, раньше стояли два надгробия, бывшие в недавнем прошлом объектами поклонения. От этих надгробий теперь остался лишь зафиксированный весьма искаженно текст одного из них. Текст был переписан в 1909 г. уфимским муфтием и его свитой, приехавшими сюда с целью их обследования, и опубликован в органе Мусульманского духовного собрания — журнале „Ма'лумат".[43]

1) الحم لله (Так!)
2) هوالحى الذى لا يموت
3) الحكم لله على الكبير
4) حبيب اولى مسعود
5) مرحوم .... اكى حا
6) طور زبرت كا رحمة
7) الله عليه رحمة واسعة
8) وفات تلطوت
9) تاريخ حيات حوروم
10) طر بير جال رجب اى
11) ورت كوات

[43] Журнал „Ма'лумат", 1909, № 35, Оренбург, стр. 854—855.

Приводятся и боковые надписи памятника:

اصبر على اهوالها لا يموت الا بالاجل (так!)

الموت يأتيك الخبر والقبر صندق العمل, (так!)

точно такие же, как и на только что описанном памятнике из пос. Красный Ключ.

Считая неправильно прочитанный термин تلطوت буквенным выражением даты смерти покойного (ت=400, ل=6, ط=9, و=30, ت=400, تلطوت=845), памятник датировали 845 г. хиджри, т. е. 1441—1442 гг.

Чтение это содержит массу ошибок, особенно в дате. Так, слово بلطوى 'быть', часто встречающееся на булгарских памятниках II стиля XIII—XIV вв. и указывающее на совершенное действие совместно с употреблявшимся термином وفات (так же, как и в данном случае), принято за дату в буквенном ее выражении (восьмая строка), тогда как сами булгарские числительные (جيات جور .... جال „семьсот ..... году") (девятая строка) оставлены без расшифровки. Отсюда и ошибочная датировка памятника XV в., когда подобной формы булгарские эпитафии — с ротацизмом (*жӧр* вместо *жӧз*), исполненные куфическим шрифтом, — уже не встречаются нигде. Первые три и седьмая строки текста состоят из кораничеких формул, характерных (за исключением первой из них) для многих булгарских эпитафий. Формула же الحمد لله, зафиксированная здесь неточно, встречается впервые. В четвертой строке указываются имя и отчество покойного — Хабиб сын Масгуда, звучащие, однако, довольно современно. Здесь неточно, искаженно (тоже совсем по-современному) зафиксировано и слово اولى 'сын', которое на булгарских эпитафиях, так же как и на разбираемой, пишется в виде اَولِ. Пятая и шестая строки, кроме слов مرحوم и رحمة, остаются непонятными. Однако правильность первого из этих слов сомнительна, ибо его мы никогда на булгарских эпитафиях II стиля не встречали. Девятая, десятая и одиннадцатая строки содержат

дату смерти покойника, которые, исходя из написания их на булгарских эпитафиях II стиля, вернее было бы представить:

9) تاريخ جيَاتِ جوُر و

10) طر بير جال رجب ايح

11) .... كوان[ات]

После всего сказанного перевод текста мы можем написать следующим образом:

„1) Хвала богу.
2) Он живой, который не умирает.
3) Верховный суд принадлежит богу великому.
4) Хабиба сын Масгуд,
5) покойный . . . . . .
6) . . [место его погребения] . . . да будет милость
7) бога над ним милостью обширною.
8) Умер
9) по летосчислению в семьсот трид-
10) цать первом году, раджаба месяца
11) . . . . . день [то было]".

Подобный текст с его архаизмами в языке является одним их характернейших вариантов для II стиля булгарских эпитафий конца XIII и первой половины XIV в.

Таким образом, на небольшой территории вблизи с. Чишмы имеются остатки нескольких древних кладбищ с булгарскими эпитафиями на них, идентичными тем, что имели распространение до середины XIV в. в Булгарии.

В настоящее время можно указать и на более ранние булгарские археологические памятники в Башкирии, подобные тем, какие мы видим на Волге (Кайбельский и Тарханский могильники); такими же считаются Уфимский могильник VII—VIII вв. н. э. и Левашовский могильник (VIII—IX вв. н. э.) у Стерлитамака, относимые рядом авторов к Салтовской культуре, связанной с булгарами.[44]

---

[44] А. П. Смирнов, Н. Я. Марперт. 1) Археологическая экспедиция на строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции в 1952 г. Вестн. АН СССР, 1953, № 1, стр. 61; 2) Археологические исследования Куйбышевской экспедиции. Вестн. АН СССР, 1954, № 4, стр. 65; 3) Вопросы этногенеза народов Поволжья, стр. 52—53; Р. Б. Ахмеров. Могильник близ Стерлитамака, Сов. археолог., т. XXII, 1955, стр. 156;

К числу булгарских следует отнести и Кушулевский могильник в Башкирии (Дюртюлинский р-н), найденный А. П. Шокуровым и раскопанный в 1958 г. И. Эрдейи, который датировал его IX в. Мусульманский обряд захоронения и обнаруженное в единственном числе височное кольцо с полой грушевидной вставкой позволяют датировать могильник несколько более поздним временем — X в.[45] На основании наличия на ряде городищ красной булгарской керамики и других материалов А. П. Смирнов определенно говорит о проникновении булгар в Башкирию и о большом значении их в „истории башкир золотоордынского периода".[46]

О раннем обитании в Башкирии булгар свидетельствует и наличие в языке современных мадьяр, как уже отмечалось выше, термина *belyeg* 'клеймо', 'знак', который почти в таком чтении (*бäлӱйикі*) встречается только на булгарских эпитафиях (почти на всех XIII—XIV вв.),[47] в том числе и на вышеописанном надгробии из поселка Красный Ключ у с. Чишмы (табл. 9). Можно смело сказать, что мадьяры могли обрести этот термин, только соприкасаясь с булгарами до их переселения из пределов Приуралья на Дунай. Исходя из наличия в мадьярском языке булгарских слов, Б. А. Серебренников делает предположение о раннем проникновении булгар на территорию Башкирии, так же как на территорию современной Татарии.[48] Нельзя здесь не вспомнить и то, что одна из групп башкир носит название *бӧрьян* (*бурзян*), которое, возможно, следует сопоставлять со словом بورجان. Этим словом восточные авторы называли дунайских булгар.[49]

Проф. С. И. Руденко отмечает факт проникновения в юго-западную Башкирию в VII—VIII вв. булгар, „часть которых вошла в состав башкирского народа (Бюлярский и Байлярский башкирские роды)".[50]

А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 48, 66—67; И. И. Ляпушкин. Памятники Салтово-Маяцкой культуры. Матер. и исслед. по археолог. СССР, вып. 62, 1957, стр. 148.

[45] И. Эрдейи. Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров IX—X вв. Л., 1959, стр. 13. (Автореферат канд. диссертации).

[46] А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 99, 100.

[47] Русско-венгерский словарь. Состав. Х. С. Хаас. М., 1947, стр. 127.

[48] Б. А. Серебренников. Происхождение чуваш по данным языка, стр. 44.

[49] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей. . ., стр. 13.

[50] С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, стр. 329.

Наконец, характерный для западных башкир и татар джокающий говор своим происхождением обязан, очевидно, булгарам. О раннем появлении джоканья в языке башкир говорит наличие на башкирском надгробии начала XVIII в. (в с. Чишмы Чишминского р-на) числительного جتى 'семь' наряду с башкирским ﻃﯩﺰﯨ 'тридцать'.[51] Значительную степень джоканья в языке как башкир, так и татар в северо-западной Башкирии отмечает и Л. Т. Махмутова, занимавшаяся диалектологическими исследованиями в этих частях Башкирии.[52] Все это позволяет с уверенностью говорить об обитании с древнейших времен на территории Башкирии булгар, оставивших нам культуру, пока еще очень мало исследованную.

Однако, кроме эпиграфического материала и кладбищ, сведения о поселениях древних булгар на территории нынешней Башкирии мы могли бы почерпнуть из археологических данных. Организация специальных исследований в этом направлении несомненно еще больше обогатит нас подобными материалами.

Если булгарское население на территории современной Татарии являлось предками казанских татар, а в Удмуртии, где всего-навсего существовала торговая фактория булгар, от них произошли нукратские татары, то возникает вопрос: кто наследник булгар на территории Башкирии, в кого они впоследствии исторически воплотились? В этом отношении вызывает интерес происхождение уфимских татар, которых в исторической литературе считают пришедшими из пределов Казанского ханства после присоединения его к Русскому государству. Конечно, этот факт нельзя отрицать, тем более что подтверждение ему мы находим в многочисленных эпиграфических памятниках XVII в. на западе Башкирии, как две капли воды сходных с такими же памятниками на современной территории Татарии (табл. 73, 74). Однако нет сомнения и в том, что какая-то часть уфимских татар, — кроме тептярей и пришлых мишарей, очень близких в этнокультурном отношении с казанскими татарами, — является потомками тех булгар, о памятниках которых говорилось выше. В этом свете важное значение приобретают зафиксированные нами в западных районах Башкирии так называемые „джиенные

---

[51] Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники. . ., стр. 54.

[52] Материалы экспедиции 1954—1957 гг. в районы сев.-запада Башкирии, организованной Казанским филиалом АН СССР, под руководством Л. Т. Махмутовой. (Рукопись; хранится в ИЯЛИ КФАН СССР).

округа",[53] т. е. празднование того или иного „джиена" одновременно несколькими селами, сходное в этом отношении с празднованием „джиенов" казанскими татарами (что признано пережитком их родоплеменной организации — собрания рода, племени). Если допустить, что татарское население здесь только пришлое, то никак нельзя допустить, что при их переселении — ломке их общественной связи — сохранились „джиенные округа". Это тем более трудно допустить, что переселение, надо полагать, продолжалось в течение долгого времени. Поэтому наличие в общественной жизни уфимских татар подобных же „джиенных округов", по-видимому, есть результат длительного пребывания их здесь, т. е. доказательство происхождения их от местных предков — булгар.

Говоря о языке башкир северо-западных районов БАССР, башкирский языковед Дж. Г. Киекбаев указывает на „отатаривание" их разговорного языка, обусловленное историческими причинами, в частности, длительным („в течение нескольких веков") и сильным влиянием на них татар.[54] Роль булгар в этнокультурном процессе в этой части Башкирии отмечает и проф. С. И. Руденко, подчеркнувший сильное влияние татар на башкир, приведшее даже к изменению физического облика последних.[55] Во время работы в Башкирии в 1952—1958 гг. мне приходилось несколько раз бывать в западных и северо-западных районах республики, где в процессе полевых исследований я не видел в материальной и духовной культуре башкир чего-либо типично башкирского. Почти все здесь татарское. И сами же башкиры называют себя *без теленнен язган башкорт* 'башкиры, лишившиеся языка'.[56] Эти глубокие изменения в их языке, физическом облике и быте, приведшие к исчезновению на указанной территории всего башкирского, представляют собой не только результат влияния казанских татар, переселившихся сюда несколько веков назад, но имеют более глубокие исторические корни, восходящие к булгарам в Башкирии и к их потомкам. Естественно, что башкиры, испытавшие в давнее время влияние булгар, а в последние века жившие бок о бок с поселившимися здесь казанскими татарами, неизбежно должны были отатариться, так же как часть местных финно-угров была обулгаризирована или позднее отатарена на современной территории Татарии и Чувашии.

---

[53] *Джиен* — по-татарски и по-башкирски буквально 'собрание'.

[54] Ж. Киекбаев. О башкирских диалектах. Журнал „Учитель Башкирии", 1957, № 7, Уфа, стр. 11. (На башкирском языке).

[55] С. И. Руденко. Башкиры. . ., стр. 339—340.

[56] Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники. . .

Немного о финно-уграх Башкирии и о мишарях.

Попутно с эпиграфическим материалом во время поездок по западным и северо-западным районам мною собраны и некоторые сведения историко-этнографического характера. В результате неоднократных поездок по этим районам (Кушнаренковский, Чекмагушевский, Дюртюлинский, Илишевский, Буздякский, Чишминский, Мишкинский, Байкибашевский, Аскинский, Балтачевский, Бураевский) мною обнаружено явление, аналогичное тому, какое имеет место в северо-западных и восточных районах ТАССР (Заказанье), т. е. наличие при многих селах мест, называемых „черемисскими кладбищами", а в составе населения сел — „черемисских родов" (*чирмеш нэселе*), даже „черемисских улиц" (*чирмеш очы*). Явление это безусловно не случайное. Факт этот в Татарии (в северных районах) исторически объясняется тем, что булгарское население сначала постепенно, а в XIV в. довольно интенсивно проникало на эту территорию и вытесняло марийские племена. Особенно массовое переселение с основной территории Булгарского государства — из Закамья — произошло после разгрома Булгара золотоордынским темником Булат-Тимуром в 1361 г., когда Закамье несколько запустело. Основная масса марийского населения переместилась на север, в нынешние марийские леса; часть его, оставшаяся на месте, ассимилировалась среди пришлых булгар, а впоследствии их потомков — казанских татар.

Трудно пока говорить утвердительно о происхождении „черемисских кладбищ", об этом может быть сказано только в результате проведения археологических раскопок, однако очень возможно, что мы здесь имеем следы дотюркского финно-угорского населения.

Естественно возникает вопрос: кто же оставил эти многочисленные кладбища на такой значительной территории? Если мари, то можем ли мы допустить, что с началом проникновения в эти края тюркских волн с юга они так же, как и на территории Булгарии, отходили постепенно на север и уцелели компактной массой лишь на северо-западе — в Мишкинском, Бирском и Калтасинском р-нах? Хотя историки считают, что они переселились сюда с запада в недавнем прошлом, однако очень возможно, что здесь имеется и древний пласт этого населения. В этом свете представляет интерес донесение пермского воеводы о возмутившихся „черемиссах вместе с остяками, башкирами и буинцами". В ответ на это донесение Иван IV в своей грамоте от 6 августа 1572 г. приказывает воеводе „воевать наших изменников, черемису,

остяков, вотяков, ногаев, которые нам изменили. А которые будут черемисы или остяки добры, захотят к своим товарищам приказывать, чтобы они от воров отстали и нам прямили, — таких вы не убивайте и берегите их, и мы их пожалуем...".[57] Сообщение не оставляет сомнения в том, что еще в XVI в. мари обитали где-то близко к остякам и башкирам.

Наконец, не исключена возможность, что кладбища эти тогда принадлежали ушедшим мадьярам и названы были „черемисскими" (*чирмеш зийараты*), так как для местных мусульман всякое немусульманское, языческое есть „черемисское" (*чирмеш*). Раньше широко было принято называть *чирмеш* тех, кто не соблюдал предписанных исламом обычаев, обрядов, т. е. проявил себя „неверным". Именно потому к этим кладбищам крестьяне-мусульмане водили раньше своих больных лошадей, полагая, что кони, якобы услышав из-под земли стоны мучающихся язычников, „исцеляются". Здесь кстати упомянуть о нахождении нами в 1956 г. в этих районах, а А. П. Шокуровым в нижнем течении р. Белой большого числа городищ и селищ с керамикой типа Бахмутинского могильника.

В свете всего этого приобретает интерес предположение А. В. Шмидта о принадлежности бахмутинской культуры, широко распространенной на западе и северо-западе БАССР, мадьярам, ушедшим из пределов Приуралья на Дунай.[58]

Общеизвестная этническая пестрота в указанных районах выражается не только в наличии сел с тюркским, русским и финским населением, но и в том, что самые села с преобладающим тюркским населением подчас бывают заселены (особенно в Чекмагушевском, Кушнаренковском и Илишевском р-нах) в различных вариантах несколькими этническими группами — башкирами, тептярями, мишарями и тэмэнами (*төмән*), которые все себя называют татарами. Часто бывает так, что один конец села заселен башкирами, а другой — тэмэнами и даже еще кем-либо третьим — местными мишарями или тептярями.

Группа населения, именуемая *төмән*, которую башкирские историки связывали с тюменскими татарами Сибири, на самом деле является некогда пришлым из Пензенской и Тамбовской губерний населением — темниковскими татарами — и никакого

---

[57] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. VI, стр. 310, 311; Г. Ф. Миллер. История Сибири. М.—Л., 1937, стр. 338.

[58] А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР, стр. 25, 26. Журнал „Хозяйство Башкирии", 1929, № 8—9, Уфа, стр. 15, 26.

Рис. 10. Надгробный памятник (1804 г.) князя Мусы Еникеева из с. Ст. Баширово Кушнаренковского р-на БАССР.

отношения к сибирским (тюменским) татарам не имеет. В башкирской исторической литературе они значатся как мишари, из числа которых и были служилые люди, мурзы, во время народных движений всегда выступавшие на стороне царского правительства, за что бывали наделены землями, всевозможными наградами и отличиями. В нашем эпиграфическом материале мы их встречали в лице князей и мурз Еникеевых из с. Ст. Баширово (Кушнаренковский р-н, рис. 10).

Физически крепкие, рослые, тэмэны в языковом, диалектальном отношении почти ничем не отличаются от местных татар, хотя раньше, как рассказывают старики-башкиры, язык их отличался наличием русских элементов, т. е. это был мишарский диалект. Отношения их с башкирами и местными, так называемыми мишарями, раньше были очень недружелюбны: смешанные браки между ними происходили крайне редко, порой эти натянутые отношения выливались даже в открытые столкновения.

Выше мы среди этнических групп башкир, тэмэнов, тептярей указали и так называемых местных мишарей. Что же из себя представляет эта группа населения? Сами они себя считают исконно местным населением. Говорят на татарском языке. Были в хороших отношениях с башкирами, с которыми, в противовес тэмэнам, тесно общались при помощи брачных уз, и в пору земельных неурядиц с тэмэнами всегда становились на сторону башкир. Так, в некоторых селах раньше тэмэны составляли одно общество, а мишари с башкирами — другое; каждое возглавлялось своим старостой. Погребали они своих покойников на различных кладбищах. Как выше было сказано, этнически эти мишари (مشهر طاغفسی), очевидно, были известны и в булгарское время, о чем сообщает Шараф ад-дин, указывая на факт обучения башкир и мишар в духовных школах Булгара.[59]

Таким образом, мы здесь имеем мишарей двух родов: тэмэны — мишари, пришедшие с запада, и так называемые местные — „башкирские мишари", ныне сосредоточенные в Кушнаренковском, Чекмагушевском и Илишевском р-нах. Как сообщают, раньше эти мишари от тэмэнов отличались одеждой, т. е. пестротой и обилием металлических украшений. В этом отношении представляет интерес сообщение научного сотрудника Музея народов СССР в Ленинграде Т. А. Крюковой о наличии в фондах этого музея двух различных по характеру мишарских коллекций из Башкирии: одна „более тюркская",

[59] Шараф ад-дин Булгари. История Булгарии, стр. 19.

другая „более финская". В топонимике западной Башкирии ныне мы встречаем такие названия, как Межеры, Мещерово, Можарово. Эти названия, встречающиеся, кроме того, в целом ряде мест Волжско-Камского края, по утверждению проф. С. П. Толстова, являются разновидностью одного и того же этнонима мадьяр.[60] Проблему русской мещеры он связывает с проблемой мишарей и, как пишет Т. А. Трофимова, „допускает, что татары и мещеры были одним племенем мажар, ответвлением которых являются современные мадьяры Венгрии".[61]

Теперь становится возможным предположить, что так называемые местные мишари (или башкирские мишари, если так можно их назвать) являются потомками той части мадьяр, которые остались на месте, т. е. не переселились на Дунай, и здесь подверглись отюречению и мусульманизации. Как известно, еще в XIII в. венгерский монах Юлиан, приехавший в Приуралье специально к своим соплеменникам, обнаружил, что они говорят на его родном наречии.

Возвращаясь к вопросу о булгарах в Башкирии, следует отметить, что культура их, по-видимому, отличалась от культуры волжских булгар. Правда, она еще совершенно не изучена в Башкирии. К тому же нам ничего не известно о существовании государства булгар на этой территории, ибо, по словам проф. А. П. Смирнова, „они не сумели подчинить местные племена и образовать союз племен". Это объясняется прежде всего тем, что проникновение булгар в Башкирию происходило небольшими группами.[62] Естественно, что количественно небольшое, медленное просачивание не могло способствовать компактному сосредоточению булгар в Башкирии. В силу этого они остались там распыленными, как бы вкрапленными среди других этнических групп, в частности мадьяр и башкир. Если, смешавшись с первыми, они породили особую группу вышеуказанных „башкирских мишарей" аборигенного происхождения, то, войдя в состав башкир, они образовали бюлярский и байлярский роды, сосредоточенные в нижнем течении р. Белой,[63] наподобие того, как, согласно легенде, юрматынское племя башкир происходит от мадьяр. В этом отчетливо проявляется общность культуры и языка

---

[60] Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья. М.—Л., 1949, стр. 123.

[61] Там же.

[62] А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 70.

[63] С. И. Руденко. Башкиры..., стр. 48 (см. карту родовых групп и земельных башкирских дач).

тюркского населения западной Башкирии с казанскими татарами на территории Татарии.

Так представляется нам, по очень скудным данным, судьба булгар и мадьяр в Башкирии, пока совершенно не изученная.

Само собой разумеется, что все эти, пока гипотетические, положения заслуживают пристального внимания историков, археологов, этнографов и лингвистов. Только комплексное изучение в широком плане разноплеменного населения этих районов в дальнейшем даст возможность более уверенно судить об их происхождении.

Татарские надгробия XV века

Количество памятников XV в. незначительно по сравнению с другими из хронологической лестницы нашей классификации. Качественно они резко выделяются среди остальных, т. е. памятников XIII—XIV и XVI вв. Это мы связываем исключительно с теми историческими событиями, которые во второй половине XIV и первой четверти XV в. вызвали в Булгарском государстве значительные изменения социально-экономических условий, наложившие печать оскудения и на культурную жизнь этого периода.

По своим размерам памятники XV в. несколько уступают булгарским. Особенно уменьшилась их толщина, доходящая на некоторых до 11.5 см. Среди них мы видим такие:

Толщина	Ширина	Длина
11.5 см	44 см	111 см
18 „	38 „	120 „
14 „	48 „	110 „
20 „	59 „	110 „

Несмотря на малое их число, надгробия эти очень разнообразны по форме верхнего конца, как и вообще по внешнему облику. Есть прямоугольные (табл. 52), стрельчато-арочные (54, 56) и полукруглые.

Под аркой в большинстве случаев высечена традиционная для булгарских надгробий формула:

هوالحى الذى لا يموت (табл. 54, 56).

В двух случаях (табл. 51, 52) под аркой вырезана шестиконечная звезда, так называемый „Давидов щит", такого же характера, как и на булгарском надгробии второй половины

XIV в. (табл. 44). Мотив шестиконечной звезды довольно широко представлен в материальной культуре булгар — в керамике, монетах,[1] декорировке архитектурных памятников.[2] Применение ее в архитектуре периода Казанского ханства видно из фрагмента гипсовой облицовки, найденного в Казанском кремле XV—XVI вв. (собрание Государственного музея ТАССР, № 5364-6). Характерна она и для архитектуры Средней Азии, для ее ранних памятников — резных алебастровых панелей Африасиаба, а на памятниках XIV—XV вв. — мечети Тимура-Биби-Ханым, медресе Улуг-Бека и других — она является обязательным орнаментальным компонентом.[3]

В татарском народном искусстве мотив этой звезды в различных ее трактовках характерен для вышивок.[4] Мы ее видим и во фрагменте архитектурного декора, найденном во время раскопок Казанского кремля.[5] Встречается она и на позднейших татарских надгробиях XIX и начала XX в. Этот орнамент, имеющий глубокие местные корни, заставляет вспомнить ранних соседей булгар — хазар, с которыми его связывает проф. А. П. Смирнов (керамика из раскопок Булгара в 1951 г.).

Чрезвычайно разнообразны памятники XV в. по своему бордюрному украшению. С одной стороны, здесь встречается обрамление текста надписи полоской (табл. 54), подобно тому, что мы видели на булгарских памятниках; с другой — на них появляется „виноградная лоза" (табл. 56), типичная для бордюра татарских памятников XVI в. и даже позже. Исключением является памятник из с. Ср. Аты Арского р-на ТАССР (текст 3), где основной текст надписи окаймлен рельефно высеченной арабской вязью; это несколько напоминает надгробия из мавзолея Тимура „Гур-и-Эмир",[6] а также надгробия начала XIX в. с кладбища г. Балаханы Азербайджанской ССР.[7] Это пока единственный в своем роде памятник в бул-

[1] А. Б. Булатов. Альменский клад XIII века. (Рукопись).

[2] Казанский музейный вестник. 1920, № 5—6, стр. 65; Отчет о раскопках в Болгарах в июле 1914 г. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXIX, 1914, вып. 5—6, стр. 207, табл. III.

[3] И. А. Сухарев. Два блюда XVI в. из Самарканда. Тр. Инст. ист. и археолог. АН Узб. ССР, т. I, 1948, стр. 60.

[4] П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент, табл. 14.

[5] Н. Ф. Калинин. Раскопки в Казанском кремле в 1953 г. Изв. КФАН СССР, вып. 1, сер. гуман. наук, 1955, стр. 118.

[6] А. А. Семенов. Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур-и Эмире. Эпигр. Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 49—62, рис. 1 и 2; III, М.—Л., 1949, стр. 45—54, рис. 1, 2, 5.

[7] Фототека отдела Востока Гос. Эрмитажа; азербайджанские снимки №№ 7536, 7537.

гаро-татарской эпиграфике. Имеются памятники также и без бордюрного украшения (табл. 51, 52). Остановимся подробней на некоторых бордюрных орнаментах: ячеистом орнаменте, состоящем из треугольников и ромбов (табл. 53), джуте — тройном плетении (рис. 11) — и двойном плетении.

Ячеистый орнамент на памятниках из с. Тат. Ходяшево Пестречинского р-на представляет собой полосу шириной 5—6 см, составленную из треугольников, обращенных друг к другу вершинами; между ними помещены ромбики, стороны которых равны сторонам треугольников. Они тянутся цепочкой, заполняя промежутки между треугольниками. Почти такой же орнамент мы обнаруживаем на художественно сотканных татарских полотенцах.[8] Этот характерный для татарского искусства узор имеет древнее происхождение. Орнамент из треугольников зафиксирован нами на надгробии XVI в. (табл. 59) с того же кладбища с. Тат. Ходяшево. Кстати, скажем пару слов об этом надгробии, несколько забегая вперед. Вариант этот представляет собой зигзагообразную рельефную полосу на бордюре памятника, шириной в три сантиметра, образованную двумя рядами врезанных равносторонних треугольников.

Довольно древний аналог к этому мотиву — „елочный" орнамент — мы видим на браслете бронзовой эпохи из музея Академии наук Узбекской ССР. М. Э. Воронец, описавший браслеты этой эпохи, подобный орнамент считает „обычным, очень распространенным в среднюю пору бронзовой эпохи в степных культурах юго-восточной Европы, Западной Сибири, Казахстана и северной части Средней Азии".[9]

Довольно близким вариантом описанного нами узора из треугольников является подобный треугольный орнамент, но с ломаной линией, идущей посередине зигзагообразной полоски. Мотив этот известен на античных памятниках Хорезма (статуэтки архаического стиля из городища с жилыми стенами — Джанбас-кала и Беркут-кала), относящихся к середине I тысячелетия до н. э.[10] Этот же мотив украшает венчик глиняного сосуда из Кескен-куюк-кала — из комплекса так называемых „болотных городищ" северо-восточного Хорезма, со-

---

[8] Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930, стр. 280, рис. 51.

[9] М. Э. Воронец. Браслеты бронзовой эпохи музея Академии наук Узб. ССР. Тр. Инст. ист. и археолог. АН Узб. ССР. т. I, Ташкент, 1948, стр. 65.

[10] С. П. Толстов. 1) По следам древнехорезмийской культуры, стр. 92; 2) Древний Хорезм, табл. 72, рис. 6, 8.

Рис. 11. Орнамент бордюра памятника (XV в.?) из с. Ср. Аты Арского р-на ТАССР.

зданных в середине I тысячелетия н. э. „народом, по происхождению тесно связанным с сармато-аланскими и массагетскими племенами".[11] В культуре средневекового Хорезма этот орнамент известен из фрагментов штуковой облицовки дворца городища Кават-кала (XII—XIII вв.).[12] Ныне он характерен для народного искусства казахов.[13]

Такой же орнамент был обнаружен на сфероконусе, найденном в 1898 г. в Булгаре (хранится в Государственном музее ТАССР, № 2316), на боевом топоре из коллекции Заусайлова и др. Проф. А. П. Смирнов отмечает типичность этого мотива для края: „орнамент, имеющийся часто на вещах местного производства в Булгарах и в Закамье в эпоху X—XI вв. н. э.".[14]

Сюжет этого треугольного орнамента является характерным и для русского прикладного искусства. В частности, об этом орнаменте проф. А. В. Арциховский пишет: „Такой узор в разные времена находил разное применение. Он известен на медных вятических курганных решетчатых перстнях XII—XIV вв., на каменных стенах новгородских церквей XIV—XV вв. и т. д. Доныне он применяется на деревянных кустарных изделиях. На русских надгробных памятниках он господствует в первой половине XVI века".[15]

Из всего сказанного, по-видимому, становятся ясными древнейшие корни этого орнамента, а быть может даже пути его распространения, обусловленные тесными культурно-экономическими отношениями булгар с Хорезмом, с одной стороны, и Древней Русью, с другой, как в домонгольский период, так и после него.

Бордюрный орнамент в виде тройной плетенки (надгробие из с. Ср. Аты Арского р-на, см. рис. 11) встречается также и в булгарской архитектуре. Вариант его, усложненный вписанием в это плетение трилистников, имеется на фрагменте облицовки „Четыреугольника" (XIV в., собрание Государственного музея ТАССР).[16] Мотив этот, характерный для декора-

[11] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской культуры, стр. 210, 213.

[12] С. П. Толстов. 1) Древний Хорезм, стр. 163, табл. 67, рис. 2; 2) По следам древнехорезмийской культуры, стр. 279.

[13] Казахский народный орнамент. М., 1939, табл. VI, рис. 15.

[14] А. П. Смирнов. Очерки по истории древних булгар. Тр. Гос. истор. музея, М., 1940, вып. 9, стр. 99.

[15] А. В. Арциховский. Надписи, найденные на метрострое. Сб. „По трассе первой очереди Московского метрополитена", М., 1936, стр. 160.

[16] Казанский музейный вестник, 1920, № 5—6, Казань, стр. 44; П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент, стр. 6.

тивного убранства многих архитектурных памятников Средней Азии, типичен и для славянского искусства — болгарского (XI в.),[17] русского и др. Например, близок к нему орнамент на остатках богатой русской женской одежды из Владимирского кургана (XI—XII вв.),[18] а позже на заставке Шестиднева XV—XVI вв.[19] Двойная плетенка на бордюре надгробия из сел. Тат. Азелей Нурлатского р-на и Урывкино Пестречинского р-на (табл. 55) также имеет аналоги в булгарском прикладном искусстве. Мотивы ее в русском искусстве мы видим на заставке Апостола XIII в.,[20] где представлены всевозможные варианты плетенок.

Надпись на боковой стенке обнаруживается только на одном надгробии XV в. Из-за плохой сохранности содержание этой надписи остается неизвестным. По-видимому, это традиционная формула, что видно из еле заметных слов — لموت باب وكل الناس..... 'Смерть есть врата и все люди...'.

В палеографическом отношении надписи XV в. в значительной степени уступают булгарским. Здесь мы, так же как в отношении орнаментации и форм памятников, отмечаем разнообразие в стиле почерка их. Следует подчеркнуть, однако, что наряду с различными не каллиграфическими, подчас скорописного типа, почерками (табл. 51, 52, 53, 55) мы находим близкий аналог рельефного почерка булгарских надгробий I стиля (на памятнике из городища Иски-Казан, табл. 54),[21] что несомненно является отзвуком, пережиточным элементом булгарской эпиграфики XIII—XIV вв. Среди немногих таких памятников легко найти также рельефный почерк (табл. 56) — прототип рельефного сульса, как принято в краеведческой литературе его называть, типичного для стильных надгробий XVI—XVII вв. К этому же типу относится почерк памятника, датированного 1481—1482 гг., из с. Тат. Азелей Нурлатского р-на, фотография которого не помещена по техническим причинам.

Чтобы получить представление о языке памятников XV в., рассмотрим несколько текстов.

---

[17] В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887, табл. III, *3*, IX, *14*.

[18] История культуры Древней Руси, т. I, М.—Л., 1951, стр. 236, рис. 148.

[19] В. Стасов. Славянский и восточный орнамент, табл. XCII, *15*.

[20] История культуры Древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 385, рис. 182.

[21] Вообще памятник этот и по своему внешнему виду очень напоминает булгарское надгробие I стиля.

Текст надгробия из села Б. Нырсы Тюлячинского р-на, размером 19×50×110 см, исполненного простым скорописным почерком, см. в табл. 52. Формула ... ذائقة كل نفس الموت (Коран, сура XXIX, стих 57), часто встречающаяся на булгарских плитах, характерна, очевидно, и для памятников Средней Азии. Так, она зафиксирована на надгробии Субук-Тегина (XI в.).[22]

Приведем текст надгробия из с. Тат. Азелей Нурлатского р-на, размером 11.5×44×111 см, исполненного рельефным шрифтом.[23] Дата — 1481—1482 г.

1) .... لا يموت
2) قال الله .....
3) . . . . . .
4) .... رن تاريخ سكيز يوز
5) سكسان التى‌دا چورا
6) اوعلى دولك نور فانى
7) سراى دين بقا دارنى مقام اتى
8) ربيع اول .....

„1) . . . . . не умирают,
2) сказал бог
3) . . . . . .
4) . . . . по летосчислению в восемьсот
5) восемьдесят шестом. Чӯрā, (его)
6) сын Дäулек-Нӯр из временного
7) дворца в мир вечности переселился
8) в месяц раби'-I".

Довольно часто встречающееся в документах и летописях, особенно в XVI—XVII вв., имя Чӯрā или Кол-Чӯрā является древнейшим тюркским именем, восходящим к орхонским надписям.[24]

---

[22] S. Flury. Le tombeau di Subuktegin. Syria, VI, Paris, 1925, стр. 63.

[23] К. Насыри. Неизданные произведения, Казань, 1926, стр. 34. (На татарском языке).

[24] А. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв., стр. 132, 134.

Текст обломка памятника из с. Тат. Ходяшево Пестречинского р-на, размером 13.5×65×70 см, исполненного врезанным шрифтом, см. в табл. 53.

Слова текста в обломленной части надписи вставлены предположительно, исходя из смысла последующих слов, что не учтено в чтении, данном Ш. Марджани,[25] по ошибочно списанному для него другим лицом тексту. Так, в пятой строке после имени покойного توكل[26] логически напрашивается اوعلى 'сын', или скорее из-за ограниченности места بن, также не чуждое для булгаро-татарских надгробий (см. памятник XV в. из с. Б. Нырсы, табл. 51), в особенности для духовенства. Слово سوعا (буквально „в воду") в шестой строке диктуется, когда речь идет о смерти, выражением توشوب со смыслом „утонув", хотя буквально оно означает „спустившись". Возраст покойного, кажется, вполне позволяет считать его смерть результатом трагического случая.

Текст памятника из городища Иски-Казан, размером 14×48×110 см, см. в табл. 54.[27]

Текст надгробия из с. Урывкино Пестречинского р-на размером 17×80×82 см, исполненного врезанным шрифтом, см. в табл. 55.

Здесь нет надобности долго останавливаться на языке этих памятников. Из приведенных текстов становится ясным, что язык всех эпитафий XV в. близок к современному татарскому языку, с одной стороны, и восходит исторически к новобулгарскому языку, прослеживаемому на памятниках I стиля, — с другой. Он почти идентичен с языком литературных памятников XVI в. „Нӯр-и-Ṣōдӯр" и „Тöхфä-и-Мäрдäн". Так, имеющаяся в двух наших текстах форма داني سراى دين характерна для литературных памятников как XIV, так и XVI в.

Из встречаемых титулов اعا, مولا, شيخ, درويش, بكاج видна принадлежность этих надгробий феодальной знати.

---

[25] Ш. Марджани. Мустāфāд ал-ахбāр фӣ ахвāли Кāзāн вə Булгāр, т. 1, стр. 27.

[26] Это имя часто встречается на татарских надгробиях (К. Насыри. Неизданные произведения, стр. 43), а также в литературных памятниках (Дастан Акъсак-Тимур; приводится по: С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 434).

[27] Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 157.

За исключением двух — مولا, درويش — они фигурируют у нас и на булгарских эпитафиях. Титулы эти говорят о значительном удельном весе духовенства в социальной жизни Казанского ханства, следовательно и о сильном религиозном гнете над массами.

Несмотря на знатность происхождения некоторых покойников, памятники XV в., как указано было выше, довольно примитивны по сравнению с пышными надгробиями булгарской и татарской знати, высеченными строго в стиле своего времени (соответственно в XIV и XVI вв.). Это, очевидно, объясняется причинами социального порядка, а именно некоторой феодальной раздробленностью в начальный период существования Казанского ханства,[28] после распада Булгарского государства, который сопровождался перемещением основного ядра булгарского населения из Закамья в Заказанье. Здесь ныне сосредоточено преобладающее число надгробий XV—XVII вв.; кроме того, в районах севера татарского Предволжья также осела некоторая часть булгарского населения из Закамья.[29]

Из особенностей конструкции текста надгробий XV в. следует отметить наличие в конце выражения دار فنادين دار بقاحا رحلت فيلدى и исчезновение традиционной для II стиля булгарских надгробий формулы رحمة الله عليه [عليها] واسعة; однако и то и другое выражения имеют место на надгробиях XIX в.

По сравнению с памятниками, приведенными в табл. 51, 52, относящимися к начальному периоду Казанского ханства, надгробие, которое мы видим на табл. 56, отличается некоторым улучшением стиля; на подобных памятниках уже появляются украшение бордюра, разделение строк надписей рельефными линиями, новый тип рельефного шрифта и конструкция текста с „аятами" и „хадисами", характерными для стиля памятников XVI в. Однако все еще пережиточно бытуют и врезанный шрифт, и „булгарский рельефный сульс", и заполнение тимпана формулой هوالحى الذى لا يموت, характерной для булгарских надгробий.

Таким образом, среди разного типа надгробий XV в. (разнотипность эта — следствие феодальной раздробленности

---

[28] История Татарской АССР, т. I. Казань, 1955, стр. 122.
[29] Там же, стр. 96.

Казанского ханства в данный период), при наличии пережиточных типологических элементов булгарской эпиграфики XIII—XIV вв., мы обнаруживаем много новых черт, говорящих о формировании на рубеже XV—XVI вв. другого стиля надгробных памятников. В этом отношении, вопреки отрицанию Али Рахимом преемственной связи булгарской и татарской эпиграфики,[30] из приведенного материала становится вполне ясным, что надгробия XV в. сыграли связующую роль при выработке на булгарской основе значительно лучше оформленных (как мы увидим далее) эпиграфических памятников периода расцвета феодальных отношений в Казанском ханстве, которое, в свою очередь, также возникло из недр Булгарского государства, распавшегося на рубеже XIV—XV вв.[31]

Отрицание преемственной связи булгарской и татарской эпиграфики в некоторой степени, возможно, было связано и с тем, что из татарских надгробий XV в. в то время было известно только одно, конца XV в. из городища Иски-Казан. Тем не менее концепция эта была только на руку некоторым историкам буржуазно-националистического толка, пытавшихся истолковать историю Казанского ханства в отрыве от истории Булгарского государства.

Татарские надгробия первой половины XVI века

С середины XV до середины XVI в., т. е. до момента подчинения его Русскому государству, Казанское ханство существует как феодальное государство, находившееся в тесных политико-экономических отношениях с Москвой. Этот период для него характерен расцветом феодальных отношений на почве усиления феодального гнета и роста производительных сил. К этому периоду относится большая однородность в стиле надгробий (особенно в первой половине XVI в.) — выработался единый, устойчивый тип пышно оформленных намогильных плит.

Чтобы иметь представление о размере этих последних, приведем несколько примеров:

---

[30] Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 148.

[31] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 417.

Толщина	Ширина	Длина
17 см	49 см	110 см
20 „	45 „	110 „
25 „	50 „	128 „
22 „	55 „	137 „
30 „	49 „	145 „
25 „	60 „	215 „

Таким образом, за исключением последнего примера, мы не видим сильного колебания в размерах надгробий.

В верхней части для этих надгробий в значительной мере характерна стрельчатая арка (табл. 58, 63, 65), но встречается и ярко выраженная килевидная (табл. 66). Пережиточно сохранилась и полукруглая арка (табл. 59).

В тимпане стрельчатой арки почти во всех памятниках, за исключением некоторых, где пережиточно все еще имеет место формула هوالحى الذى لا يموت (табл. 58, 59), мы видим один и тот же растительный орнаментальный мотив, встречающийся в двух вариантах, мало отличных друг от друга (табл. 62, 63 и др.). Это затейливое плетение, состоящее из сочетаний листьев и цветов-розеток (характернейший композиционный стиль в татарском народном орнаменте), завершается трилистником-тюльпаном; в центре — розетка, по обе стороны ее — продолговатые стилизованные листья, которые сходятся концами, образуя овал (рис. 12). Мы не сомневаемся, что этот широко распространенный на надгробиях орнамент составлял неотъемлемую часть архитектурной декорировки времен Казанского ханства.[1] Композиция этого „затейливого узора" встречается и в вышивках татарских женщин.[2] Из булгарских вещей мы видим его на фрагментах архитектурных деталей (собрание Государственного музея ТАССР) и др. На декоративном топорике с серебряной насечкой[3] также наблюдается близкий к этому орнаменту мотив. Описываемые нами надгробия очень напоминают подобного же типа намогильный памятник с указанным орнаментальным мотивом из Кала-Корейш (Дагестан).[4]

Широкое применение этот сюжет находит в среднеазиатской и азербайджанской архитектуре средневековья, например в мавзолеях Мазлум-Сулу (Миздакхан),[5] Хусамутдина

---

[1] Выставка культуры народов Востока. Казань, 1920, стр. 19.
[2] П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент, табл. 12, 15.
[3] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 112, табл. III, рис. 13.
[4] А. С. Башкиров. Искусство Дагестана, табл. 33.
[5] Фотоархив ЛОИИМК, № II-13604.

(Сыгнак, Казахстан),[6] Туркан-Ака (Самарканд),[7] Пир-Хусейна (Азербайджан),[8] в облицовке медресе Улуг-Бека (XV в., Самарканд).[9] Аналогичный же мотив украшает тимпаны многих люстровых михрабов-надгробий,[10] из архитектоники которых вообще много типологических черт имеется на наших булгаро-татарских намогильных памятниках. Следует отметить довольно своеобразную и значительно лучшую трактовку

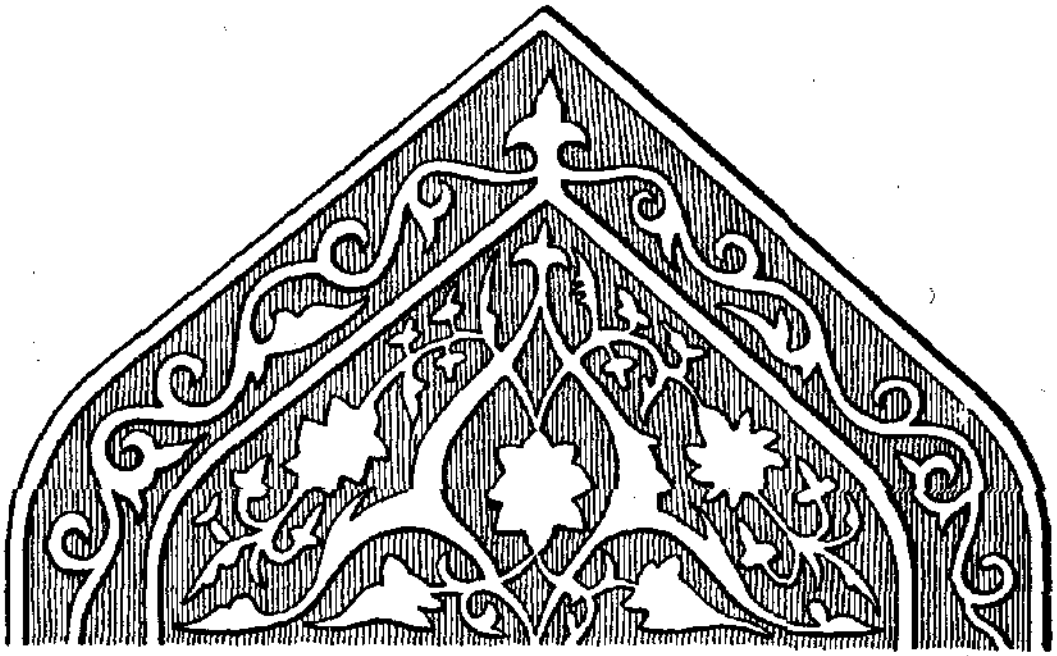

Рис. 12. Типичный орнамент в тимпане арки надгробия XVI в.

этого сюжета на упомянутых надгробиях по сравнению с вышеприведенными случаями. Так, проф. А. П. Смирнов пишет: „Растительный орнамент на круглых и фигурных бляхах повторяет трактовку аналогичных восточных сюжетов, хотя нужно отметить, что булгарские поделки отличаются не только более низким качеством работы, но и своеобразной передачей заимствованных тем".[11] Нельзя здесь не отметить более позднее появление элементов этого сюжета и в русском прикладном искусстве, например на белокаменных рез-

---

[6] Там же, № II-23512.

[7] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 84, рис. 58.

[8] В. А. Крачковская. Изразцы мавзолея Пир-Хусейна. Тбилиси, 1946, табл. XXIX, рис. 2.

[9] Фотоархив Музея восточных культур в Москве (по списку № 250).

[10] В. А. Крачковская. Изразцовый люстровый михраб Эрмитажа. Сб. „Иран", т. 1, Л., 1927, стр. 74.

[11] А. П. Смирнов. Очерк по истории древних булгар, стр. 102,

ных подоконниках теремного дворца в Москве (XVII в.),[12] в иконах XVII в.[13] и др.

Для стиля надгробий первой половины XVI в. характерно наличие орнамента на бордюре в виде растительного побега так называемой „виноградной лозы" (табл. 62, 63 и др.) или из ряда мелких трилистников-тюльпанчиков. Иногда эти мотивы в виде орнаментальной полоски мы видим между тимпаном и текстом надписей (табл. 66, 68). Нет надобности долго останавливаться на аналогах этого повсеместно распространенного орнамента „виноградной лозы", или „ислими", как его называют в Средней Азии. Мотивы его в различных вариантах общеизвестны с древнейших времен в искусстве многих народов Евразии — Передней Азии, Китая, Средней Азии, славян, Кавказа и др. Он имеет место, как указано выше, и на булгарских надгробиях и других памятниках этого времени.[14] Представляющий собою, как отмечает П. М. Дульский, „спиралевидные завитки растительного характера, бегущие непрерывной каймой по всему краю и увенчанные в верхней своей части в средине плиты цветком тюльпана",[15] орнамент этот на рассматриваемых памятниках встречается в различных вариантах. Нужно признать, что сюжет „виноградной лозы" на ранних надгробиях (XIII—XIV вв.), а также в XV в. дается более реалистично и сочно (табл. 7, 10, 56), в некоторых же случаях со значительной стилизацией (табл. 4).

Другой вариант бордюрного украшения — это кайма, состоящая из непрерывного ряда мелких трилистников-тюльпанчиков. Вот описание, данное Н. Ф. Калининым: „Это стилизованное изображение цветка (тюльпана, колокольчика, лилии и т. п.) или листа растения, обыкновенно трехчастной формы. Средняя часть — овальный или килевидно заостряющийся лепесток; на боках — два симметрично расположенных лепестка с заостренными концами, изгибающимися то кверху, то книзу".[16] Часто такой большого размера тюльпан бывает высечен на обратной стороне памятника или же на лицевой стороне детских надгробий.

Этот вид орнамента, весьма распространенный на Востоке, характерен и для архитектурного декора Золотой Орды.[17]

[12] И. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948, стр. 58, рис. 28.
[13] Орнаменты древнерусского искусства, вып. III. Изд. К. П. Сырейщикова и Д. К. Тренева, М., 1916, табл. XIII, рис. 93.
[14] Н. Ф. Калинин. Булгарское искусство в металле, стр. 8.
[15] П. Дульский. Несколько слов..., стр. 23.
[16] Н. Ф. Калинин. Булгарское искусство в металле, стр. 8.
[17] П. Дульский. Несколько слов..., стр. 25.

Почти идентичный нашей бордюрной кайме из мелких трилистников-тюльпанчиков „многолопастноарочный орнамент" мы обнаруживаем на произведениях искусства Азербайджана, Дагестана,[18] Средней Азии, — например, на портале мавзолея Туглу-Текина (XIV в.) из Шах-и-Зинда,[19] в орнаментации трона бухарского эмира,[20] на мусульманских миниатюрах.[21]

Отмечая широкое применение этого узора в древнерусском прикладном искусстве, проф. А. П. Смирнов наличие его у булгар склонен отнести за счет влияния Руси.[22] Проф.Н. И. Воробьев, считая растительный орнамент у казанских татар ныне преобладающей формой, связывает его с булгарским наследием. „Растительный орнамент в виде волнистой линии с завитками, — пишет он, — а также с тюльпанами и розеткой в виде ромашки широко распространен на могильных камнях, начиная с наиболее древних и кончая XVII—XVIII вв. Все это говорит, с одной стороны, о непосредственной преемственности татарского орнамента от древнеместных форм, а с другой — о наличии очень старых степных традиций".[23]

Характерная черта надгробий XVI в. — это надпись на боковых сторонах, состоящая из известного стиха, обычно помещаемого в рамочке на двух сторонах на арабском и татарском языках.

ارض الدنيا حربا بعتبارى
فلا يبقى مداما بالقرارى
كوره‌رمن دنيانى ويران بارى
همیشه باقى ايرمسى يوق قرارى

„Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое".[24]

---

[18] А. С. Башкиров. Искусство Дагестана, табл. 65.
[19] Б. Деникe. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 155, рис. 147.
[20] Альбом „Древний Термез" (в фондах Музея восточных культур в Москве, № 2814-II-772).
[21] Б. Деникe. Искусство Востока. Казань, 1923, табл. 1.
[22] А. П. Смирнов. Русский элемент в культуре волжских булгар. Ист. археолог. сборник Научно-исслед. инст. краеведч. и муз. работы, М., 1948, стр. 108.
[23] Н. И. Воробьев. Происхождение казанских татар. . ., стр. 75.
[24] Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 151.

Этот мистического характера стих (табл. 69), имевший место и на булгарских эпитафиях (см. стр. 124), впоследствии прослеживается и на памятниках второй половины XVII в. как на территории Татарии, так и Башкирии.

На обратной стороне памятника надпись носит характер штампа-клейма лица, установившего данный памятник, т. е. родственника покойника — жены, сына, брата и др., причем штамп этот нередко бывает увенчан довольно большого размера тюльпаном-трилистником (табл. 67). Часто рельефная надпись эта помещается в разделенном горизонтально пополам круге, вписанном в ромб, который в свою очередь вписан в резной прямоугольник; все пространство вне круга заполнено резным стилизованным растительным орнаментом. Иногда надпись в виде полоски занимает центральную часть круга. Аналогичный штамп бывает и на поздних татарских надгробиях, например на казанском кладбище. Иногда рельефный орнамент носит форму сетки с наложенными на нее рельефными кругами. Мотив этого последнего варианта очень напоминает орнамент облицовки карниза мавзолея Неджм-эд-дина Кубра (XIV в., Куня-Ургенч).[25] Аналог нашим штампам имеется на надгробии кладбища Кырклар в Дербенте.[26]

Редкий вариант орнаментации обратной стороны памятника видим на плите из с. Ср. Аты Арского р-на (рис. 13), где выразительно высеченная рельефная шестилепестковая розетка вписана в круг, помещенный в квадрате. Подобный случай украшения обратной стороны розеткой мы имеем также и на булгарском надгробии из с. Тат. Азелей Нурлатского р-на (рис. 7).

В палеографическом отношении на этих памятниках мы наблюдаем некоторое обновление почерка, начавшееся, как мы указали выше, еще с конца XV в. Своеобразный рельефный почерк сульс булгарских надгробий I стиля сменяется более стройным рельефным шрифтом, который также нельзя назвать выдержанным в нормах какого-либо одного письма. Наряду с элементами насха в нем есть и черты сульса. В целом изменение это скорее, по-видимому, связано с общей эволюцией арабского письма в мусульманских странах и поздним его отражением в пределах далекого Среднего Поволжья. Так, в качестве аналога этого почерка можно указать надпись XIV в. с кладбища Кырклар в Дербенте,[27] строительную

---

[25] Фотоархив ЛОИИМК, № А-9608.
[26] Б. А. Дорн. Атлас к путешествию. СПб., 1895, табл. III, 2.
[27] Там же, табл. II.

Рис. 13. Орнамент на обратной стороне памятника XVI в. из с. Ср. Аты Арского р-на ТАССР.

надпись на архитектурном памятнике в Баку (XIV в.),[28] надгробную надпись в мавзолее Тимура „Гур-и-Эмир“ [29] и др.

Очень характерно для некоторых наших памятников постепенное уменьшение шрифта в размере (на одном и том же памятнике) к концу текста.

В большинстве случаев шрифт надписей — невысокие рельефные знаки, которые, накладываясь друг на друга, составляют иногда сложную арабскую вязь. Однако встречается и шрифт с некоторым удлинением стволов (при значительной толщине), напоминающий в некоторой степени строительные надписи Средней Азии. Наряду с господством рельефного шрифта все еще наблюдается и наличие пережиточно бытующего врезанного шрифта. Это мы видим на памятнике из с. Ямашурма Высокогорского р-на ТАССР, где чрезвычайно мелко и примитивно процарапанная надпись трудно поддается чтению. К тому же памятник по своему простому оформлению резко отличается от остальных плит этого времени и дает право предполагать малосостоятельность его обладателя. Своеобразен врезанный почерк памятника из с. Ниж. Верески (табл. 64). Среди этих надписей несколько выделяется почерком рельефная надпись на памятнике из с. Чемерцы Арского р-на ТАССР, которая отчасти напоминает криво высеченными стволами букв почерк булгарских надписей I стиля.

Для ознакомления с языком надгробий первой половины XVI в. характерны тексты надгробия из с. Епанчино Лаишевского р-на (табл. 60), из с. Молвино Нурлатского р-на, размером 20 × 50 × 115 см (табл. 62), из с. Чемерцы Арского р-на, размером 21 × 45 × 140 см (текст 6), из с. Чемерцы Арского р-на, размером 20 × 45 × 130 см (текст 5) и из с. Ниж. Метески Арского р-на ТАССР, размером 22 × 55 × × 137 см (текст 8).

Язык этих памятников с его архаизмами вроде توحوز вместо توقوز (табл. 60) не отличается от языка литературных памятников первой половины XVI в. (ярлык Сахиб-Гирея, „Нӯр-и-Сӧдӯр“ и „Тӧхфӓ-и-Мӓрдӓн“) и очень немногим отличается от современного татарского языка. Например, в фонетическом отношении резко бросается в глаза преобладание глухих т вместо д (تورت вместо دورت), ق вместо ع (توقوز вместо توعز) и др.

---

[28] Фотоархив ЛОИИМК, № 1-1421.

[29] А. А. Семенов. Надписи на надгробиях. . ., Эпигр. Востока, II, стр. 49—62, рис. 1 и 2; III, стр. 45—54, рис. 1, 2, 5.

В тексте большое место занимают „аяты" и „хадисы". Впрочем, они не чужды и булгарской эпиграфике: хотя мы их не видели на надгробиях, однако хадис فجعلها الدنيا ساعة طاعة имеет место на булгарских монетах.[30]

На некоторых памятниках в дате дается год тюркского животного циклического календаря (يلقى يلى ايردى 'в год лошади то было'). На булгарских памятниках мы не видели этого явления. Казанские татары хотя и не пользуются этим циклическим календарем, но он все же широко известен среди них, например в Заказанье и у нукратских татар.

Среди отмеченной титулатуры имеются следующие: سلطان العالى 'высокий султа̄н', مورزا 'мӯрза̄', شيخ 'шайх̣', اوستاذ 'высший духовный учитель', اق‌سيد 'светлейший сайид', حواجه 'ходжа', درويش 'дервӣш', ملا 'мулла̄', حافظ 'хафиз̣', بى 'бӣ', 'бек' (и женский род بيكاچ, بكا 'бикӓ', 'бӣка̄ч̣'), ملك 'мӓлик'.

Духовенство, как мы видели и на камнях XV в., занимает значительное место. Султаны, мурзы — надо полагать, люди, принадлежащие к правящей феодальной верхушке. Эпитет اق (*ак̣* 'белый') дважды встречается при титуле сайид и однажды с бикӓч — اق سيد, اق بيكاچ (ак̣-сайид, ак̣-бӣкӓч). Известно сочетание этого эпитета *ак̣* и с личными именами, очевидно принадлежащими представителям феодальной аристократии — اق چورا (Ак̣-Чӯра̄), اق بولاد (Ак̣-Бӯла̄д), т. е. тому же сословию اق‌سويك (*ак-сӧйӓк* 'белая кость').

В разделе языка булгарских надгробий II стиля мы приводили пример ротацизма в марийском языке в заимствованном от булгар слове (с его оканьем) *ояр — оӹар* 'ясный', фонетически переходный вариант которого *аяз — айаз* (*р* || *з*) ныне бытует в языке татар в смысле „ясный". Известно наличие этого эпитета при титулах у орхонских тюрок — *Ojar bäglari* 'уважаемые беги', *Ojar qadač* 'знаменитые товарищи'.[31] Все значения этого эпитета — „уважаемый", „знаменитый", „ясный" — могут считаться синонимами вышеуказанного эпитета „белый" — „светлейший", „ясновельможный". Но вернее

---

[30] Выставка культуры народов Востока. Казань, 1920, стр. 25.

[31] А. Бернштам. Социально-экономический строй орхонских тюрок VI—VIII вв., стр. 110.

всего будет титул *ақ* (اق) понимать как „великий"; в этом смысле он употреблялся у древних тюрок, из чего исходит и *ага* (اعا 'старший'; имеет место как на булгарских, так и на надгробиях позднего времени).

На двух памятниках села Чемерцы Арского р-на упоминаются имена и титулы двух знатных духовных лиц.

مرعلى اق سيد اوعلى على مردان اق سيد يكرمى التى ياشندا

'Мир-'Али ақ-сайида сын 'Али-Мардан ақ-сайид двадцати шести лет . . . . . '; в данном случае не возникает сомнения, что اق‌سيد 'ақ-сайид' является титулом.

مرعلى اوستاذ اوعلى شاه مردان اوستاذ 'Мир-'Али ӯстаӡа сын Шāх-и-Мāрдāн ӯстаӡ'; на языке казанских татар اوستاذ (*устаӡ*) ранее понималось как „высший духовный учитель", „наставник". Из приведенных данных, кажется, является очевидной принадлежность этих двух титулов — اق سيد (*ак-сайид*) и اوستاذ (*устаӡ*) одному и тому же лицу Мир-'Алию, отсюда и тождественность этих понятий. Поэтому понимание эпитета اق (*ақ*) в смысле „светлейший", „ясновельможный" или „великий" вполне уместно при отнесении его в данном случае к высшему духовному сану. Этот пример говорит о том, что древнейшие социальные термины, хотя бы и несколько видоизмененные, бытуют в том же смысле и в позднейшие времена. Мы этим ограничимся в рассмотрении социальной терминологии времени Казанского ханства, вопросы социально-политической структуры которого более подробно освещены в труде Ш. Ф. Мухамедьярова.[32] Однако отметим (хотя бы как редкое явление) наличие на памятнике из дер. М. Атня Тукаевского р-на[33] такого термина, как название одной родоплеменной организации башкир — تابن *тāбын* (يابنجى تابن *йāбынчы тāбын Ақ-Бӯлāд* اق بولاد). Это чрезвычайно интересно и в свете этнической взаимосвязи казанских татар и башкир, тем более в тех районах, где распространен „зокаю-

[32] Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV и первая половина XVI в.). М., 1950, стр. 6—8. (Автореферат канд. диссертации).

[33] Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 160.

щий" говор и геометрический орнамент в старинном домашнем тканье, очень характерном для башкир. Кажется, что в данном случае мы имеем дело с башкирским элементом в этнической истории здешних татар, берущим, быть может, начало в те времена, когда в этих местах оседало военное сословие башкир в пору подчинения их Казанскому ханству. Термин يا نجى (*йабынчы*), созвучный с личным именем *Йапанчи*-мирза/, Епанчино,[34] также вызывает интерес с точки зрения титула.

Преобладающее место среди имен занимают имена тюркского происхождения: мужские — ياتناش (Йāтнāш), اديكاى (Идīгāй), چتش (Чытыш), شودك (Шӯдāк), اق بولاد (Аḳ-Бӯлāд), ممای عل (Мамāй-Гул), چورا (Чӯрā), توقتاش (Тӯḳтāш), قوناق حوجاباى (Ḳӯнāḳ-Ḫӯджāбāй), جيان حوجاباى (Джиāн-Ḫӯджāбāй), بوزناق (Бӯзнāḳ), توعاش (Тӯгāш), تكرى بردى (Тāнгрӣ-Бирдӣ) и др.; женские — نورز سلطان (Нāуруз-Сулṭāн), اق بيكاچ (Аḳ-Бӣкāч), اباق (Абāḳ) и др. Есть среди них арабско-персидские и смешанные: على (Али), شاه على (Шах-'Али), بختى (Баḫтӣ), على حان ('Алӣ-Ḫāн), امان حوجا (Амāн-Ḫоджā), نجيم (Наджӣм), دايم (Дāйим), توكل (Тāвāккāл) и др.

Из приведенных типологических данных для татарских надгробий XV и первой половины XVI в. мы видели постепенное зарождение нового типа эпиграфических памятников XVI в. Процесс этот протекает с некоторыми изменениями булгарской основы, наслаиванием на нее новых элементов, отнюдь не повторяя булгарскую эпиграфику. От более простых образцов (памятники, приведенные в табл. 51, 52) путь этот, по мере накопления новых элементов, ведет к выработке в первой половине XVI в. нового типа надгробий на базе тесной преемственной связи с эпиграфикой XIV в. Наконец, своего рода преемственной связью является и множество случаев нахождения на одном и том же кладбище эпиграфических памятников XIV, XV, XVII вв. (в селах Измя Сабинского р-на, Б. Нырсы и Кибя-Кози Тюлячинского р-на, Тат. Азелей Нурлатского р-на, Ст. Кишит Тукаевского р-на и др.). Это тем более важно подчеркнуть, что ранее у татар существовал строгий запрет хоронить на данном кладбище кого бы то ни было из посторонних, хотя бы и мусульман (приезжих,

[34] Название села в Лаишевском р-не ТАССР.

путников), умерших в данной местности. Их всегда хоронили вне кладбища того населенного пункта, где их настигала смерть. Эти факты говорят о наследственной принадлежности татарам этих кладбищ с древнейших, булгарских времен.

Татарские надгробия второй половины XVI и первой половины XVII века

С начала второй половины XVI в. в административно-политическом отношении территория бывшего Казанского ханства была подчинена Русскому государству. Объективно факт этот в истории расценивается как прогрессивное явление, ибо с этой поры народы Среднего Поволжья вошли в тесное соприкосновение с Русским государством при значительном превосходстве его в культурно-экономическом отношении над Казанским ханством.[1] При агрессивном курсе внешней политики тогдашней султанской Турции с ее социально-экономической и культурной отсталостью подчинение Казанского ханства Русскому государству явилось фактом большой политической важности в деле централизации страны, причем руководящая роль принадлежала русскому народу. „В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию", — писал И. В. Сталин.[2]

Несмотря на коренное изменение политического устройства страны, мы в типологическом отношении (не говоря уже о языке) в стиле эпиграфических памятников этого периода не видим существенных изменений, если не считать сокращения количества их, возможно, связанного с проводившейся тогда русификаторской политикой.[3] В основном стиль памятника остается тем же, какой мы видели в первой половине XVI в., за исключением некоторых незначительных новых особенностей.

Во-первых, судя по ряду образцов, наметилась тенденция к увеличению ширины памятников (60—70 см).

Во-вторых, форма арки исключительно килевидная (табл. 72), напоминающая мотив в русской архитектуре того времени (например, на некоторых башнях московского Кремля). Под аркой остался тот же „затейливый растительный узор", что был на памятниках первой половины XVI в.

---

[1] История Татарской АССР, т. 1. Казань, 1955, стр. 148.

[2] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1939, стр. 17.

[3] История Татарской АССР, т. 1. Казань, 1955, стр. 153—154.

В-третьих, на бордюре всех памятников этого времени, вместо непрерывно вьющейся „виноградной лозы", имеется растительный орнамент подобного же типа, но с очень крутыми изгибами стебля и значительно уменьшенный за счет включения в композицию других элементов, в частности розетки. Заключенный в овальную рамочку, этот мотив повторяется на бордюре каждой стороны памятника от трех до шести раз, перемежаясь с крестообразной розеткой, также обрамленной рамочкой (табл. 71, 72). Очень близкие аналоги к такому сюжету мы находим в архитектурных украшениях Средней Азии (мавзолей Тимура „Гур-и-Эмир", гробница Хаким-Ата[4] и др.). На обратной и боковых сторонах памятника надписи точно такого же характера, что и на надгробиях первой половины XVI в.

Чтобы представить себе язык памятников этого периода, обратимся к тексту надгробия из села Ниж. Метески Арского р-на ТАССР, размером 19 × 56 × 140 см, исполненного рельефным шрифтом (табл. 72).

В текстах памятников — тот же язык, тот же почерк и почти те же типологические элементы, что и на памятниках первой половины XVI в.; следовательно, несмотря на значительные изменения в политическом устройстве края, в стиле надгробий этого периода мы существенных качественных изменений не обнаруживаем.

Татарские надгробия второй половины XVII века

Экономика Казанского края XVII в. значительно выросла, по сравнению с прошлым. Явно сказалось приобщение края к экономике Русского государства, несмотря на сильный феодальный гнет сельское хозяйство края развивалось: повысилась сельскохозяйственная техника, „трехпольная система землепользования стала господствующей в нерусских деревнях".[1]

Развивались также ремесла, горно-заводская промышленность (выплавка меди), торговля и пр. Все это обусловливало и значительный экономический рост самой Казани.[2]

Период после крестьянской войны XVII в. характеризуется усилением феодального гнета, что привело в свою очередь к еще большему обострению классовых противоречий.[3]

[4] Альбом „Древний Термез" (в фондах Музея восточных культур в Москве, № 954-II).

[1] История Татарской АССР, т. 1. Казань, 1955, стр. 170.

[2] Там же, стр. 171.

[3] Там же, стр. 175—176.

Наконец, следует упомянуть усиление руссификаторской политики, проводившейся по отношению к нерусскому населению. Все это в конечном итоге вылилось в целый ряд восстаний крестьян во второй половине XVII в. против помещиков и царского правительства (башкирские восстания, крестьянская война под руководством С. Разина, в которой принимало участие и население Казанского края, и другие волнения), которые впоследствии были жестоко подавлены.

Именно этими историческими событиями мы склонны объяснять падение стиля (в качественном отношении) татарских надгробий этого периода и появление вместо описанных выше стильных надгробий XVI и первой половины XVII в. памятников, значительно упрощенных типологически. Численно их также немного.

Размеры надгробий

Толщина	Ширина	Длина
16 см	47 см	90 см
20 „	40 „	100 „
14.5 „	45 „	115 „
16 „	40 „	100 „

Таким образом, отмечается уменьшение размеров надгробий, особенно их длины.

Не очень выразительно отделаны формы арок надгробий, преимущественно стрельчатых, но в редких случаях и полукруглых (собрание Государственного музея ТАССР). Под аркой почти всегда — традиционный сильно стилизованный растительный врезанный орнамент с двумя бутонами посередине (табл. 73, 74). Мотив этот несколько напоминает орнамент на булгарском надгробии с Булгарского городища (табл. 6). Только в одном случае — на памятнике из с. Именьково Лаишевского р-на — видим довольно сложный растительный орнамент, исполненный рельефно.

На бордюре, кроме рельефной полосы вокруг всей надписи, никакого орнамента нет. Интересно наличие на бордюре трех памятников подписи писца-резчика: в одном случае محمد اسمان اوغلی 'Муҳаммед сын Асмāна'; у второго и у третьего имя самого резчика не прочитывается, однако отец его тот же Асмāн (Ашман?). На боковых и обратной сторонах надгробий надписей не имеется.

Как палеографически, так и по содержанию текста памятники эти очень сходны между собой и представляют единый стиль. Рельефно исполненный почерк надписей очень прост

и по начертанию близок к скорописи. По сравнению с предшествующим он нестроен, очень мелок, отчего и ширина строк (числом 6—8), разграниченных рельефными полосками, не превышает 5—6 см. Поэтому при малейшей поврежденности надпись с трудом поддается чтению.

Интересен факт наличия этого стиля надгробий одновременно и в Башкирии, особенно в западных районах, при отсутствии там до сих пор памятников XV и XVI вв. (табл. 74).[4] По-видимому, это объясняется таким общеизвестным историческим явлением, как переселение сюда некоторой части татарского населения с территории современной ТАССР. Самый восточный пункт распространения этого типа памятников расположен в 3 км к востоку от дер. Шигаево Белорецкого р-на БАССР.

В языковом отношении типичными для этих памятников являются тексты надгробия, исполненного рельефным шрифтом, из Арского р-на ТАССР (табл. 73), надгробия из с. Чишмы (табл. 74) и еще одного надгробия, негатив которого хранится в Госмузее ТАССР (см. текст 11).

Как видно из конструкции текста, здесь опять встречаются повторения характерной для булгарских эпитафий формулы هوالحى الذى لا يموت, после чего идут „аяты“ и „хадисы“, как и на памятниках XVI и первой половины XVII в. Близкий к современному татарскому языку стиль этих надписей также не лишен архаизмов. Такова, например, форма ديرلار ايردى, характерная для древних литературных памятников.

* * *

Этим мы завершаем обзор булгаро-татарских надгробных памятников XIII—XVII вв., на материале которых достаточно ярко выступает преемственная связь в типологии стилей хронологической лестницы нашей классификации. Продолжение этой связи мы наблюдаем, как было сказано выше, и на материале татарских надгробий XVIII и XIX вв. (что не входит в рамки данной работы) — в форме арок, размерах, украшениях бордюра, в конструкции текста и даже в почерке (см. снимки: табл. 75—77).

Выше мы проследили преемственную связь между языками булгарских надгробий I и II стилей и современным казанско-

[4] Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники...

татарским языком, с его множеством древних диалектальных пережитков.

В процессе исследования материала, особенно орнаментального, мы отмечаем большое значение этих памятников и в деле выяснения культурных взаимоотношений булгар, а впоследствии и казанских татар с народами Средней Азии, Кавказа, с одной стороны, и русскими, с другой. В отдельных случаях — например, в вопросе о треугольном орнаменте — материалы надгробий, дополняя археологические данные, позволяют сделать убедительные выводы относительно путей появления в Восточной Европе орнаментов и показать при этом связующую роль булгарской земли.

В процессе культурных связей на почве тесных экономических отношений с другими странами булгарская культура по-своему творчески перерабатывает элементы, привнесенные извне: из Средней Азии, Руси и Закавказья. Так, говоря об архитектуре, проф. А. П. Смирнов отмечает: „Булгарская архитектура XIV в. представляет переработку искусства Закавказья и Средней Азии".[5] Тот же А. П. Смирнов в своем труде „Русский элемент в культуре волжских булгар" отмечает в целом ряде вещей ремесленного производства булгар (особенно ювелирного) значительные следы русского влияния.[6] Подобные свидетельства мы можем найти и в ряде других источников.[7] Нельзя в то же время не видеть и обратного — булгарского влияния на русскую культуру, которое доказывает обилие восточных товаров, главным образом предметов роскоши, поступавших на Русь из Волжской Булгарии.[8]

Следы этого влияния нетрудно заметить и в орнаментальных сюжетах надгробий XV и XVI вв., к которым мы находим хронологически поздние русские аналоги. Об этом же говорят и сведения об участии булгарских мастеров в строительстве русских архитектурных сооружений. „Все это неизбежно привело к появлению в булгарской культуре черт, свойственных русским, а в русской — булгарских", — делает заключение А. П. Смирнов.[9]

---

[5] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 144.

[6] А. П. Смирнов. Русский элемент в культуре волжских булгар, стр. 100.

[7] История культуры Древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 529; И. Ю. Крачковский. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 78.

[8] А. П. Смирнов. Русский элемент в культуре волжских булгар, стр. 95.

[9] Там же, стр. 97.

Таким образом, в процессе общественно-экономического развития и творческой переработки культурных заимствований сложились и рассмотренные нами стили булгаро-татарских надгробий XIII—XIV, XV, XVI и XVII вв., которые в рассмотренных формах характерны только для Среднего Поволжья, Прикамья и Прибелья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение булгаро-татарских эпиграфических памятников показывает преемственную связь между ними, прослеживаемую как в типологическом и языковом отношениях, так и в их географическом распространении и топографии.

1. Сменившие друг друга почти на одной и той же территории феодальные государственные образования — Волжская Булгария и Казанское ханство — оставили надгробные надписи, последовательно принадлежавшие этим эпохам, т. е. датированные XIII—XIV вв., с одной стороны, и XV—XVI, а также XVII в., с другой.

2. О принадлежности этих памятников одному и тому же народу, имеющему в основном единый корень, говорит наличие на одном и том же кладбище памятников различных хронологических эпох — XIII—XIV, XV, XVI и XVII вв.

3. Наличие на функционирующих ныне татарских кладбищах надгробий XIV, XV, XVI и XVII вв., при старинном строгом запрете у татар хоронить на данном кладбище посторонних покойников — татар-мусульман из других мест, умерших здесь случайно, — несомненно говорит о генетической, преемственной связи населения этих сел с древнейшими насельниками края — булгарами.

4. Существование двух стилей булгарских эпиграфических памятников, исполненных на двух языках, говорит о таком языковом явлении, как смена древнебулгарского языка новобулгарским в силу социально-исторических и этнических факторов.

5. Эта смена языков впоследствии определила зарождение современного казанско-татарского языка, в который воплотился древнебулгарский язык, во многих случаях ныне обнаруживающийся у татар как диалектальный пережиток.

6. Имеющее место ныне у казанских татар искажение арабско-мусульманских имен исходит из неосознанного подражания булгарским именам, встречающимся на эпитафиях.

7. Типологические элементы I и II стилей булгарских надгробий в процессе смены политического устройства края легли в основу нового стиля надгробий последующей эпохи — времени расцвета Казанского ханства (XVI в.). Органически связующую роль в возникновении этого стиля сыграли памятники XV в.

8. В оформлении позднейших татарских надгробий (XVIII, XIX и начала XX в.) ярко проявляются типологические мотивы древних стилей, вплоть до булгарских.

9. Булгаро-татарские кладбища и надгробные памятники являются предметом религиозного почитания со стороны казанских татар, носившего ранее форму паломничества даже из далеких мест.

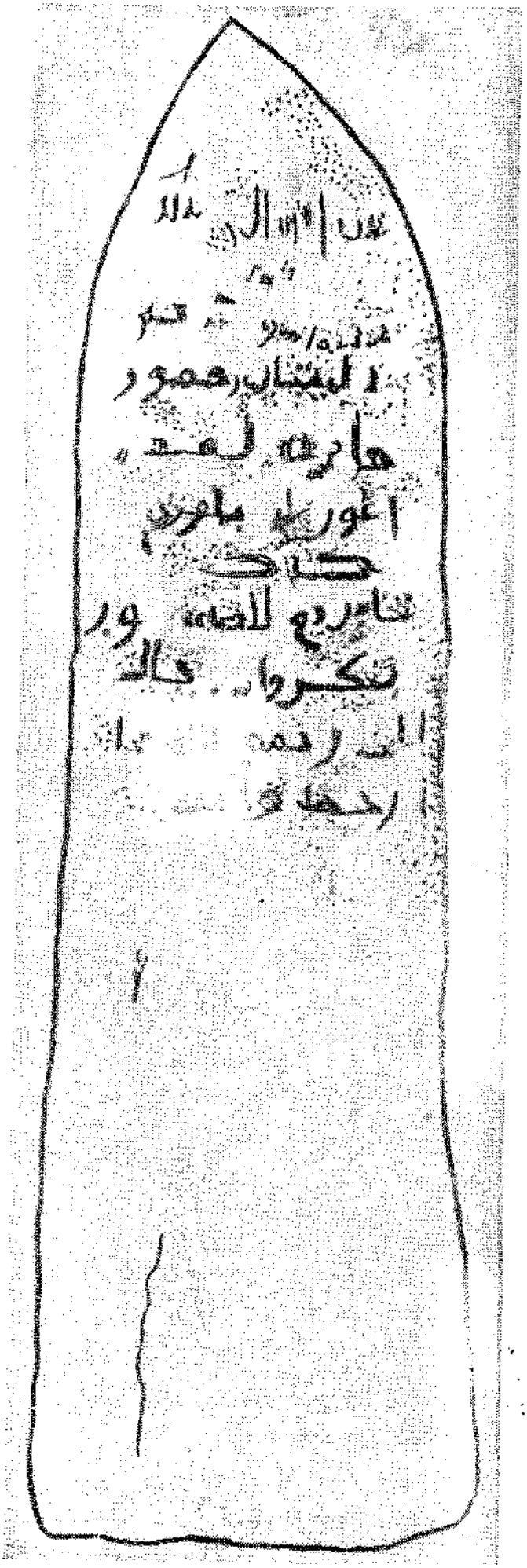
10. Сохранившиеся в крае древнейшие надгробия XIII—XIV вв. принадлежали только народу, называвшемуся волжскими булгарами, что видно из неоднократного повторения данного этнонима в надписях этих надгробий.

11. Наличие в Башкирии ранних и поздних памятников булгар свидетельствует об исконности здесь булгарского населения, так же как и на территории ТАССР.

12. Булгары Башкирии, смешавшись с башкирами, составили бюлярский и байлярский роды их, а в результате смешения с мадьярами возникла особая группа мишарей аборигенного происхождения (Западная Башкирия).

Подводя итог всему этому, считаем нужным сказать, что в этой работе мы не ставили своей задачей описание всех известных памятников, что невозможно без охвата их специальными эпиграфическими исследованиями как на территории ТАССР, так и вне ее пределов. Надо надеяться, что дальнейшее изучение их подтвердит наши выводы.

Являясь одним из выразительных памятников культуры булгар и казанских татар в силу своих языковых, орнаментальных, палеографических и других особенностей, эпиграфические памятники заслуживают более полного изучения. Это тем более необходимо при наличии большой территории, еще не изученной в этом отношении. Значительное число неисследованных эпитафий позволяет надеяться, что в будущем на эпиграфическом материале удастся еще больше расширить и углубить наши сведения об истории Волжско-Камского края, известной нам в настоящее время преимущественно из исторических и археологических источников.

Памятник из с. Русский Урмат Высокогорского р-на ТАССР.

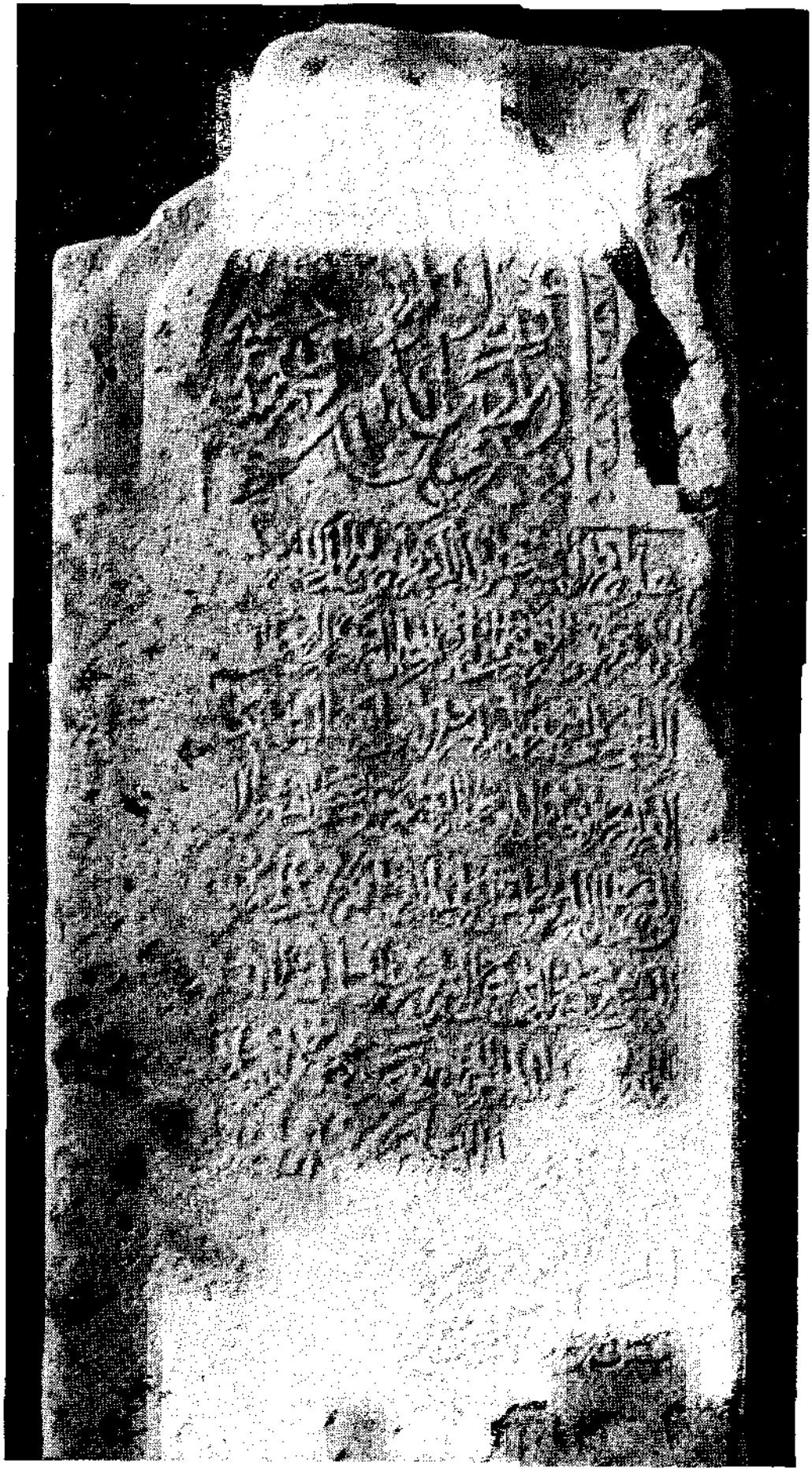
17 × 35 × 145 см.

1. [بسم الله الرحمن الرحيم]
2. . . . . [ثم]
3. الينا ترجعون
4. حا . . . . . اول
5. . . . . بلوى
6. كك
7. تاريخ الط[ج]ور
8. سكر وان جال
9. اذ رحمة الله [عليه]
10. رحمة واسعة]

Дата: 1281/82 г. . . . . .

„1. [Именем бога милостивого, милосердного]
2. . . . . [после вы]
3. вернетесь к нам.
4. . . . . сын . . . . . .
5. . . . . памят-
6. ник . . . . . .
7. . . . . по летосчислению шесть[с]от
8. восьмидесятом году
9. было. Да будет милость бога [над ним]
10. милостью об[ширною]“.

Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. . . ., стр. 99, рис. 29 (чтение не дано).

Памятник из б. Архиерейской дачи близ Казани (Государственный музей ТАССР).

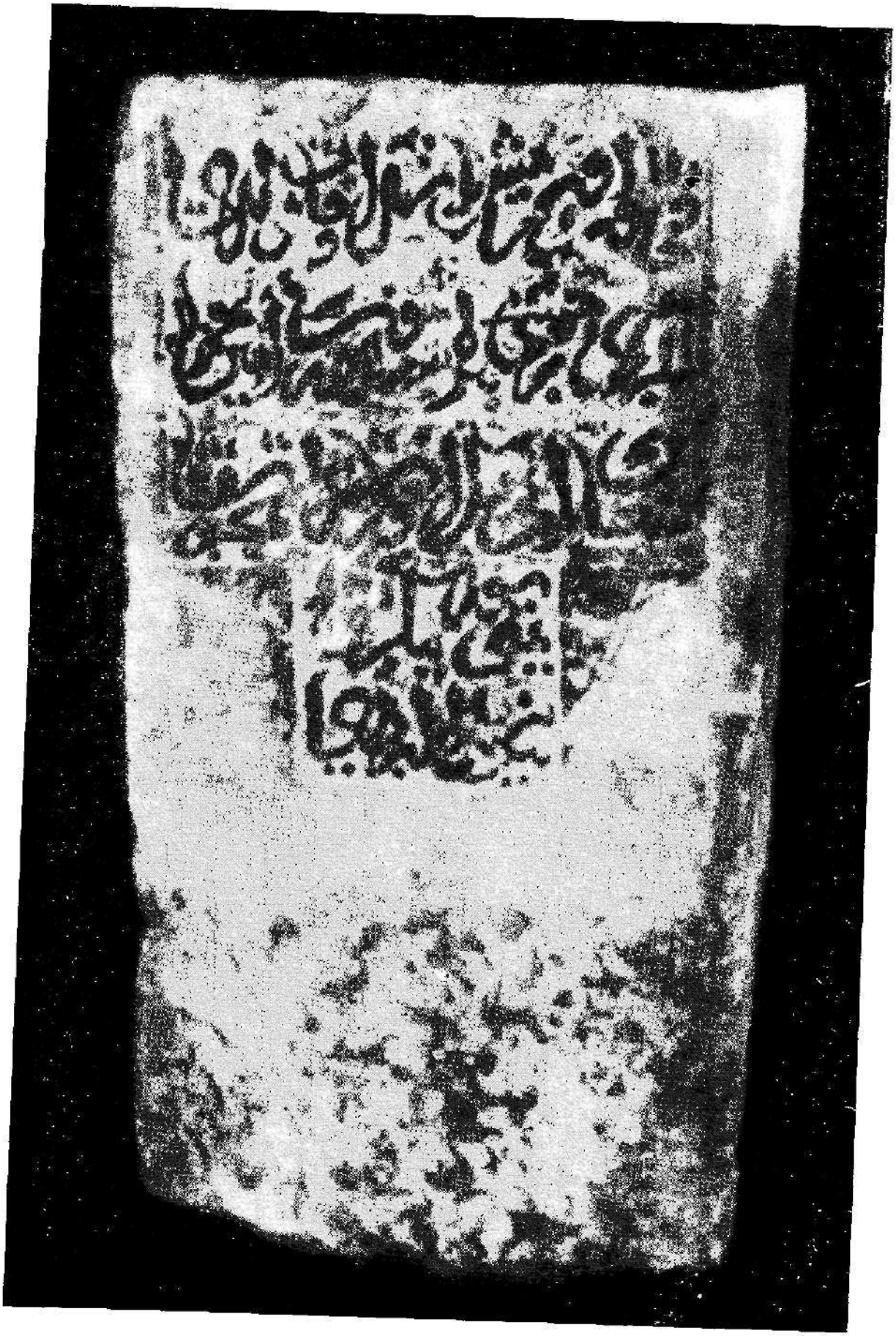
38—40 × 92—96 × 350 см.

1. هوالحى الذى لا يموت[وكل حى سيموت]
2. هذا مرقد السلطان الاكبر الاكرام غوث السلا طين
3. الامير لمكرام . . . . . .
4. المظفر . . . . . .
5. الكرام والاجاليل العظام العلم
6. الى المظفر . . . . . .
7. الشرفين مفخر ال . . . . . .
8. والدين . . . . ظ . . . الله العالمين
9. حسن بك بن مير محمود

Дата: предположительно конец XIII в.

„1. Он живой, который не умирает [все живущее умрет].
2. Это место погребения великого и знатного повелителя, помощника повелителей
3. эмира чтимого . . . . .
4. победоносного . . . . .
5. почтенных и великих, знамени . . .
6. к победоносному . . . . . .
7. двух почестей . . . гордости рода . . .
8. и веры, тени господа миров
9. Ḥасан-бек сын Мӣр-Маḥмӯда“.

С. М. Шпилевский. Древние города . . ., стр. 475—477 (чтение не дано); Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фӣ ахвалӣ Казань ва Булгар, стр. 28; Н. И. Ашмарин. Об одном мусульманском камне . . . стр. 94—95 (чтение не дано). — Здесь приводится чтение Ш. Марджани

Памятник, находящийся в Государственном музее ТАССР; место находки не известно.

58 × 107 см.

1. خاتون اوتز بیش یاشندا وفات بولدی
2. تکري رحمتی برلا سوندرسن امین
3. شعبان ایی [اون‌بیشندا] هجرتدا (?)
4. یتی یوز یکرمی
5. سکیزدا اردي

Дата: 1328 г., 6 июня. nos. 1293

„1. ḫātūn, тридцати пяти лет умерла.
2. Да обрадует ее бог своей милостью. Аминь.
3. Ша'бāна месяца [пятнадцатого дня], по хиджре
4. в семьсот двадцать
5. восьмом году было“.

Памятник из с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
47 × 120 см.

1. هُوَالحى الذى لا يموت
2. وَ كُلُ حىٍ سَيَمُوت
3. رَمضَان هِيرِ سَيتَ بلوى
4. كُ رَحمَةُ الله عَليهَا
5. رَحمَةً وَاسعةً
6. دُنيَارَان سَفَرَ
7. طنرُوي تَاريخ جِيًا
8. تِ جوُر وُجم جا
9. ل اجِ الموت باب
10. وكل الناس داخله
11. ربع الأول ايج
12. اشن ارتاحو

Дата: 1323 г.

„1. Он живой, который не умирает,
2. все живущее умрет.
3. Рамазāна дочь Сāйтä, (ее) памят-
4. ник. Да будет над ней милость бога
5. милостью обширною.
6. Из мира пересели-
7. лась по летосчислению в семь-
8. сот третьем году.
9. Смерть есть дверь,
10. и все люди войдут в нее.
11. В месяц рабӣ'-I
12. . . . . ".

Рукопись № 5651 (без автора) в Отделе восточных рукописей и редких книг библиотеки Казанского университета; А. Б. Булатов. Намогильные памятники правобережья Волги.

Памятник, найденный у городища близ с. Тат. Кирмени Мамадышского р-на ТАССР (Кирменское городище).

19 × 49 × 90 см.

1. الحكم لله العلى
2. الكبير كل نفس
3. ذايقة الموة ثم [الينا] تر[جعون]
4. زهرش هير. . . . . بلو
5. ي ك وافاة بَلطوي تاريخ جيا
6. ت جور وطر جياتش جا[ل]
7. رمضا [ن ايح] بلج كوان
8. . . . . رحمة واسعة

Дата: 1336 г., 10 марта.

„1. Верховный суд принадлежит богу всевышнему,
2. великому. Всякая душа
3. вкусит смерть; после (вы) [вернетесь к нам].
4. Захраша дочь . . . . . , (ее) памят-
5. ник. Скончалась по летосчислению в семь-
6. сот тридцать седьмом году,
7. рамазана [месяца] пятого дня
8. . . . . милостью обширною“.

Е. Т. Соловьев. О могильных памятниках близ села Русск. Кирмени в Мамадышском уезде Каз. губ. Труды IV археолог. съезда, т. 1, Казань, 1884, стр. XLI—XLII (чтение не дано); Н. И. Воробьев. О болгаро-татарских надгробных камнях. . ., стр. 12—13 (чтение не дано); Альбом булгаро-татарской эпиграфики, № 58 (в библиотеке КФАН СССР).

Памятник, найденный у Кирменского городища близ с. Тат. Кирмени Мамадышского р-на ТАССР.

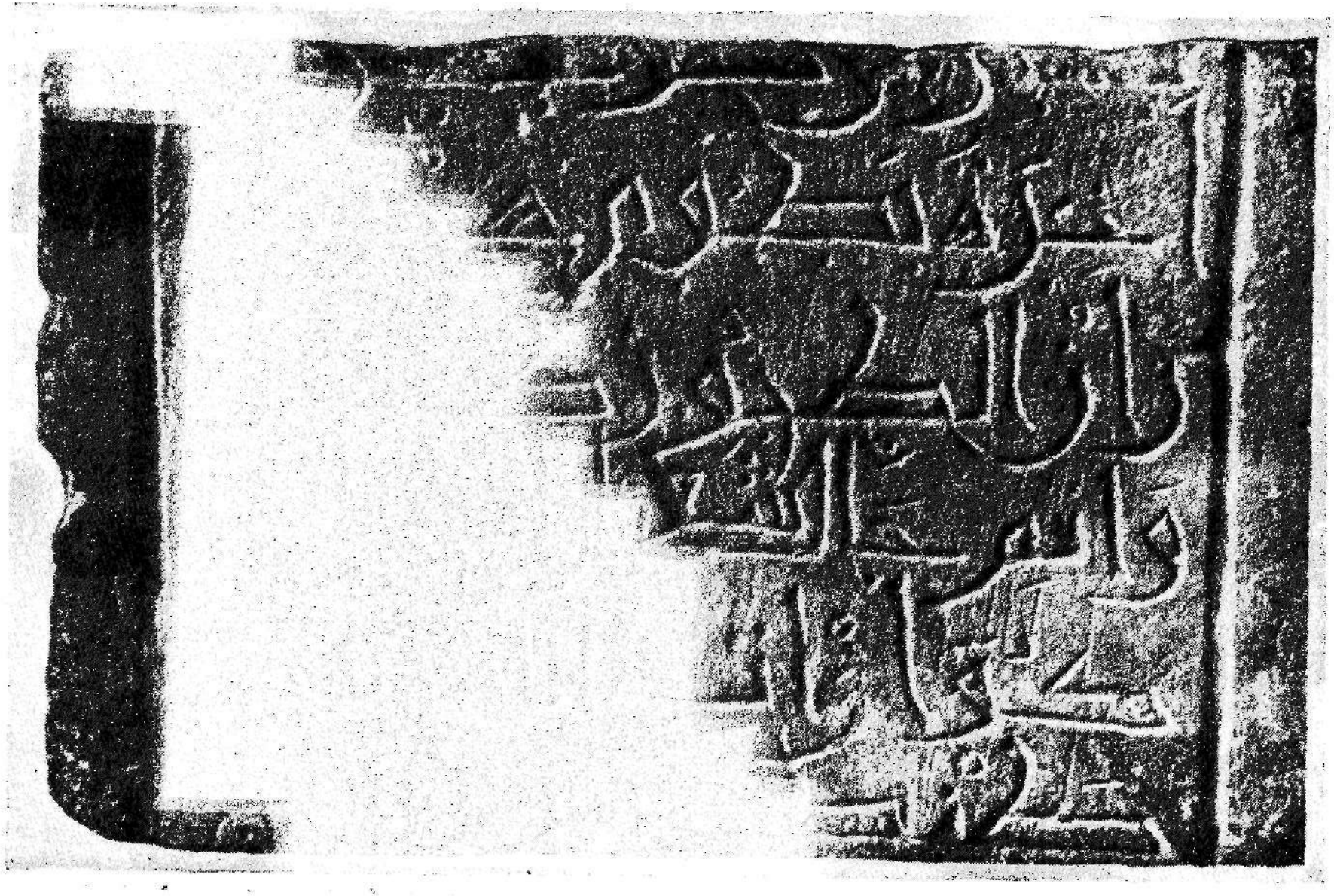
15 × 47 × 65 см.

1. الحكم لله العلى
2. الكبير كل نفس ذايقة المو
3. ة ثم الينا ترجعون اينوك . . . .
4. . . . . بلوی كُ وفات بلطو
5. ي رَمَضان ايح بلج . . . تاريح
6. جياج جوُر وطر سَكر
7. جَال . . . . . رحمَة الله رحمَة وا
8. بِسعَة

Дата: 1337/38 г.

„1. Верховный суд принадлежит богу всевышнему,
2. великому. Всякая душа вкусит смерть;
3. после вы вернетесь к нам. Инӯка . . . . . .
4. . . . . памятник. Скончался(лась)
5. в месяц рамаз̣ана, пятого . . ., по летосчислению
6. в семьсот тридцать восьмом
7. году . . . . . Да будет милость бога милостью
8. обширною“.

Е. Т. Соловьев. О могильных памятниках ..., стр. XLI—XLII (чтение не дано); Н. И. Воробьев. О болгаро-татарских надгробных камнях ..., стр. 12—13 (чтение не дано); Альбом булгаро-татарской эпиграфики, № 59 (в библиотеке КФАН СССР).

Памятник из с. Болгары Куйбышевского р-на ТАССР.

17 × 28 × 38 см.

1. . . . . .

2. اَجِرَةَ بَطُوی هِجْرَةْ

3. رانْ الطِ جوُز طهُوُر

4. وانِم جَال شَعبان اِنْح بلِنج

5. كُوَان اذِ الله رَحمة

6. طَنْطرْ مَحوبلج (?)

Дата: 1291 г., август.

„1. . . . . .
2. [ушел] на тот свет по хиджре
3. в шестьсот девяностом
4. году, в месяц ша'бāна пятого
5. дня было. Бог да помилует
6. . . . . (?)“.

История Татарии в материалах и документах. М., 1937, стр. 26; Альбом булгаро-татарской эпиграфики, № 11 (в библиотеке КФАН СССР); Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар, стр. 100—101.

Памятник, найденный на Булгарском городище при раскопках внутри Никольской церкви (б. мавзолея); хранится в библиотеке Казанского университета.

18 × 70 × 285 см.

1. هوالحى الذى لا يموت و كل حى سيموت
2. هذه روضه السيدة الستيرة الصالحة
3. الصائمة الصائنة الكريمة المستورة
4. المحدرة المطهرة الراكعة الساجدة
5. فاتحة الخيرات نتيجة السعادات
6. منيع الكرامات تاج النسافى
7. العالمين صبر ايلجى بنت بوراش بك
8. قدّس الله روحها و نور ضريحها
9. اللهم ارحمها رحمة واسعة توفيت (так!)
10. الى رحمة الله تعالى فى الرابع
11. من شهر جمادى الاحرى سنة
12. تسعين و
13. ستمايه

Дата: 1291 г., 4 июня, понедельник.

„1. Он живой, который не умирает, все живое умрет.
2. Этот сад госпожи непорочной, благочестивой,
3. соблюдавшей посты, заботливой, щедрой, целомудренной,
4. благонравной, совершавшей омовения и поклоны поясные и земные,
5. начала добрых дел, производительницы счастливых дел,
6. источника милостей, венца женщин в
7. обоих мирах, Ṣабар-йлчй дочери Бӯраш-бека.
8. Да сделает бог единый душу ее святою, да осветит могилу ее.
9. Боже мой, помилуй ее милостью неизмеримою. Она отдалась
10. милости бога единого, всевышнего четвертого числа
11. месяца джумāдй-II в году
12. девяносто
13. шестьсот“.

И. А. Износков. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Изв. Общ. археолог., ист., этногр. при Каз. гос. унив., т. XI, 1893, вып. 3, стр. 278—280; Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии, 1905, стр. 263—268; Г. А. Ахмаров. История Булгарии, стр. 128; Г. В. Юсупов. К вопросу об истории и классификации булгаро-татарской эпиграфики, рис. 2а.

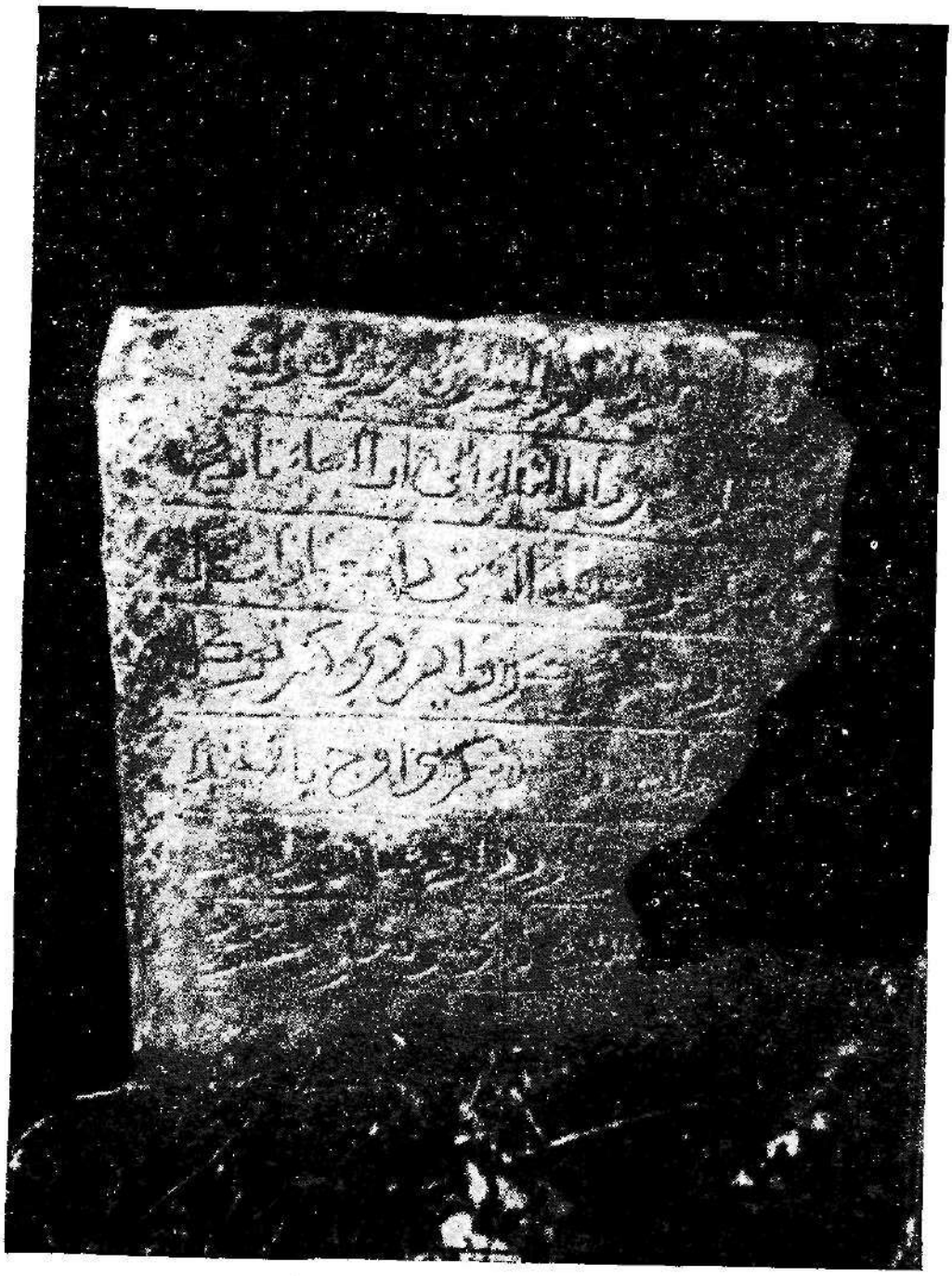
Памятник с Булгарского городища.
56 × 110 см.

1. كُل نفس ذايقة الموت ثم
2. الينا ترجعون عَلى يوَارى هير
3. حومْ . . . . [بلوى]ك[رحمة]الله
4. عليها[رحمة]وا[سعة]
5. دنيا[ران]باقى[اَحرة]
6. بطوي
7. هجرة ران اَلط جور طحوروان
8. [تورا]تم جال جمادى الاحر
9. . . . . .

Дата: 1294/95 г.

„1. Всякая душа вкусит смерть, после (вы)
2. вернетесь к нам. ʿАлйя йӯвāрй девушки-
3. наложницы ... [памятник], да будет [милость] бога
4. над ней [милостью] об[ширною] . . .
5. [из] мира . . . [в мир] вечности
6. ушла
7. от хиджри в шестьсот девяносто
8. [четвер]том году, джумāдй-I.
9. . . . . “

Альбом булгаро-татарской эпиграфики, № 230 (в библиотеке КФАН СССР); Г. В. Юсупов. К вопросу об истории и классификации булгаро-татарской эпиграфики, рис. 1.

Памятник из с. Тат. Ходяшево Пестречинского р-на ТАССР.

135 × 65 × 70 см.

1. قال النبى عليه السلام المومنون لا يموتون ولكن[ن]
2. ينقلون من دار الفناء الى دار البقاء تاريخ
3. سكيز يوز توقسان يتى‌دا شعبان اى‌نڭ
4. اون بشنجى كون ايردى كيم توكل
5. [بن]مولا سيد احمد يكرمى اوج ياشندا
6. [سوعا]نوشوب دارو فنادين دارو
7. [بقاعا رد]لت قيلدى حق تعالى رحمت قيلسون

Дата: 1491 г., 12 июня, среда.

„1. Сказал пророк, — да будет мир над ним, — правоверные не умирают, а
2. переселяются из мира тленного в мир вечности. По летосчислению
3. в восемьсот девяносто седьмом, месяца ша'бāна
4. пятнадцатого дня то было, что Тäвäккäл
5. [сын] мавлā Сайид-Аḥмада, двадцати трех лет
6. [в воде] утонув, из мира тленного в мир
7. [вечности] переселился. Истинный бог [всевышний] да помилует его".

Ш. Марджани. Мустāфāд ал-ахбāр фī ахвāлī Кāзāн вə Булгāр, стр. 27; Г. В. Юсупов. Татарские эпиграфические памятники XV в., стр. 83—84.

Памятник с городища „Иски-Казан“ близ с. Камаевка Высокогорского р-на ТАССР.

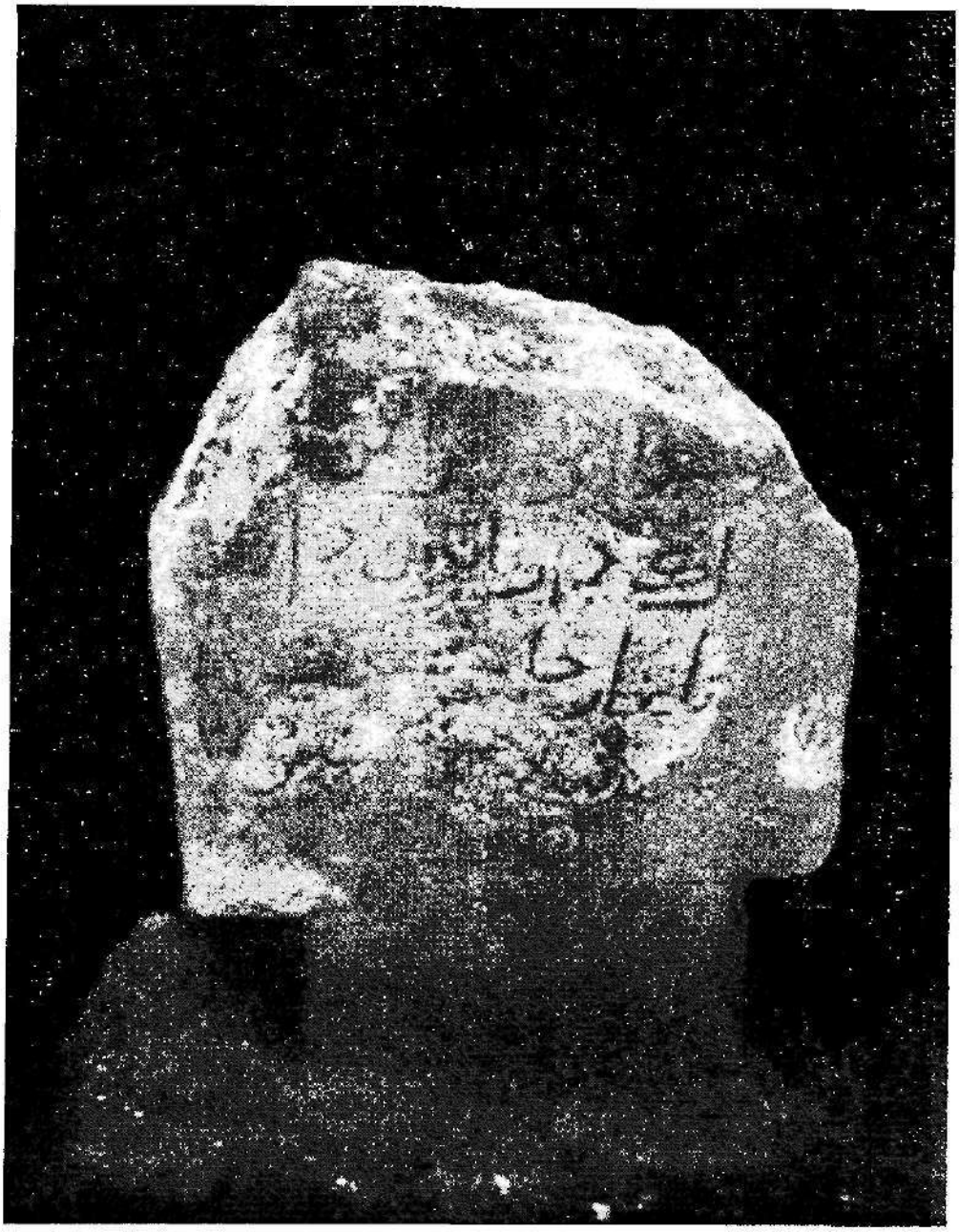
14 × 48 × 110 см.

1. هوالحی الذی لا یموت و کل حی سیموت
2. قال الله سبحانه و تعالی وما تدری
3. نفس بای ارض تموت
4. قال النبی علیه السلام الدنیا . . . . .
5. تاریخ توقوز یوزدا مبارك ربیع
6. الأول ای‌ننك احریندا ایردی کیم
7. مولا شاه علی درویش حلالی نازی ملك
8. حاتون دار الفنادین دار البقاعا رحلت
9. قیلدی عفر الله لها

Дата: 1494 г., декабрь.

„1. Он живой, который не умирает, все живущее умрет.
2. Сказал бог преславный, всевышний: и не знает
3. душа, в какой земле она умрет.
4. Сказал пророк, да будет мир над ним, мир . . .
5. По летосчислению девятисотый год, благословенного
месяца рабӣ'-I
6. в конце то было, что
7. мавлā Шāх-'Алӣ дервиша жена Нāзӣ-Мāлик-
8.-ḫāтӯн из мира тленного в мир вечности переселилась.
9. Да помилует ее бог".

[Н. П. Рычков]. Журнал или дневные записки путешествия..., стр. 4—5 (193—194); С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 426—428; Ш. Марджани, стр. 121; И. Н. Бороздин. Два татарских надгробия..., стр. 58—63; Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 155—157; Г. В. Юсупов. Татарские эпиграфические памятники XV в., стр. 89.

Памятник из с. Урывкино Пестречинского р-на ТАССР.
17 × 80 × 82 см.

1. اولیندا ایرد[ی کیم] . . . . من او[علی]
2. ابک دار فاندین دار
3. البقاعا رحلت قیلدی
4. حق تعالی رحمة قیلسون

„1. В начале то было, что . . . . [сын]

2. Äбäк из мира тленного в мир
3. вечности переселился.
4. Истинный бог (всевышний) да помилует его“.

Г. В. Юсупов. Татарские эпиграфические памятники XV в. стр. 86—87.

Памятник (обломок) из с. Тат. Ходяшево Пестречинского р-на ТАССР

1. هوالحی الذی لا یموت و کل حی سیموت
2. قال الله سبحانه و تعالی وما تدری

„1. Он живой, который не умирает, все живущее умрет.
2. Сказал бог преславный и всевышний: и не знает душа...".

Г. В. Юсупов. Татарские эпиграфические памятники XV в., стр. 89—90.

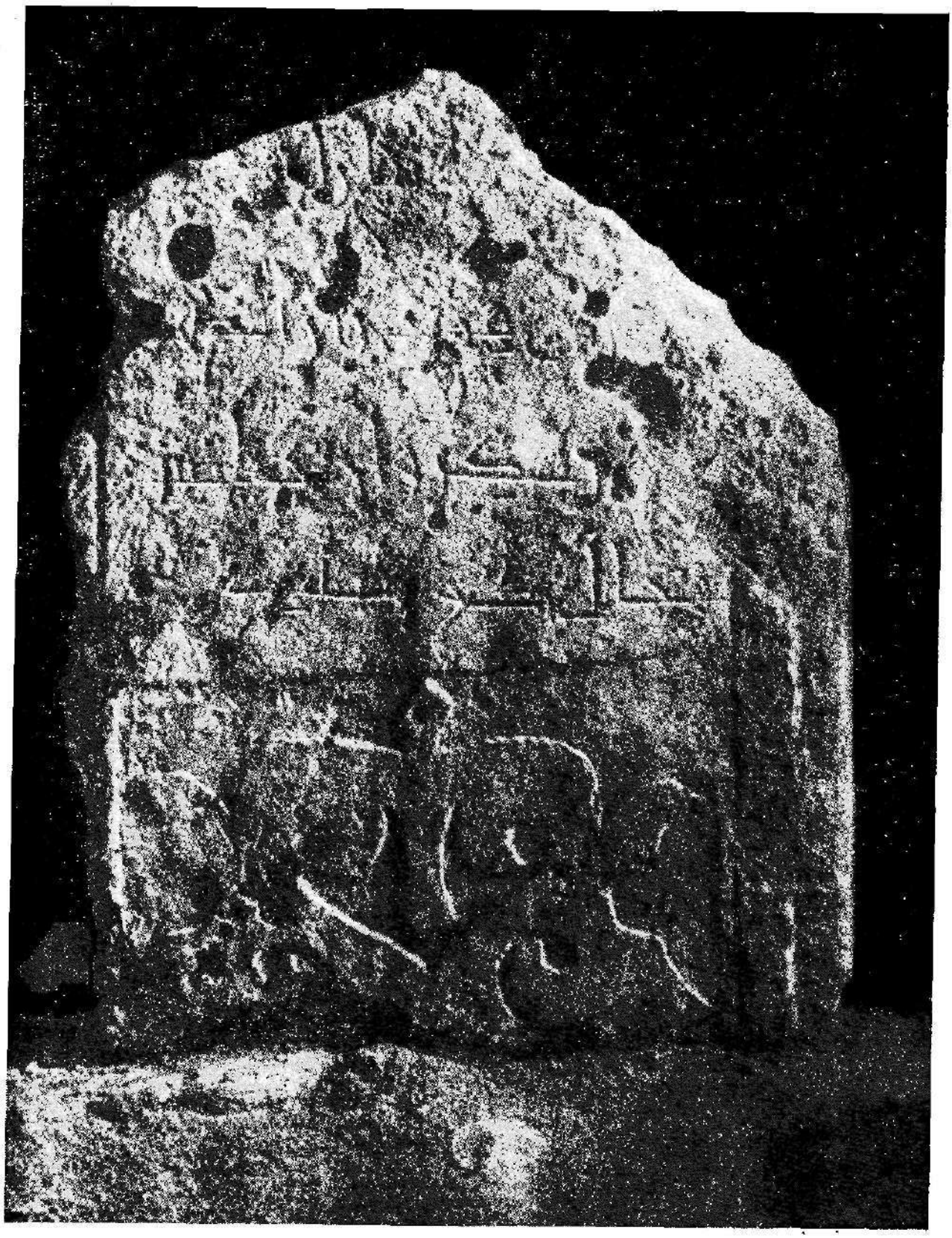
Памятник из с. Карино (Нократ) Слободского р-на Кировской области.

1. اعوذ بالله من الشيطان [الرجيم]
2. بسم الله الرحمن الرحيم كل نفس
3. ذايقة الموت ثم الينا ترجعون
4. قال النبى عليه السلام
5. تاريخ توقوز يوز توقوزدا
6. رجب احرنده ايردیكيم
7. [على عيالى] . . . . . .
8. [دار الفنادين دار البقاعا] رد[لت]
9. [قيلدى]

Дата: 1504 г., январь.

„1. Прибегаю к богу от сатаны.
2. Именем бога милостивого, милосердного. Всякая душа
3. вкусит смерть, после (вы) вернетесь к нам.
4. Сказал пророк, да будет мир над ним,
5. По летосчислению в девятьсот девятом,
6. раджаба месяца в конце то было, что
7. [жена ʿАлйя] . . . . . .
8. [из мира тленного в мир вечности] пере-
9. [селилась]“.

Альбом булгаро-татарской эпиграфики, № 26 (в библиотеке КФАН СССР).

Памятник с Булгарского городища; хранится в Государственном музее ТАССР.

17 × 42 × 50 см.

1. . . . . هجرة ران الط
2. [جو]ر سكز وان حياتش
3. جان كو[ان ات]

Дата: 1288 г.

„1. . . . по хиджре шесть
2. [сот] восемьдесят седьмого
3. года дня [было]“.

Альбом булгаро-татарской эпиграфики, № 9 (в библиотеке КФАН СССР); Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар, стр. 99—100.

Памятник из с. Болгары Куйбышевского р-на ТАССР.
23 × 62.5 × 225 см.

1. حواحی اندی ه یموت
2. وَ کل حَی سیموت
3. تُرکمَان محمد اول[یعقوب]
4. هیر حوُم جاح ح . . . . . .
5. زیارةی رحمة الله[علیها]
6. رحمة واسعة . . . . . .
7. . . . . تروز تاریح
8. . . . . .
9. سعمار ایح دوایم کوا[ن ات]
10. الموت باب و[کل الناس]
11. داحله و یَالیتَ
12. . . . . .
13. . . . . .

Дата: ?

„1. Он живой, который не умирает,
2. все живущее умрет.
3. Тӧркмāн Муḥаммеда сына [Йа'ḳӯба]
4. девушка-наложница Джāḥ . . .
5. Место ее погребения. Да будет милость
6. бога [над ней]
7. . . . . по летосчислению
8. . . . . .
9. ша'бāна месяца [четвертого] дня [было].
10. Смерть есть дверь, и [все люди]
11. войдут в нее . . .
12. . . . . .
13. . . . . “.

Памятник, находящийся у с. Чишмы Чишминского р-на БАССР.
27 × 67 × 150 см.

2. [بك بن عمر بك . . . . .] رساس تركستان [المرحوم] (?)
3. اللهم ارحمه رحمة [واسعة] واكرمهُ بالعفو والمغفرة
4. توفى فى الايام [التاسع] من شور الله المبارک ا
5. [لرا] بع سنة الربعين وسبعماءةٍ [رحمه اول مومن فاتحه]?
6. . . . . .

Дата: 1339 г., 15 сентября, среда.

„1. Справедливый в своих решениях ḫāджӣ Ḫ[усей]н-
2. [бек сын ʿОмар-бека . . .] рсасского из Туркестана, [покойного]
3. боже мой помилуй милостью [обширною], чти же его своим благодеянием.
4. Скончался [девятого] дня благословенного богом месяца
5. [чет]вертого, года семьсот сорокового . . . . (?)
6. . . . . “

J. Georgi. Bemerkungen. . ., стр. 728—730; П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека; В. С. Юматов. Древние памятники. . .; Р. Г. Игнатьев. Памятники доисторических древностей. . .; Г. Игнатович. О древних памятниках. . .; В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии; М. В. Лоссиевский. Кое-что о башкирах. . .; Али Рахим, Г. Газис. История татарской литературы, стр. 54—55; А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 89—90; Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники. .

Текст 3. Надгробная надпись из села Ср. Аты Арского р-на ТАССР

Размер: 11 × 47 × 61 см

1. هوالحی الذی لا یموت
و کل حی سیموت
2. تاریخ سکز یوز سکسا[ن]دا
3. . . . . ینک احرندا
4. . . . [اوع]لی حبس دار فنا
5. دین دار بقاعا رحلت قیلد[ی]
6. اویدز فانی سرای‌دین
7. . . . . .
8. . . . . .
9. . . . . .

Дата: 1475/76 г.

„1. Он живой, который не умирает, все живущее умрет.
2. По летосчислению в восемьсот восьмидесятом
3. . . . . [мес]яца в конце
4. . . . . с[ын] Ҳасан из мира тлен-
5. ного в мир вечности переселился.
6. Из дома нашего — временного дворца,
7. . . . . .
8. . . . . .
9. . . . . “.

. . . . اعوذ بالله من الشیطان الرجیم[بسم] الله الرحمن الرحیم قال رسول الله صلی الله[علیه . . . .]

Надпись на бордюре:

„. . . . . прибегаю к богу от сатаны, [именем] бога милостивого, милосердного. Сказал посланник бога, да благословит [его] бог“ . . .

Текст 4: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ИЗ С. ЯМАШУРМА ВЫСОКОГОРСКОГО Р-НА ТАССР

Размер: 20 × 53 × 144 см

1. هوالحی
2. الذی [لایموت]
3. . . . . .
4. . . . . .
5. . . . . .
6. قال النبی علیه السلام [الدنیا]
7. [ساعة] فاجعلها [طاعة]
8. . . . . .
9. . . . . .
10. تاریخ توقوز یوز یکرمی التی‌دا
11. مبارک . . . . . .
12. ایردی کیم . . . . اوعلی جورا قرق
13. یاشیندا دار الفنادین دار البقاعا
14. رحلت قیلدی حق تعالی رحمت

Дата 1519/20 г.

„1. Он живой,
2. который [не умирает]
3. . . . . .
4. . . . . .
5. . . . . .
6. Сказал пророк, — да будет над ним мир, — [мир]
7. [есть час], так используй его [в богоугодных делах].
8. . . . . .
9. . . . . .
10. По летосчислению в девятьсот двадцать шестом,
11. благословенного . . . . .
12. то было, что . . . . сын Чӯра в сорок
13. лет из мира тленного в мир вечности
14. переселился. Праведный бог да помилует“.

Текст 5. Надгробная надпись из с. Чемерцы Арского района ТАССР

Размер: 20 × 45 × 130 см.

1. قال الله تبارك و تعالى كل نفس ذايقة الموت
2. قال النبى عليه السلام الدنيا مزرعة
3. الاحر قال النبى عليه السلام الدنيا ساعة فجعلها
4. طاعة قال النبى عليه السلام . . . . .
5. تاريخ شهيد توقوز يوز قرق بردا مبارك محرم
6. ايندا ايردى‌كيم ميرعلى اق سيد اوعلى على مردان
7. اق سيد يكرمى التى ياشندا دار فنا
8. دين دار بقاعا رحلت قيلدى حق تعالى عرق
9. بو لوحنى اناسى لباق بناقيلدى

Дата: 1534 г., июль—август.

„1. Сказал бог преблагой, всевышний: всякая душа
вкусит смерть.
2. Сказал пророк, — да будет над ним мир, — мир есть пашня
3. конечной жизни. Сказал пророк, — да будет над ним мир, —
мир есть час, так используй его
4. в богоугодных делах. Сказал пророк, — да будет над ним
мир . . . . .
5. Мученически пал по летосчислению в девятьсот сорок
первом, в благословенном муḥарраме
6. месяце то было, что аḳ-сайид Мӣр-ʿАлӣя сын аḳ-сайид
ʿАлӣ-Мӓрдӓн,
7. двадцати шести лет, из мира
8. тленного в мир вечности переселился. Праведный бог...
9. Этот памятник воздвигла (его) мать Ӓбӓḳ“.

Текст 6: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ИЗ С. ЧЕМЕРГЫ АРСКОГО РАЙОНА ТАССР

Размер: 21 × 45 × 140 см.

1. قال الله تبارك و تعالى
2. كل من عليها فان ويبقى وجه
3. ربك ذوالجلال والاكرام
4. تاريخ توقوز يوز قرق دا
5. مرعلى اوستاذ اوعلى شاه مردان
6. اوستاذ ذوالحجه ايندا
7. دار فنادين دار بقاعا رحلت قيلدى

Дата: 1534 г., июнь—июль.

„1. Сказал бог преблагой, всевышний:
2. все, что на ней (на земле), — бренно, и останется вечно (лишь) лицо
3. господа твоего, обладателя величия и почтения.
4. По летосчислению в девятьсот сороковом.
5. Ӯстāзa Мир-ʿАлӣя сын Шахӣ-Мӓрдāн ӯстāз[1]
6. в месяц зӯлхиджа
7. из мира тленного в мир вечности переселился“.

---

[1] *Ӯстāз* — духовный наставник, учитель.

Текст 7: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ИЗ С. НИЖ. МЕТЕСКИ, АРСКОГО Р-НА ТАССР

Размер: 25 × 56 × 136 см.

1. قال الله تبارك و تعالى
2. كل من عليها فان ويبقى وجه
3. ربك ذوالجلال والاكرام
4. تاريخ توقوز يوز قرق سكزدا
5. قوناق حوجه‌باى اوعلى جيان حوجه او
6. . . . . [بارعاندا] كافر قولندين شهيد بولدى

Дата: 1541/42 г.

1. Сказал бог преславный, всевышний:
2. все, что на ней (на земле), — бренно, и останется вечно (лишь) лицо
3. господа твоего, обладателя величия и почтения.
4. По летосчислению в девятьсот сорок восьмом.
5. Ḳūnāḳ-Ходжа-бāя сын Джӣйāн-Ходжа
6. . . . . пал мученически от руки неверного".

Текст 8: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ИЗ С. НИЖ. МЕТЕСКИ АРСКОГО Р-НА ТАССР

Размер: 22 × 55 × 137 см.

1. قال الله تبارك و تعالى
2. كل من عليها فان ويبقى وجه
3. ربك ذوالجلال والاكرام
4. تاريخ توقوز يوز قرق سكيزدا
5. قوناق حوجه‌باى اوعلى امان حوجه حافظ
6. اوزعاندا بارعاندا كافر[قولندين] شهيد بولدى

Дата: 1541/42 г.

„1. Сказал бог преславный и всевышний:
2. все, что на ней (на земле), — бренно, и останется вечно (лишь) лицо
3. господа твоего, обладателя величия и почтения.
4. По летосчислению в девятьсот сорок восьмом.
5. Ḳӯнāḳ-Ходжа-бāя сын Амāн-Ходжа ḥāфиẓ
6. . . . . пал мученически [от руки] неверного“.

Текст 9: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ИЗ С. ПАНОВКА ПЕСТРЕЧИНСКОГО Р-НА ТАССР

Размер: 20 × 55 × 150 см.

1. قال الله تبارك و تعالى
2. كل من عليها فان ويبقى وجه
3. ربك ذوالجلال والاكرام
4. تاريخ توقوز يوز ايليك بردا
5. مبارك ماه ذوالحجه اى‌نيك . . . .
6. تنكرى بردى اوعلى . . . . .
7. كافر قولندين شهيد بولدى نور الله قبر

فان

Дата: 1545 г., январь.

„1. Сказал бог преславный и всевышний:
2. все, что на ней (на земле), — бренно, и останется вечно (лишь) лицо
3. господа твоего, обладателя величия и почтения.
4. По летосчислению в девятьсот пятьдесят первом,
5. благословенного месяца зӯлḥиджа . . . . . .
6. сын Тāнгрӣ-Бирдӣ . . . . . .
7. мученически пал от руки неверного. Да осветит бог могилу (его)“.

Текст 10: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ИЗ С. МАКСАБАШ ТЮЛЯЧИНСКОГО Р-НА ТАССР

Размер: 22 × 43 × 95 см.

1. هوالحی الذی لا یموت و کل حی سیموت قال النبی علیه السلام الدنیا سا
2. عت فجعلها طاعت صدق قال النبی علیه السلام الدنیا
3. الموت . . . . قال النبی علیه السلام الدنیا جیفات وطالبها کلاب
4. تاریخ مینکدا توقسان ایکیدا . . . . . ایشتیراک حافظ
5. ایشای سوفی‌نک اوعلی ایردی اتا اناسی اوچون اوز واقتندا بیلکنی قویدی
6. ایر انلاردین [دعا اومید اوچون] کورارمن دنیانی ویران باری باقی ایرمس همیشه یوق قراری

Дата: 1681 г.

„1. Он живой, который не умирает, все живущее умрет. Сказал пророк, — да будет мир над ним, — мир есть
2. час, так используй его в богоугодных делах, истинно. Сказал пророк, да будет мир над ним, мир . . .
3. смерть . . . . Сказал пророк, — да будет мир над ним, — мир есть падаль и желающие его — собаки.
4. По летосчислению в тысяча девяносто втором . . . . ḫāfīẓ Йштīрāк
5. сын Йшāя-сӯфӣ для отца и матери при жизни своей памятник воздвиг,
6. от людей [молитв ожидая]. Вижу мир развалиной по существу, не останется он
продолжительно в покое“.

Г. В. Юсупов. К вопросу об истории и классификации булгаро-татарской эпиграфики, рис. 4.

Текст 11: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ. МЕСТО НАХОДКИ НЕИЗВЕСТНО

1. هوالحی الذی لا یموت و کل حی سیموت قال النبی
2. علیه السلام الدنیا ساعات فجعلها طاعات
3. قال النبی علیه السلام الدنیا . . . . . المؤمینا
4. وجنت الکافر قال النبی علیه السلام
5. الدنیا جیفات وطالبها کلاب تاریح مینکدا
6. یوزدا التیده دیرلار ایردی . . . . مورضا
7. اوعلی . . . . مورضا . . . . . .

Дата: 1694/95 г.

„1. Он живой, который не умирает, все живущее умрет. Сказал пророк, —
2. да будет мир над ним, — мир есть час, так используй его в богоугодных делах.
3. Сказал пророк, — да будет мир над ним, — мир . . . . мусульм[ан]
4. и рай неверных. Сказал пророк, — да будет мир над ним, —
5. Мир есть падаль, и все желающие его — собаки.
   По летосчислению в тысяча
6. сто шестом было . . . . . мӯрзы
7. сын . . . . . мӯрзā . . . . . “.

Альбом булгаро-татарской эпиграфики, № 14 (в библиотеке КФАН СССР).